332.3
Л 586

...етарии всех стран, соединяйтесь!

И. НАРВСКИЙ

ГОС. ПУБЛ. БИБЛ. ЧИТ. ЗАЛ. В ЛЕНИНГРАДЕ

К истории борьбы большевизма с люксембургианством

ПАРТИЗДАТ
1932

VU.881

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

39.3
1586а

И. НАРВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЛИТ. ЗАЛ
В ЛЕНИНГРАДЕ

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ БОЛЬШЕВИЗМА С ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВОМ

39.3
1586

Г.П.Б. в Лнгр
Ц. 1933 г
Акт № 165

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящие очерки составились из ряда докладов, прочитанных в связи с письмом т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Очерки эти были закончены написанием еще в феврале этого года и предназначались для текущих пропагандистских задач.

Из огромного числа теоретических вопросов, выдвинутых в статье т. Сталина, автором был взят один вопрос — о люксембургианстве под углом зрения борьбы с троцкистскими контрабандистами.

В печать эти очерки попадают лишь тогда, когда нашей партией и печатью проделана большая работа по разоблачению троцкистской контрабанды, по изучению и дальнейшему развитию ряда проблем, выдвинутых т. Сталиным в его письме в редакцию журнала «Пролетарская революция». На основе этого накопленного материала следовало бы пойти гораздо дальше, чем это сделал автор в данных очерках.

Теперь автор писал бы эту брошюру совершенно заново, но это означало бы опять отложить сдачу ее еще на полгода.

Хотя недостатки этих очерков, в частности форма изложения — некоторая фрагментарность, автору совершенно очевидны, но он считал возможным выпустить их хотя бы в таком виде по одному тому, что в них собран сравнительно достаточный для целей текущей нашей пропаганды материал из работ Ленина и Сталина[1].

Впрочем на большее автор и не претендовал.

Августа 1932 г.

---

[1] Все цитаты из собр. соч. Ленина приводятся по 2-му или—что то же самое—по 3-му изд. из «Вопросов ленинизма» Сталина по 4-му изд.

I. ПИСЬМО ТОВ. СТАЛИНА И БОРЬБА С ТРОЦКИСТСКИМИ КОНТРАБАНДИСТАМИ

«Успехи борьбы за выполнение пятилетки в четыре года нашли свое выражение в победоносном строительстве социализма в СССР...

Партия добилась этих успехов в борьбе с буржуазной теорией троцкизма о невозможности построения социализма в одной стране и неизбежности реставрации капитализма — троцкизма, превратившегося теперь в передовой отряд буржуазной контрреволюции».

(Из резолюции XVII конференции ВКП(б).

Письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» является документом огромной политической и теоретической важности. Политическое значение этого письма вытекает из современной обстановки. Политическая заостренность этого письма непосредственно связана со всеми процессами, которые происходят внутри нашей страны, и с теми процессами, которые связаны с развитием мирового кризиса, с развитием и ростом Коммунистического интернационала.

Пролетариат Советского союза под руководством коммунистической партии и ее ленинского ЦК добился всемирно-исторических побед в борьбе за социализм и успешно выполняет первую пятилетку в четыре года.

На основе политики индустриализации, развернувшей невиданные темпы роста тяжелой индустрии, создана собственная база для завершения полной реконструкции всего народного хозяйства.

Вовлечение абсолютного большинства крестьянских хозяйств в колхозы означает окончательный поворот середняцко-бедняцких масс к социализму. Сплошная коллективизация основных сельскохозяйственных областей и на ее основе ликвидация кулачества как класса, бурный рост совхозов, внедрение МТС в сельское хозяйство, колоссальное развитие машинизации превратили СССР в страну самого крупного земледелия во всем мире.

На основе развернутого социалистического наступления

ленинский вопрос «кто кого?» полностью и бесповоротно решен в пользу социализма в городе и в деревне.

Эти победы были достигнуты на основе могучего подъема революционной активности пролетариата и трудящихся масс, на основе исключительного по своим размерам трудового энтузиазма.

Главной предпосылкой успешного осуществления задач диктатуры пролетариата в СССР являлась и является ленинская политика ВКП(б), руководящая классовой борьбой пролетариата и строительством социализма в СССР — базы международной революции.

Партия, ее ленинский ЦК во главе с вождем партии и ее теоретиком т. Сталиным добились этих побед в решительной борьбе с буржуазными реставраторами — вредителями и с контрреволюционным троцкизмом, с его буржуазной теорией о невозможности построения социализма в нашей стране.

Партия разгромила кулацкую агентуру — правый оппортунизм, который вел к прямой капитуляции перед буржуазными элементами и кулачеством.

Партия неуклонно боролась, давала беспощадный отпор «левацким» загибам, решительно отметала всякое проявление примиренчества к уклонам от генеральной линии партии.

Задачи выполнения второй пятилетки и построения бесклассового общества требуют продолжения решительной борьбы с оппортунизмом всех видов. Путь к бесклассовому социалистическому обществу лежит через ожесточенную борьбу с классовыми врагами. Остатки капиталистических элементов еще будут оказывать самое бешеное, остервенелое сопротивление социалистическому наступлению. Путь к бесклассовому обществу лежит через дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата, укрепление нашей партии—в неустанной борьбе с оппортунистами, через преодоление буржуазных пережитков, мелкобуржуазных привычек и навыков миллионов людей.

Поэтому необходимо еще большее усиление борьбы на два фронта. Правый оппортунизм остается главной опасностью, ибо он «отражает кулацкую опасность, а кулацкая опасность в данный момент, в момент развернутого наступления и корчевки корней капитализма, является основной опасностью в стране» [1]. Необходимо неустанно продолжать беспощадную борьбу с «левацкими» загибами, с примиренческим отношением к уклонам и с гнилым либерализмом.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 714.

Поэтому необходимо бороться с неослабной энергией с остатками контрреволюционного троцкизма.

Эти задачи стоят не только перед ВКП(б), они стоят перед всем Коминтерном. В борьбе против строительства социализма в СССР и против революционного наступления пролетариата во всем мире буржуазия пользуется оружием контрреволюционного троцкизма. Выполняя «социальный» заказ буржуазии, ее передовой отряд—контрреволюционный троцкизм стремится протащить буржуазные теории и в теоретическую работу. В прямой, открытой форме троцкизм не может выступать перед массами, ибо контрреволюционная его сущность давно уже разоблачена партией, его буржуазная теория невозможности построения социализма в одной стране разбита в прах. Троцкизм может выступать только в форме замаскированных вылазок.

Троцкизм играет роль авангарда для буржуазии, которая не только изнутри, но и извне стремится сорвать строительство социализма. Троцкизм пытается, а в дальнейшем еще больше попытается, помогая экономической борьбе против СССР и созданию идеологического прикрытия для интервенционистских замыслов, сыграть также и на том, что проблема «кто кого?», решенная внутри страны в пользу социализма, остается и ставится все острее и острее в области международных взаимоотношений СССР, в его борьбе вместе с мировым пролетариатом против капиталистического окружения. Усиливая бдительность к вылазкам и проявлениям контрреволюционного троцкизма в нашей стране, следует помнить также и то, что «тезис о Клемансо»—пораженческое отношение к СССР—есть оружие, данное троцкистами в руки интервенционистов и их пособников. Сущность этого контрреволюционного тезиса Троцкого заключалась в следующем. Французская буржуазия в самый острый момент мировой войны, когда немцы стояли «у ворот Парижа», сменила под руководством Клемансо стоявшее у власти правительство как неспособное организовать оборону страны и отразить неприятельское вторжение. Когда в 1927 г. над СССР нависла угроза нового нападения интервентов, в связи с разрывом наших отношений с Англией, Троцкий выдвинул пораженческий «тезис о Клемансо», означавший его обещание последовать примеру Клемансо, т. е. усилить борьбу против партии в момент нападения империалистов на Советский союз.

Разоблачая троцкистскую контрабанду, выступая самым решительным образом против гнилого либерализма, т. Сталин в письме развивает ряд теоретических положений, имею-

щих огромное принципиальное значение. Основное положение, которое т. Сталин делает краеугольным камнем своего выступления, — о роли нашей партии в международном рабочем движении. Он разоблачает троцкистскую клевету Слуцкого, что Ленин (большевики) не боролся против центризма в германской социал-демократии и во II Интернационале, якобы ставя интересы своей фракции выше интересов международного пролетариата. Тов. Сталин далее разоблачает то, на что «намекал» Слуцкий: раз большевики по его словам не вели борьбы против центризма, тем самым они якобы не были настоящими большевиками, настоящими революционерами. Отсюда следует заключить, по клеветническому утверждению троцкистских контрабандистов, что большевики стали настоящими большевиками только тогда, когда им помог перевооружиться Троцкий.

Тов. Сталин разоблачает троцкистскую контрабанду типа Волосевичей о том, что Ленин (большевики) якобы только в 1917 г. понял необходимость перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Все эти троцкистские «идейки» Слуцких и Волосевичей корнями своими уходят в так называемую теорию «перевооружения». Духовный отец ее — Троцкий. Троцкий систематически проповедует в разных формах мысль о том, что большевики в 1917 г. «перевооружились» с помощью троцкизма. В одной из последних его книг о Февральской революции — бульварной клевете на нашу партию, изданной на потребу буржуазии,—достаточно полно раскрывается контрреволюционный облик этой гнусной «теорийки». Троцкий и троцкисты пытаются клеветать на партию и на Ленина, говоря, что до 1917 г. большевики стояли на «неправильной» точке зрения, пока наконец Ленин в 1917 г. не пришел к троцкизму, а за ним и вся партия, боровшаяся до этого против «сползания» Ленина к троцкизму, а затем уже после смерти Ленина снова вернувшаяся на прежние «неверные позиции».

Стоит ли доказывать, что — это чудовищная клевета на Ленина и на ленинскую партию? Нет, конечно, ибо это значило бы превратить аксиому в проблему, как писал т. Сталин. Но беда в том, что эта клевета просачивается и в некоторые наши большевистские органы и что в ответ на эту клевету мы видим иногда проявления гнилого либерализма вместо большевистского отпора.

Мысль о том, что наша партия выступает в качестве представительницы «чисто русских» «фракционных» интересов, что большевизм представляет собой «чисто русское

явление», — эту мысль давно протаскивают все враги нашей партии и Коммунистического интернационала. Буржуазия и социал-фашисты свою агитацию построили на утверждении, что большевизм — «чисто русское явление», что это — «азиатский» продукт, что это — движение, харктерное лишь для отсталых стран. Один из самых тонких и опасных фальсификаторов марксизма — О. Бауэр выводит из своей теории «национальных характеров» мысль, что большевизм составляет такую же особенность русского национального характера, как лейборизм — английского. Буржуазия и ее главный оплот — социал-фашисты, не имея возможности замолчать и опорочить строительство социализма, идущего под руководством большевиков, уничтожение безработицы, успехи большевистской расправы с капитализмом и т. д.,— стремятся забросать рабочим глаза песком, доказывая, что происходящее в «отсталой России» никак неприложимо к передовым странам Европы и Америки. Контрреволюционный троцкизм дает в руки буржуазии оружие и в этом вопросе. Контрреволюционные троцкисты и ренегаты коммунизма в отдельных странах вели и ведут борьбу против Коммунистического интернационала и руководства ВКП в Коминтерне, повторяя аргументы буржуазии о диктатуре «отсталой Москвы», «национал-большевизма» над «передовой Европой». Контрреволюционные троцкисты в этой борьбе против ленинизма пытаются поднять на щит люксембургианство, выдавая его за «европейский коммунизм». Троцкизм пытается опереться на люксембургианство, на которое он опирался и ранее с момента своего возникновения, в своей борьбе против большевизма.

Свою борьбу против ленинской теории, против ленинского понимания исторических путей Октября троцкизм построил на теории «примитивности» и безнадежной отсталости нашей экономики. Троцкий писал о том, что «крестьянская подоплека есть и под ленинизмом, эта крестьянская подоплека преломилась через пролетариат, и этому преломлению Ленин дал законченное выражение. В этом именно смысле Ленин есть головное выражение национальной стихии». Почти теми же словами Троцкий выразил ту же мысль, что и Отто Бауэр! В период «ленинградской оппозиции» Зиновьев также вводил в определение ленинизма отсталость России, пытаясь превратить ленинизм из интернационального пролетарского учения в продукт российской самобытности.

Разоблачая их, т. Сталин в брошюре «К вопросам ленинизма» пишет:

«Разве ленинизм не есть обобщение опыта революционного движения всех стран? Разве основы теории и тактики ленинизма не пригодны, не обязательны для пролетарских партий всех стран? Разве Ленин был не прав, говоря, что «большевизм годится как образец тактики для всех»[1].

Международное значение большевизма вытекает из всего хода борьбы рабочего класса во всем мире в эпоху империализма. И значение его состоит прежде всего в том, что, разрабатывая коренные вопросы революции в России, большевизм тем самым и вместе с тем разрабатывал коренные вопросы мировой революции. Большевизм в России, борясь последовательно, решительно и до конца против оппортунизма всех видов и оттенков, боролся и против международного реформизма, явного и прикрытого. Борьба большевизма против оппортунизма показала на деле, что с самого начала своего возникновения, задолго до мировой войны, единственной, до конца революционной, последовательно-марксистской партией пролетариата была только наша партия. Гнусной клеветой являются поэтому слова Слуцких о том, что большевики недооценивали опасности центризма до войны из-за соображений «узко фракционных», из-за соображений «национальной ограниченности».

Вся история борьбы рабочего класса, проверка всех этапов этой борьбы говорит о том, что «русская революция не есть частное дело русских, что она, наоборот, является делом рабочего класса всего мира, делом мировой пролетарской революции». Вся история нашей партии говорит о том, что «последовательный и до конца революционный интернационализм большевиков является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран»[2].

II. РОССИЯ—УЗЕЛ МИРОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И ЦЕНТР РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

«...Русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции...»

(Из письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция»).

Чтобы понять объективную роль большевизма в международном рабочем движении, следует обратиться к постановке, данной т. Сталиным в «Вопросах ленинизма». Он указывает, что Маркс и Энгельс писали (в «Коммунистическом

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 247.

[2] Там же, стр. 780.

манифесте») о том, что в XVII и XVIII вв., т. е. на заре капитализма, центры буржуазной революции были в Англии и во Франции, а в XIX в. переместились в Германию. Именно потому, что центр революционной борьбы в XIX в. переместился в Германию, в страну с более передовыми отношениями и более развитым пролетариатом, именно поэтому, говорит т. Сталин, Германия стала родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата Маркс и Энгельс стали основоположниками этого учения. В XX в., когда капитализм умирает, «при более прогрессивных условиях, в Европе и с более развитым пролетариатом, чем в Германии (не говоря уже об Англии и Франции[1])», центр революционной борьбы переместился в Россию, а вождь российского пролетариата — Ленин стал творцом ленинизма и вождем международного пролетариата.

Почему же центр революционной борьбы переместился в Россию? Потому что Россия была узловым пунктом противоречий мирового империализма. Противоречия: между трудом и капиталом, между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья и чужие территории, между горстью господствующих наций и значительным большинством угнетенных наций и т. д., все эти группы основных противоречий капитализма в острейшей форме на последнем этапе его развития нашли место в России.

«...Россия должна была стать узловым пунктом противоречий империализма не только в том смысле, что противоречия эти легче всего вскрывались именно в России ввиду особо безобразного и особо нестерпимого их характера, и не только потому, что Россия была важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока, но и потому, что только в России существовала реальная сила, могущая разрешить противоречия империализма революционным путем». Эта сила — революция против царизма, которая «должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую», — говорит т. Сталин[2].

Революция в России не могла «не потрясти самые основы мирового империализма» (Сталин). Но в такой революции должна была с особой силой выдвинуться роль пролетариата как вождя революции, а его борьба за революцию в России — приобрести международный характер.

Отсюда и роль нашей партии в международном рабочем

[1] В эпоху XVII и XVIII вв — *И. Н.*

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 10, 11.

движении, в борьбе за мировую социалистическую революцию.

Первое революционное выступление научного коммунизма было в революцию 1848 г. Накануне революции Маркс и Энгельс предвидели, что буржуазная революция в Германии будет лишь прологом пролетарской революции. В огне революции 1848—1850 гг. выковалось развернутое представление о революции непрерывной, идущей от победы буржуазной демократии к полному ниспровержению буржуазного порядка, к диктатуре пролетариата, от победы революции в одной стране — к ее победе в большинстве европейских стран, к торжеству коммунистической революции.

Опыт революции 1848—1850 гг. дал исключительные образцы пролетарской борьбы, попыток пролетариата завоевать гегемонию в революции, стремлений сделать революцию непрерывной, образцы пролетарской международной солидарности в деле разжигания европейского пожара.

Марксова теория пролетарской революции окрепла и закалилась в революцию 1848—1850 гг., послужив основой для борьбы пролетариев всего мира за диктатуру пролетариата.

Подводя итоги революции 1848—1850 гг., Маркс и Энгельс считали, что грядущая революция начнется во Франции и через рейнские провинции перекинется в Германию и продолжится в Англии. От победы «мелкобуржуазной демократии» революция пойдет дальше — не для изменения частной собственности, а для ее уничтожения, не для затушевывания классовых противоречий, а для уничтожения классов, не для улучшения существующего общества, а для основания нового.

В разгроме революции 1848 г., охватившей большую часть Европы, огромнейшую роль сыграла царская Россия, представлявшая оплот европейской контрреволюции. Революционная ситуация в России наступила лишь через десятилетие после революции в Европе. В конце 50-х годов, накануне освобождения крестьян, крестьянское движение подымалось грозной волной и грозило смыть самодержавие крепостников-помещиков.

В январе 1860 г. Маркс пишет Энгельсу:

«По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Джона Брауна[1], с другой стороны — движение рабов в России. Ты конечно заметил, что дворянство в России открыто занялось агитацией за конституцию и что два или три человека из самых знатных семей уже сосланы в Сибирь. В то же время Александр испортил свои отношения и с крестьянами, объявив в своем последнем манифесте буквально, что «коммунистический принцип» должен исчезнуть с освобождением. Так открылось «социальное движение» на Западе и Востоке. Вместе с предстоящим крахом в центральной Европе это будет грандиозно».

На это письмо Маркса Энгельс отвечает следующими строками:

«Твой взгляд на значение движения рабов в Америке и России уже подтверждается... В России также, к счастью, дела осложняются. У «Аугсбургской всеобщей газеты» имеется теперь очень хороший корреспондент в Петербурге. Правда, он обращает больше внимания на конституционное движение дворянства, но оно конечно даст толчок крестьянам»[1].

Надежды на крестьянскую войну в России не оправдались в это время. Россия попрежнему высилась в международной политике как оплот реакции, но революция в ней сделала огромный шаг вперед.

Пока надежды на революцию в России или вовсе отсутствовали или были крайне незначительны, вопрос о революционной войне против царской России играл большую роль в построениях Маркса — Энгельса о перспективах европейской, «континентальной» социалистической революции. Нарастание «социального» движения на Востоке учитывается Марксом и Энгельсом как новый фактор перспектив международной революции.

Исходным положением для них является мысль, высказанная Марксом еще в 1856 г. применительно к Германии, о том, что все дело «будет зависеть от того, можно ли будет поддержать пролетарскую революцию вторым изданием крестьянской войны»[2].

Это положение конечно относится не только к Германии 50-х годов, его не случайно в свое время вспомнил Ленин. В несколько иной форме, но по существу ту же мысль, что и в 1856 г. выразил Маркс, говоря о перспективах пролетарской революции в Англии и Ирландии, что он «давно был убежден, что социальная революция серьезно долж-

[1] Джон Браун—американский фермер, организатор партизанской войны против рабовладельцев, поднял восстание в Виргинии, совместно с неграми, но был разбит и казнен в 1859 г. при попустительстве буржуазии Севера.

[1] Маркс—Энгельс, т. XXII, стр. 474, 475, 476.
[2] Там же, стр. 139.

на начаться с самых основ, т. е. с земельной собственности»[1].

Концепцию развития мировой революции, по которой Россия, совершая крестьянскую революцию, дает толчок пролетарской революции на Западе, особенно подробно Маркс и Энгельс развивают после падения Парижской коммуны. В самый момент Парижской коммуны не произошло крестьянской революции в России. Революционная ситуация там сложилась снова через десять лет после пролетарской революции на Западе — в 1881 г. Но и тогда крестьянская революция в России не сумела победить.

После Парижской коммуны, несмотря на ее поражение, Маркс и Энгельс питают уверенность в близком приходе социалистической революции.

Энгельс пишет Марксу в 1874 г., что «господствующие классы повсюду гниют одинаково быстро, и даже наши немецкие буржуа в этом пункте стоят совсем на уровне с веком»[2].

Но если раньше, в эпоху 40—50-х годов, толчком для развертывания пролетарской революции в странах Европы должна послужить война с Россией, то сейчас Маркс и Энгельс видят этот толчок преимущественно в крестьянской революции в России. Отсюда пристальное внимание Маркса к земельным отношениям в России и исключительный интерес к деятельности народовольцев. Это не значит, что момент войны с Россией вовсе отпадал. Но для того, чтобы свалить русский абсолютизм, отвечал Энгельс Ткачеву, не обязательно воздействие извне, хотя война ускорила бы его падение. «В самом русском государстве, внутри него, существуют элементы, усиленно работающие над его разрушением».

В конце 70-х годов Маркс и Энгельс приходят к убеждению, что Россия «давно уже находится накануне переворота; все элементы для этого готовы»[3].

В развернутой форме Маркс высказал свои соображения о перспективах мировой революции в связи с Россией в ряде писем: к Николай — ону, в редакцию «Отечественных записок», к Вере Засулич, в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста». Эту же позицию развивает и Энгельс в статьях 70-х годов.

---

[1] Непереводимая игра слов: Grund — основа, Grundeigentum — земельная собственность. Маркс. Письма к Кугельману. Пер. М. Ильиной, под ред. Ленина. 1907 г., изд. «Новая дума», стр. 39.

[2] Маркс — Энгельс, т. XXIV, стр. 434.

[3] Переписка с Зорге, стр. 163.

Суть позиции основоположников научного коммунизма заключалась в следующем. Отвечая народникам, следует ли уповать на крестьянскую общину как на источник коммунизма, Маркс и Энгельс указывали, что Россия стоит перед революцией буржуазно-демократической. Эта буржуазно-демократическая революция послужит толчком для пролетарской революции в Европе. Тогда, т. е. при победе на Западе пролетарской революции, поддержанной российской крестьянской революцией, Россия сумеет пойти к коммунизму, минуя капитализм.

Падение самодержавия в России послужит «сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга»[1]. Социалистическая революция на Западе даст возможность России, как и вообще отсталым странам с докапиталистическими отношениями, избежать «всех превратностей капиталистического строя».

Маркс и Энгельс указывали на возможность некапиталистического развития отсталых стран при помощи победившего пролетариата передовых стран—мысль, развернутая в учении Ленина и проведенная в программе Коминтерна[2].

Энгельс в 1875 г. пишет гениально-пророческие строки:

«Видно, что земельная община в России давно уже пережила период своего расцвета и, судя по всем данным, идет навстречу своей гибели. Тем не менее несомненно существует возможность превратить эту общественную форму в высшую, более развитую, если она только сохранится до того времени, когда созреют необходимые для этого условия и если она окажется способной к развитию в смысле перехода крестьян от индивидуальной обработки земель к обработке общественной; при таких условиях можно будет придать теперешней общине эту высшую форму, не заставляя русских крестьян проходить промежуточную стадию буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если еще до окончательного разложения общинной собственности в России в Западной Европе совершится пролетарская революция и доставит русскому крестьянину предварительные условия для такого перехода, в том числе и материальные, в которых он нуждается, чтобы произвести неразрывно связан-

---

[1] Маркс, Предисловие к русскому переводу 1882 г. «Коммунистического манифеста».

[2] См. речь Ленина на II конгрессе Коминтерна, т. XXV, стр 354—355.

ный с этим переворот во всей системе земледелия»[1].

Община разложилась, как и предполагал Энгельс, до пролетарской революции, и переход от индивидуальной обработки к общественной и все предпосылки, в том числе и материальные, для переворота во всей системе земледелия дала в России социалистическая индустриализация победившего в Октябре пролетариата.

Крестьянская революция, руководимая мелкобуржуазной партией народовольцев, не победила в XIX в., а разрыв на целое десятилетие (конец 40-х годов—конец 50-х годов, 1871—1881 гг.) между борьбой пролетариата Европы и крестьянства в России не дал последнему и пролетарского руководства. Движение крестьянства России обрело пролетарское руководство в своей собственной стране, но уже в новых условиях, в условиях империализма.

Чем же объясняется это запоздание буржуазной революции в России?

Объяснение этому можно найти в ленинской концепции развития капитализма в России. В частности, оно дано в постановке Лениным вопроса о развитии капитализма вширь и вглубь. Эта постановка вопроса объясняет и ход борьбы двух путей развития капитализма в России и соотношение классов в ней.

Развитие капитализма вглубь — это значит такое дальнейшее развитие капитализма, которое происходит уже в данной, замкнутой и определенной территории. Вширь — распространение сферы господства капитализма на новые территории, связанное с процессом колонизации новых земель, их насильственным присоединением.

Теоретически ставя проблему рынка, Ленин считал неправильным делать принципиальное различие между внешним рынком и колонизуемыми районами. А колониями центральной Европейской России, т. е. царского самодержавия и русского капитализма, были так называемые окраины. «Южные и восточные окраины Европейской России... представляют из себя, в экономическом смысле, колонии центральной Европейской России...»[2].

Потребность в емком внутреннем рынке наталкивается на препятствия в виде крепостнических остатков и пережитков, задерживающих расширение внутреннего рынка. «Фабрикантам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах или в колониях старой страны»[1].

Помещичье самодержавие и помещичье землевладение преграждали пути для расширения внутреннего рынка в «старом районе», но это же самодержавие доставляло силой, грабежом, захватом для великорусской буржуазии колонии и тем самым позволяло компенсировать узость внутреннего рынка расширением границ, колониальным захватом и в XX в. империалистической агрессией.

Где же граница между внешним и внутренним ранками?— спрашивает Ленин.—«Если Средняя Азия—внутренний рынок, а Персия — внешний, то куда отнести Хиву и Бухару? Если Сибирь — внутренний рынок, а Китай — внешний, то куда отнести Манчжурию? Подобные вопросы не имеют важного значения. Важно то, что капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России»[2].

Самодержавие для сохранения своих привилегий, остатков крепостничества, помещичье-крепостнического землевладения завоевывало колонии для российского капитализма. Тем самым оно отдаляло революционную развязку противоречий, неизбежно выраставших на почве развивающегося капитализма, которому ставили чудовищные преграды крепостническое самодержавие и помещичье землевладение. Но это «отодвигание» буржуазной революции, ставшее особенностью России, пережившей свою буржуазную революцию на много лет позже ряда европейских стран, было куплено ценой обострения и все бо́льшего накопления противоречий, в частности усилением национального гнета и, отсюда, — развитием национально-освободительного движения.

Одно место у Ленина, спрятанное в примечании в «Развитии капитализма в России» и сказанное эзоповским языком из соображений цензурных, имеет огромнейшее значение для понимания хода исторического процесса России, объяснения запоздалости буржуазной революции, роли таких районов, как юго-восток, Сибирь, Кавказ и др., связи самодержавия с капитализмом, и громадного развития про-

[1] Энгельс, О социальном развитии России. Статьи 1871—1875 гг стр. 68—69, изд. 1919 г. Подчеркнуто нами. — *И. Н.*

[2] Ленин, т. III, стр. 463.

[1] Ленин, т. III, стр. 462.

[2] Там же, стр. 464. Подчеркнуто нами — *И. Н.*

ГОС. ПУБЛ. БИБЛ. В ЛЕНИНГ. ЧИТ. ЗАЛ

тиворечий, придавших революции в России исключительный размах, влиявших на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Вот что пишет Ленин в этом примечании к главе о значении окраин в «Развитии капитализма в России».

«...Развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной территории задерживается вследствие колонизации окраин. Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм может легко развиться вширь. Например единовременное существование самых передовых форм промышленности и полусредневековых форм земледелия представляет из себя несомненно противоречие. Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале переформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями сельской жизни (прикрепление крестьян к земле и пр.[1]) должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расширению пути[2] для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение. Само собой разумеется, что такое (подчеркнуто Лениным. — *И. Н.*) замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем». (Подчеркнуто нами.—*И. Н.*)

Оттяжка развязки всех накопленных и временно отодвинутых противоречий привела к такому их обострению, которое и получило свое выражение в трех русских революциях XX в.

Союз пролетарской революции в странах Европы с крестьянской войной в России, который намечали Маркс и Энгельс, осуществился в XX в. на новой уже основе внутри самой России.

Когда Ленин в первые месяцы после Октябрьской революции печатал отдельным изданием свою статью о Марксе, то в предисловии он счел необходимым подчеркнуть мысль Маркса о подкреплении пролетарской революции вторым изданием крестьянской войны. Указывая на эту мысль, Ленин писал:

---

[1] Ленин имеет в виду помещичье самодержавие и землевладение. — *И. Н.*

[2] Т. е. к буржуазно-демократической революции. — *И. Н.*

«Вот чего не поняли наши меньшевики 1905 г., докатившиеся теперь до полной измены социализму, до перехода на сторону буржуазии»[1].

Эту мысль Ленина исказили правые оппортунисты, в частности т. Бухарин (в «Политическом завещании»), изображавшие Октябрьскую пролетарскую революцию не как революцию, разрешившую попутно и мимоходом не решенные до нее задачи буржуазно-демократической революции, а как приказчика буржуазно-демократической, крестьянской революции. Неудивительно поэтому, что, по мнению правых, пролетариат и в 1928 г. должен был выступать в роли приказчика крестьянской войны, да еще в «строительной форме».

Пролетариат России взял на себя по отношению к крестьянству России ту задачу, какую должен был сыграть в XIX в. пролетариат Европы. Но если в XIX в. крестьянская война в России могла послужить толчком для пролетарской революции Запада, то в XX в. социалистическая революция пролетариата России, переросшая из буржуазно-демократической революции, является началом и важнейшим двигателем мировой социалистической революции.

Потому с такой силой и подчеркнул т. Сталин в письме в «Пролетарскую революцию» значение и роль пролетариата России, роль и значение революции в России.

«Ленин еще в 1902 г. писал в своей брошюре «Что делать?», что «история поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было страны», что «осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции, сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата». «Со времени выхода в свет брошюры «Что делать?», — продолжает т. Сталин, — прошло 30 лет. Никто не смеет отрицать, что события за этот период блестяще подтвердили слова Ленина. Но не следует ли из этого, что русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции, что коренные вопросы русской революции являлись вместе с тем (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции?»[2].

В противовес этой теории о международном значении российского пролетариата троцкизм проводил и проводит

---

[1] Ленин, т. XXII, стр. 529.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 781.

идею о невозможности для пролетариата России (а потом для пролетариата СССР) разрешить свои задачи внутренними силами.

Эта идея обосновывается при помощи теории такой зависимости царской России от западноевропейского империализма, которая исключала возможность прорыва в России слабого звена империалистической цепи, исключала самостоятельное от мирового хозяйства экономическое развитие социализма в нашей стране.

В исторической литературе эта теория возведена в стройную схему у т. Ванага[1]. Тов. Ванаг дал приложение схемы Гильфердинга к русским условиям, и вслед за Гильфердингом повторил его ошибки. Вместо сращивания банковского капитала с промышленным мы видим у него подчинение промышленности банкам и тем самым стирание противоречий между банками и промышленностью в период империализма; отодвигаются на задний план монополии; финансовый капитал выводится из обращения, а не из производства. За основу берется не процесс концентрации, приводящий к монополии, а вывоз капиталов. Не анализируя происхождение монополий, а уделив главное внимание вопросам о происхождении банкового капитала и притоку иностранного капитала, т. Ванаг стирает значение основного момента для характеристики империализма: что монополии складываются на основе концентрированной промышленности. Обладая высокой степенью концентрации и усовершенствованной техникой, русская промышленность являлась удобной почвой для развития монополистического капитализма. А Ванаг усиленно отрицает факт высокой концентрации промышленности в России. Подсмеиваясь над «якобы» сверхамериканской концентрацией пролетариата у нас, Ванаг ничего другого не обнаруживает, кроме нежелания видеть факты, и таким образом подводит экономическое обоснование ликвидаторскому неверию в силы пролетариата нашей страны. Он также смешивает вопрос о зависимости русской империалистической буржуазии от Антанты с вопросами о характере развития промышленности в России, о сращивании последней с банковым капиталом и таким образом игнорирует процесс зарождения и развития системы монополистического капитализма в России.

Когда Ленин неоднократно подчеркивает, что русская

[1] Мы не хотим обвинить т. Ванага в намеренном содействии троцкизму и в борьбе против генеральной линии партии и только констатируем, что его теория объективно играла роль теоретической базы для троцкистских выводов.

буржуазия поставила у власти Временного правительства, «в сущности простого приказчика миллиардных «фирм» «Англия и Франция» с точки зрения данной войны», то из слов Ленина никак еще нельзя заключить, что без иностранного банковского капитала нет никакого монополистического капитализма, вырастающего на естественной почве внутреннего рынка России.

Октябрьская революция, вышвырнув буржуазию к ее хозяевам и главарям торгового дома «Антанта и К°», нашла в стране все «необходимое и достаточное» для построения социализма, несмотря на отсталость и наряду с этой отсталостью, «так как система в целом уже созрела» (Сталин).

Ленин в следующих словах формулирует неравномерность экономического развития при империализме в связи с Россией:

«Как ни сильно шла за последние десятилетия (подчеркнуто нами. — *И. Н.*) нивелировка мира, выравнивание условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала, но все же разница остается не малая, и среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессировавшие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция и Англия); с третьей — страну наиболее отставшую в экономическом отношении (Россия), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»[1].

Империализм в России переплелся тысячью нитей с военно-феодальным империализмом, царизмом. Это переплетение наложило своеобразный отпечаток на экономическое и политическое развитие страны в империалистическую эпоху. «В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр., отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного новейшего финансового капитализма»[2]. Естественно, что это переплетение сказывалось в угнетении трудящихся, так сказать, двойным прессом. Ленин например отмечает, что между колониями России и областями угнетенных царизмом наций различие было край-

[1] Ленин, т. XIX, стр. 136.
[2] Там же, стр. 309—310.

не «неясным», что «ни экономической, ни политической разницы между «владением» со стороны России Польшей и Туркестаном по рассматриваемому нами вопросу нет»[1].

Таким образом задачи борьбы и с крепостничеством и с империализмом тесно между собой переплетались.

История России была историей сложения царской России в «очаг всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного» «средоточение наиболее отрицательных сторон империализма», «величайший резерв западного империализма».

Царизм был «сторожевым псом империализма на востоке Европы...», его агентурой для выколачивания миллионов процентов за займы; царизм был «вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д.»[2].

Вывод отсюда—«интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма». В этом сплетении заключались экономические и политические предпосылки перерастания до и во время войны.

Тов. Сталин пишет: «Кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма... Революция против царизма сближалась таким образом и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую»[3].

Это положение, вполне наметившееся в 1905 г.[4], с особенной силой и определенностью характеризует период империалистической войны 1914—1917 гг. Война безмерно усилила противоречия, приблизила сроки перерастания революции в России, ставшей неразрывной частью мировой социалистической революции.

Международное значение революции в России отрицалось всеми вождями II Интернационала еще до революции 1905 г. Если взять германскую социал-демократию, то в ее

---

[1] Речь шла о том, что Ленин, разбирая вопросы о праве наций на самоопределение, критиковал позицию Пятакова, в частности за лозунг «вон из колоний» (т. XIX, стр. 227).

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 10.

[3] Там же.

[4] Ср. со следующей мыслью т. Сталина: «Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она отожествляет революцию 1905 г. в России, в стране империалистической (подчеркнуто нами — *И. Н.*), угнетающей другие народы, с революцией в Китае, в стране угнетенной, полуколониальной, вынужденной бороться против империалистического гнета других государств». («Об оппозиции», стр. 646.)

взглядах на роль России в международных отношениях сказалось то, что она воспринимала, как и большинство вопросов, марксовы взгляды сквозь призму Лассаля и лассальянства, т. е. в уродливом, искаженном виде. Германская социал-демократия восприняла бисмаркианскую точку зрения Лассаля, использовав тезис Маркса о революционной роли войны с царской Россией, и сделала из него щит для своего прислужничества германскому империализму до и во время войны. И чрезвычайно характерно, что Фр. Меринг, ближайший друг Розы Люксембург, единомышленник ее в большинстве вопросов, защищал Лассаля от «несправедливых» обвинений и нападок Маркса, в том числе и в вопросе о международных отношениях[1]. И Меринг и Роза Люксембург, намечая революционные перспективы, обращались к опыту 1848 г. и к прогнозам Маркса того времени. Но марксову теорию пролетарской революции они восприняли полуменьшевистски, видоизменив ее, «сделав непригодной для практического употребления»[2].

По теории «перманентной» революции Розы Люксембург русская революция даст лишь толчок для международной классовой борьбы.

В своем представлении о линиях революции, о маршруте пролетарской революции Роза Люксембург руководствовалась механистическим пониманием краха капитализма. В основе этого понимания лежала попытка ревизовать марксово учение о законах капиталистического развития и его противоречиях.

Капитализм живет, накопляет за счет некапиталистических формаций; нуждаясь в последних, он существует до тех пор, пока находит эту некапиталистическую среду. Поглощение этой среды капитализмом означает дальнейшую невозможность накопления. «Невозможность накопления означает с капиталистической точки зрения невозможность дальнейшего развития производительных сил и следовательно объективную историческую необходимость гибели капитализма»[3] — такова точка зрения Р. Люксембург. Такое понимание капитализма и особенно его последней стадии — империализма, смазывающее внутренние противоречия капитализма, приводило к понимаю краха капитализ-

---

[1] В еще большей степени по-лассальянски искажал в революцию 1905 г. взгляды Маркса Троцкий, который прямо противопоставлял лассальянские взгляды Марксу, так как взглядами Маркса обосновывалась и оправдывалась тактика большевизма.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 31.

[3] Р. Люксембург, Накопление капитала, стр. 433, изд. 3-е.

ма как процесса автоматического. Теория Розы Люксембург об автоматическом крахе капитализма порождала систему взглядов, в корне ошибочно трактовавших вопросы пролетарской революции; эта теория вела к прямому отрицанию роли резервов, а, стало быть, к извращению марксизма в вопросах крестьянском, национальном и колониальном, к полуменьшевистскому пониманию роли стихийности, а, стало быть, к недооценке роли партии, к защите и пропаганде организационных взглядов в духе II Интернационала, к защите оппортунистических позиций в вопросе о формах борьбы пролетариата, как например в вооруженном восстании. Теорией автоматического краха капитализма Розы Люксембург нельзя было конечно обосновать теорию пролетарской революции эпохи империализма. Такой теорией мог стать и стал только ленинизм.

Только Ленин и большевики — прямые и настоящие последователи теории пролетарской революции Маркса, продолжатели и развиватели его теории и борьбы за непрерывное развитие пролетарской революции не только в России, но и во всем мире.

Ленин, подготовляя оформление большевизма в политическую партию, связывает вопрос о крахе капитализма во всем мире с задачами пролетариата в России.

Перед II съездом партии в 1903 г. внутри редакции «Искры» шел спор о проекте программы, который должна представить «Искра» к съезду. Было два проекта — Ленина и Плеханова. Ленин подверг критике программу Плеханова, заявив, что в программе Плеханова капитализм так охарактеризован, что подобную характеристику можно применить к капитализму любой страны. Проект Плеханова дает не программу борьбы пролетариата, а «программу экономического учебника», задача же наша заключается в том, чтобы дать конкретную характеристику капитализма в России, исходя из общего марксистского понимания капитализма, чтобы всем было видно, что мы — партия, которая выступает с прямым объявлением войны русскому капитализму.

Таким языком до Ленина еще никто не говорил.

А объявляя войну российскому капитализму, развивающемуся в обстановке господства феодальных пережитков, пролетариат России под руководством Ленина нащупал слабейшее звено во всей мировой системе капитализма и готовил прорыв этого звена.

Только Ленин (большевики) правильно, полностью, последовательно марксистски понял и научно обосновал всемирно-историческую задачу пролетариата России и международную роль русской революции. Поэтому-то наша партия, разрабатывая коренные вопросы русской революции, вместе с тем и тем самым разрабатывала коренные вопросы мировой революции.

Тов. Сталин в письме в редакцию «Пролетарская революция» пишет, что «только на таких коренных вопросах можно было проверить по-настоящему революционность левых социал-демократов на Западе».

Обратимся к рассмотрению некоторых коренных вопросов революции для того, чтобы раскрыть отношение к ним левых социал-демократов Запада, преимущественно наиболее значительной группы левых в германской социал-демократии во главе с Розой Люксембург и под этим углом зрения показать решительную борьбу большевизма против оппортунизма явного и прикрытого, против полуменьшевистских ошибок левых, — борьбу, которую вела наша партия как единственная подлинно революционная партия.

III. ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЛЕНИНА С БЕРНШТЕЙНИАНСТВОМ

> «Из всех группировок II Интернационала русские большевики были тогда единственной группировкой, способной по своему организационному опыту и идеологической подкованности предпринять что-либо серьезное в смысле прямого разрыва, раскола со своими оппортунистами в своей российской социал-демократии».
>
> (Из письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция»).

Период от разгрома Парижской коммуны и до выступления на арену большевизма накануне революции 1905 г. характеризуется отсутствием революций на Западе.

В этот период возникает империализм во всем мире. Рабочее движение получает огромный размах. II Интернационал объединяет основные массы рабочего класса, объединяет международное пролетарское движение.

«Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос.

Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и идет вширь. Медленно и

неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам.

Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его переодеваться марксистами. Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического оппортунизма. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятачок своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т. е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. д. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и «сочувствующей» интеллигенции у них очень много сторонников»[1].

При жизни Энгельса, до самых последних его дней, оппортунисты во II Интернационале получают сокрушительный отпор, его воздействие исправляет ошибки, которые совершали сплошь и рядом вожди II Интернационала и германской социал-демократии (Бебель, Либкнехт, Каутский и др.). Еще в 1895 г. Энгельс накануне своей смерти неустанно бичует оппортунистические проявления во II Интернационале. Но после смерти Энгельса явные оппортунисты открыто подняли знамя борьбы с марксизмом, пользуясь примиренчеством и шатаниями «ортодоксальных» вождей. Не случайно именно через год-два после смерти Энгельса Бернштейн выступает с откровенной ревизией марксизма.

Первое выступление ревизионистов после смерти Маркса и Энгельса, в тот момент, когда вполне обозначился в мировом развитии поворот в сторону империализма (1898—1900 гг.), встретило самые различные отклики. Против ревизионистов, против Бернштейна выступают: Роза Люксембург, Парвус, Плеханов. Наконец с очень большой неохотой, влекомый на буксире, выступает Каутский. И вот в это же время выступает Ленин.

В чем заключается смысл спора, что именно атаковалось ревизионистом Бернштейном, что должны были защищать ортодоксальные марксисты? Основным вопросом был вопрос о борьбе против капитализма, о революционной смене капитализма социализмом.

Бернштейн выступил с систематическим пересмотром всего марксова учения. Его книга («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») стала библией оппортунизма.

[1] Ленин, т. XVI, стр. 332.

Бернштейн «опровергал» марксову теорию концентрации производства. Развитию крупного производства у него противостоит почти «непоколебимая фаланга» средних предприятий.

Поэтому и классовое разделение происходит не по Марксу, — говорил Бернштейн, — число имущих увеличивается, нет захвата общественного богатства кучкой магнатов капитала, положение рабочего класса беспрерывно улучшается.

Капитализм приспособляется, кризисы теряют свой всеобщий характер. Никакой катастрофы, социальной революции современное экономическое развитие не подготовляет. На место революции Бернштейн выдвигает эволюцию. Переход от капитализма к социализму произойдет через «врастание» в социализм. Социальные реформы—путь врастания в социализм. Законодательство, профессиональные и потребительные союзы ограничивают самодержавие предпринимателя и создают условия для общественного руководства хозяйством.

Демократизация государства отменяет классовое господство и угнетение. Поэтому диктатура пролетариата для Бернштейна совершенно неприемлемая идея, против которой он решительно выступает. Больше всего он боится насильственной революции и захвата власти пролетариатом. Экспроприация экспроприаторов это, по его мнению, бланкизм в экономике.

Эти «идеи» Бернштейн считает основой для пересмотра тактики социал-демократии. В основе этой тактики он ставил союз с буржуазией, на почве парламентской деятельности, на почве совместной борьбы за преуспеяние своего буржуазно-империалистического государства.

Надвинувшаяся эпоха империализма поставила эти вопросы в порядке дня в новой, сравнительно с эпохой Маркса, обстановке. И когда мы анализируем позиции всех, кто выступал как защитник ортодоксального марксизма, мы видим в них существенные различия. Каутский сперва видел в выступлении Бернштейна положительное явление, продолжение того «пересмотра», который якобы был начат самим Энгельсом в 1895 г. (имея в виду подлог, учиненный вождями германской партии, с предисловием Энгельса к новому изданию «Классовой борьбы во Франции»[1]. Каутский в

[1] Подлог этот крайне характерен для вождей II Интернационала. Из «Введения», написанного Энгельсом о 1895 г. к «Классовой борьбе во Франции от 1848 до 1850 г.», вожди немецкой партии вычеркнули места о баррикадной борьбе, о революционных методах. По этому поводу Эн-

важнейшем вопросе — о пролетарской диктатуре — делает Бернштейну уступку, ставшую мостиком к его последующему ренегатству.

«В немецкой литературе,—пишет Ленин в «Государстве и революции», — были напечатаны письма Каутского, обнаружившие не меньшие колебания его перед выступлением в поход против Бернштейна» [1].

«Не меньшие»—чем те, какие проявлял Каутский в выступлениях против французских оппортунистов, против мильеранизма на Парижском конгрессе II Интернационала в 1900 г., когда Каутский выступил со своей «каучуковой» резолюцией.

«Неизмеримо большее значение,—продолжает Ленин,—имеет однако то обстоятельство, что в самой его (Каутского. — *И. Н.)* полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способа трактования вопроса мы замечаем теперь, когда изучаем и с т о р и ю новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве» [2]. Бернштейн истолковывал слова Маркса о том, что пролетариат не может просто пустить в ход готовую государственную машину, в таком смысле, что пролетариат не должен трогать старой государственной машины, бережно к ней относиться, не ударяться в чрезмерную революционность при захвате власти. На самом деле Маркс и Энгельс, указывает Ленин, «учили пролетариат тому, что он должен разбить государственную машину. А Каутский в 1899 г. перед лицом полной измены оппортунистов марксизму в этом пункте проделывает п о д м е н вопроса о том, необходимо ли эту машину разбить, вопросом о конкретных формах разбивания и спасается под сень «бесспорной» (и бесплодной) филистерской истины, что конкретных форм наперед знать мы не можем!» [3].

«Решение вопроса,—писал Каутский («против» Бернштейна, иронически добавляет Ленин.—*И. Н.),*—о проблеме пролетарской диктатуры мы вполне спокойно можем предоставить будущему» [4].

гельс писал Каутскому: «К моему величайшему изумлению я нахожу сегодня в «Форвертс» извлечение из моего Введения, напечатанное без моего ведома и таким образом скомпанованное, что я пре ращаюсь в мирного поклонника законности во что бы то ни стало». («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I.).

[1] Л е н и н, т. XXI, стр. 443.

[2] Т а м ж е, стр. 443.

[3] Т а м ж е, стр. 444.

[4] Недаром, Бернштейн писал о «критике» Каутского следующее: «То, что Каутский возражает мне в вопросах тактики так неопределенно, что мне трудно ему отвечать». («Оч. по ист. и теории социализма»).

Каутский, как и большинство вождей II Интернационала, по мере приближения революционной развязки тащил социал-демократию назад.

Крайне важно сопоставить все, что написано Лениным в 90-х годах по аграрному вопросу с работами Каутского по этому вопросу, начиная от его выступлений против ревизионистов (Фольмар, Давид) в аграрной дискуссии 1894—1895 гг., за которой Ленин следил очень внимательно, и кончая «Аграрным вопросом». Это сопоставление говорит прежде всего о том, что Каутский ряд жгучих вопросов обошел, для других нашел массу оговорок, уклонений. Со всей отчетливостью вырисовывается, что в коренных вопросах марксистской теории вообще, в аграрном вопросе в частности, Каутский скатывался к бернштейнианству.

Наоборот, развернутая и последовательно-марксистская постановка аграрного вопроса у Ленина уже тогда означала, что Ленин его решает, подчиняя задачам пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Из всей суммы обходов вопроса, умолчаний, уклончивости, опошления марксизма и тонкой ревизии, в том числе такого кардинального вопроса, как теория обнищания, неизбежно назревал и получился полный переход Каутского к оппортунизму.

Каутский обнаруживал ту черту, которая характерна для подавляющего большинства вождей II Интернационала, выступавших тогда от имени ортодоксального марксизма. Они не «доводили» классовой борьбы пролетариата до диктатуры пролетариата. И только Ленин в своей критике ревизионизма поставил вопросы борьбы пролетариата за социализм, за пролетарскую революцию, за установление диктатуры пролетариата на почву подлинного революционного марксизма. Никто из выступавших против Бернштейна не довел тогда борьбы с ревизионистами до конца, т. е. до полного размежевания с оппортунистами и в первую очередь с оппортунистами в своей стране, кроме Ленина. Непримиримое отношение к бернштейнианству выделило Ленина, революционных искровцев из всех партий и течений II Интернационала.

Роза Люксембург одной из первых выступила против Бернштейна. Ее книга «Реформа или революция» была одной из лучших стрел, пущенных против оппортунизма рукой пламенной революционерки. Ее выступление, смелое и решительное, заставило, подтолкнуло всю германскую социал-демократическую партию, в особенности ее примиренчески настроенное руководство (Каутский, Бебель), выступить против Бернштейна. Но и в ее выступлении мы нахо-

дим ряд центристских положений. И Роза Люксембург вопросы «насильственной революции» не сумела поставить на почву революционного марксизма. Исходя из своей теории автоматического краха капитализма (она в существенных чертах дана уже в «Реформе или революции»), Роза Люксембург ополчается против захвата политической власти «искусственным путем». Она, как и впоследствии, смешивает организованную подготовку захвата власти авангардом класса с бланкистским заговором узкого революционного кружка. И на исходе революции 1905 г. Р. Люксембург, возвращаясь к этому периоду, обращается по адресу большевиков с упреком в чрезмерной твердокаменности, проявившейся еще в период борьбы с бернштейнианством. Она говорила, что «некоторые вожди русского марксизма не могли нам в свое время простить, что мы в Германии слишком мало твердокаменны, что мы например не выталкиваем Бернштейна из партии»[1].

Борьба Ленина с бернштейнианством в международном рабочем движении и бернштейнианством на почве российской действительности показывает, что только его выступления и литературные работы 90-х годов были началом той борьбы, которая впоследствии решалась открытой и массовой борьбой классов с 1905 г. и гражданской войной в Октябрьской революции. Троцкистские контрабандисты пытаются это опровергнуть. Вылазки троцкистов, пытающихся доказать, что Ленин в тот период не боролся по-настоящему против оппортунизма, имели уже место в нашей литературе и раньше. Так например несколько лет назад выступил Ваганян, утверждавший, что прав был Плеханов в своем отношении к Струве, а не Ленин, который якобы дал приказ Плеханову в середине 90-х годов не «стрелять» в Струве.

Но если мы сопоставим все, что делал Ленин во время борьбы с Бернштейном и бернштейнианством, с тем, как выступали, что писали и что делали все крупнейшие представители социал-демократии, то станет очевидным, что только Ленин как единственный и подлинный носитель революционного марксизма в 90-х годах во всем II Интернационале должен был стать основателем и вождем большевизма, исторически сложившегося в России.

Призывом к коммунистической революции кончается брошюра Ленина «Что такое друзья народа?» (1894 г.). Она знаменовала перенесение революционного центра в Россию и

[1] Протоколы Лондонского съезда, стр. 201.

продолжение и развитие идей «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса. В то же время в «Союзе борьбы» Ленин начал борьбу с зародышами экономизма (разбив анархические тенденции народовольчества, либеральные и утопические воззрения народников), которые проявляли себя сравнительно слабо, когда Ленин был еще на свободе, и значительно сильнее, когда Ленин был в ссылке.

Ленин в ссылке зорко следит за всеми явлениями в жизни российской социал-демократии и во II Интернационале. Выступая против экономистского «Кредо» в написанном им «Протесте 17 социал-демократов», Ленин вместе с тем улавливал и фальшивые ноты в позиции группы «Освобождение труда». В письме к А. Потресову (от 26 января 1899 г.) Ленин дает исключительной меткости анализ известной брошюры Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (Женева, 1898 г.), на которую многие смотрели как на тактическую платформу российской социал-демократии. В этом письме Ленин, по соображениям цензурным, пишет эзоповским языком, но и написанное в таком виде письмо показывает предвидение будущей платформы меньшевизма. Ленин пишет, что Аксельроду следовало бы порезче сказать о классовом характере пролетарского движения («он сказал это, но только мимоходом и очень кратко») и не «так благоволить к фрондерствующим аграриям», т. е. к либеральничающим помещикам-земцам. Аксельрод, по мнению Ленина, «в двух отношениях перегнул палку в другую сторону. Во-первых, воюя против экономистов, он оставил в стороне практические, ближайшие требования, важные и для индустриальных рабочих... и пр. Во-вторых, он воевал против абстрактного, пренебрежительного отношения к умеренно-прогрессивным элементам (это справедливо, что вовсе ими пренебрегать отнюдь не доводится, что их надо утилизировать) и как бы затушевал этим самостоятельное и более решительное положение, занимаемое представляемым им движением», т. е. затушевал руководящую роль пролетариата[1].

Это отмежевание Ленина от позиции группы «Освобождение труда» не случайно[2]. Выступая совместно с группой «Освобождение труда» против ревизионистов, Ленин отме-

[1] «Ленинский сборник» IV, стр. 15.

[2] Необходимо отметить однако, что некоторые товарищи вульгарно подходят к оценке разногласий Ленина и Аксельрода в конце 90-х годов, умалчивая об экономистах, тем самым изображая дело так, что основными носителями оппортунизма в 90-х годах были Аксельрод и группа «Освобождение труда», а не экономисты.

чает и ошибки группы в этой борьбе. Прежде всего Ленин устанавливает связь между ревизионизмом на Западе и легальным марксизмом в России.

«Если П. Б. Струве, — пишет Ленин Потресову, — такой горячий защитник Бернштейна, что чуть не «ругается» из-за него, то это очень и очень печально, ибо его «теория» против Zusammenbruch'a[1] непомерно узкая для Западной Европы —и вовсе негодна и опасна для России. Знаете ли вы, что ее уже утилизируют наши «молодые» (ультраэкономисты)»[2].

Ленин ставит со всей резкостью вопрос о необходимости объявить войну российскому ревизионизму. Ленин пишет в апреле 1899 г., что замалчивать разногласия между «ортодоксами» и «критиками» было бы «прямо вредно»[3]. Тогда же Ленин (в письме к Потресову) прямо ставил вопрос о том, что необходимо решительное размежевание, но для этого нужна партийная литература и политическая платформа, т. е. образование политической партии, которая выступила бы со своей, партийной точкой зрения на основные вопросы теории и практики революционной борьбы.

Только тогда наконец «товарищи будут размежеваны с «посторонними» «наездниками»[4].

Так ставил Ленин вопрос о борьбе со Струве и Булгаковым, наиболее отчетливо и полно представлявших тогда ревизионизм на русской почве. Особенно важно здесь отметить, что свою критику Струве—Булгакова Ленин в отличие от Плеханова с самого начала довел до наиболее глубоких пунктов, разделявших «ортодоксов» с ревизионистами — до вопросов философии, диалектического материализма.

В тех же письмах к Потресову, которые мы уже цитировали, Ленин пишет, что, перечитав после книги неокантианца Штаммлера статьи Струве и Булгакова в «Новом слове» (за 1897 г.), он нашел, «что с неокантианством действительно необходимо посчитаться серьезно». Сам Ленин, как он выражается, «не утерпел» и сделал ряд замечаний и в этой связи. Он несколько раз допытывается у Потресова, который был персонально связан с Плехановым, почему послед-

---

[1] Всеобщего крушения, катастрофы.

[2] «Ленинский сборник» IV, стр. 23. Речь идет о «Рабочей мысли»— органе экономистов, который, давая отчет о Штутгартском конгрессе германских социал демократов в 1898 г., сочувственно излагает идеи Бернштейна. Известно, что Бернштейн в своей книге говорит о своих сторонниках в России, имея в виду экономистов.

[3] Ленин, Письма к родным, стр. 210.

[4] «Ленинский сборник» IV, стр. 9.

ний, выступая против Бернштейна, «не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать в частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников»[1], т. е. марксистов.

Это молчание Плеханова, длившееся несколько лет, было для него не случайным. Ленин, записывая переговоры о создании «Искры», сразу указывает на тот пункт, который разделял его с Плехановым.

«Мы сами[2] и *Г. В. Плеханов в том числе* не восстали тогда, когда надо было восстать (1895—1897 гг.)», а продолжая эту фразу, к сожалению, неоконченную, но ясно говорящую о необходимости восстать против Струве в 1895 г., Ленин пишет дальше:

«Г. В. Плеханов абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей, вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не разъясняющими вопрос»[3].

Нельзя думать, что необходимость решительной борьбы с ревизионизмом была ясна всем, кто считал себя его противником. В письме к «редакторской группе» (она была создана по инициативе Бунда и, связавшись с Лениным через Мартова, пыталась восстановить № 3 «Рабочей газеты», считавшийся центральным органом партии) Ленин возражает против ее мнения, что «старое течение крепко», а поэтому излишним является полемика с бернштейнианством и его русским отражением. Ленин считал, что отстаивать «старое течение» есть задача дня и против экономистской «Рабочей мысли» необходимо прямо поднять полемику.

Ленин уже в ссылке наряду с борьбой против явных экономистов типа «Рабочей мысли» вел борьбу и с теми, кто не считал бернштейнианство опасностью, кто полагал, что бернштейнианству на русской почве нет места, кто пытался разоружить теоретически пролетариат, заявляя, что не следует переносить на страницы и без того скудной рабочей печати полемики по «отвлеченным» вопросам теории, например об отношении марксизма к Канту, о проблеме реализации, о подчинении земледелия законам капиталистической концентрации и т. п.

---

[1] В другом письме к Потресову Ленин пишет: «Не понимаю только одного, как мог Каменский (Плеханов.—*И. Н.*) оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом слове» против Энгельса».

[2] «Мы сами» надо конечно понимать без Ленина, так как он-то, и только он, критиковал Струве непрестанно.

[3] «Ленинский сборник» I, стр. 34.

Гос. публичная

Настроения примиренческого порядка, переходившие в скрытый экономизм, были чрезвычайно распространенными среди некоторой части социал-демократов этого периода, не считавших себя ревизионистами или даже выступавших в этой или иной форме против ревизионистов. Наиболее характерно эти настроения отразила группа «Южный рабочий» [1].

Ленину пришлось, как только он вернулся из ссылки, выступить против идеи созыва съезда партии без предварительного размежевания. Экономистский «Союз русских социал-демократов за границей» при поддержке Бунда и «Южного рабочего» пытался созвать съезд. Ленин отнесся к этому отрицательно. Но зато он сам с лихорадочной энергией приступает к претворению в жизнь своего плана собирания партии вокруг политической газеты — идеи, выношенной им еще в ссылке. Когда «Искра» стала завоевывать одну за другой организации, сплачивать революционных социал-демократов вокруг себя, попытки в противовес этому объединить всех социал-демократов за границей стали особенно частыми. Усилиями оппортунистической группы «Борьба», маскировавшейся «ортодоксальным буквоедством» (Рязанов, Смирнов-Даневич, Стеклов), созываются в 1901 г. «объединительные» съезды. Примиренческие попытки группы «Борьба» затормозили на время объединение «Искрой» революционных социал-демократов за границей, но Ленину удалось убедить редакцию «Искры» отбросить всякие «объединительные» попытки. Другая крупная попытка такого типа была сделана в Белостоке, когда Бунд и экономистский «Союз борьбы» в Петербурге пытались созвать съезд и опять-таки эта попытка была сорвана по прямой директиве Ленина. Только развернув во всей широте борьбу с оппортунизмом, явным и прикрытым, борясь против ревизионизма, во всех его проявлениях, против «революционного» авантюризма эсеров и эсерствующих, вроде Надеждина, против начетчиков типа Рязанова, Ленин во главе «Искры» повел революционных социал-демократов России через полное открытое и четкое размежевание к объединению на принципиальной почве.

Выступление Ленина против ревизионизма как и всегда характерно еще тем, что он резко выступает против малейшей уступки оппортунизму. В этом смысле характерна борьба Ленина против Плеханова при обсуждении программы

[1] См. также письмо, на которое Ленин отвечает в статье «Беседа с защитниками экономизма». Ленин, т. IV, стр. 339—344.

партии в редакции «Искры». Эта борьба, во-первых, с исключительной яркостью показывает борьбу Ленина против ревизионизма, во-вторых, означает выступление против оформляющегося центризма. Эта борьба с Плехановым имеет огромное значение, ибо здесь впервые в развернутой форме даны расхождения Ленина с одним из наиболее крупных представителей II Интернационала, с крупнейшим теоретиком того течения, которое было представлено во II Интернационале еще Каутским, Бебелем, Гэдом и другими в период их борьбы с бернштейнианством, с жоресизмом. Плеханов был тогда, в 1902 г., в зените своей славы борца против ревизионизма. Тем более знаменательно выступление Ленина по программному вопросу против Плеханова, выступление против ошибок и ограниченности левого крыла во II Интернационале, когда левые и центр пока еще выступали единым фронтом против ревизионизма.

В своем проекте Плеханов сделал ряд несомненных уступок ревизионизму, а главное—затушевал гегемонию пролетариата, не сумев «выделить» пролетариат, сбиваясь на расплывчатые формулировки о борьбе «трудящейся и эксплоатируемой массы». Плехановская формулировка об отношении к мелким производителям, по мнению Ленина, открывала двери для «недоразумений» народнического, мелкобуржуазного порядка.

«Обязательно,—писал Ленин,—сначала отгородить себя от всех, выделить один только единственно и исключительно пролетариат—а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает.

Я согласен на это «потом», но я требую раньше этого «сначала»!

У нас в России дьявольские муки «трудящейся и эксплоатируемой массы» не вызывали никакого народного движения, пока «горстка» фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И только эта «горстка» гарантирует ее ведение, продолжение, расширение. Именно в России, где и «критики»[1] (Булгаков) обвиняют социал-демократов в «крестьянофобстве», и социалисты-революционеры кричат о необходимости заменить понятие классовой борьбы понятием «борьбы всех трудящихся и эксплоатируемых» («Вестник русской революции» № 2)[2]— именно в России мы должны сначала самым резким определением одной только классовой борьбы, одного

[1] Т. е. ревизионисты, критики Маркса.—*И. Н.*
[2] Орган эсеров.—*И. Н.*

только пролетариата отгородить себя от всей этой швали, — а потом уже заявлять, что всех зовем, всех возьмем, все возьмем, все сделаем, на все расширим»[1].

В проекте Плеханова фигурировало: «революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплоатации».

В этой связи Ленин нападал на проект за упущение указаний на диктатуру пролетариата. Ленин писал, что «признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением «Коммунистического манифеста», что пролетариат один только есть действительно революционный класс»[2] Плеханов же рассматривал это требование вставить диктатуру пролетариата как необходимость «прибавить крику».

Все свои замечания против Плеханова Ленин формулировал в нескольких пунктах, в которых указывал, что проект Плеханова сбивается на учебник, на комментарий, страдает абстрактностью, а не служит программой «боевой партии». Затем программа Плеханова затемняет вопрос о специфических чертах капитализма в России, а это значит «уклониться от того конкретного обвинения и объявления войны (русскому капитализму.—*И. Н.*), которое для практически борющейся партии всего важнее». Наконец дано неверное изображение отношения пролетариата к мелкому производителю, «отнимающее у нас базис к войне и с «критиками», и с многими другими», создающее почву для всяких ревизионистских выступлений[3].

Конец 90-х и начало 900-х годов были поворотным пунктом в мировой истории. Империализм выступает как могущественнейшая сила. Пролетариат создает сильнейшие национальные организации и сплачивается в международном масштабе. Начался последний этап капитализма, в котором все его противоречия развертываются с исключительной силой. В порядок дня встает вопрос о социалистической революции. Задача заключалась в том, чтобы развить и продолжить марксову теорию пролетарской революции и организовать международный пролетариат для установления диктатуры пролетариата, для установления социализма, ставшего из предмета отдаленных мечтаний близкой реальностью. Но уже первое выступление оппортунистов в этот период и борьба с ними показали, что из всего II Интернационала эту задачу могли полностью и целиком осуществить только Ленин, ленинизм.

[1] «Ленинский сборник» II, стр. 132—133.
[2] Там же, стр. 80—81.
[3] Там же, стр. 86 и 88—90.

Только Ленин связал воедино текущие практические задачи социал-демократов в России в их борьбе против своего капитализма и самодержавия с задачами социалистической революции, свергающей капитализм во всем мире.

IV. БОРЬБА ЗА ПАРТИЮ НОВОГО ТИПА

> «В 1903 г. выявились серьезные разногласия между большевиками и меньшевиками в России по вопросу о членстве в партии... Вмешались и левые социал-демократы в Германии — Парвус и Роза Люксембург... Оба они высказались против большевиков. При этом было брошено обвинение по адресу большевиков в ультрацентрализме и бланкистских тенденциях. Впоследствии эти пошлые и мещанские эпитеты были подхвачены меньшевиками и разнесены по всему миру».
>
> (Из письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция»).

Естественным выводом из борьбы с Бернштейном, с международным ревизионизмом во II Интернационале и в частности в России был раскол на II съезде партии. С этой точки зрения нам станет понятным всемирно-историческое значение раскола в 1903 г. Это есть ответ на вопрос, как Ленин боролся тогда с оппортунистическими элементами во II Интернационале и в российском рабочем движении. Раскол на II съезде исторически доводит до конца тот первый этап борьбы с оппортунизмом, который имел место во II Интернационале после смерти Энгельса, на поворотном пункте от «господства капитала вообще к господству финансового капитала» (Ленин). Плеханов, Роза Люксембург, Каутский, эти виднейшие представители II Интернационала, расходятся с Лениным и выступают против него в организационных вопросах. А ведь организационные вопросы в период II съезда и были тем главным звеном, за которое нужно было ухватиться, чтобы итти дальше.

Почему организационный вопрос в этот момент был тем оселком, на котором происходит размежевание большевизма со всем II Интернационалом? Потому, что со всей остротой стал вопрос о создании партии нового типа.

Вопрос о партии нового типа встал особенно резко именно потому, что «мирный» период 1872—1904 годов отошел бесповоротно в вечность»[1]. Надвигалась новая эпоха, канун

[1] Ленин, т. XVI, стр. 333.

1905 г. в России, революции в странах Востока, обострялись противоречия империализма, приближались социалистические революции во всем мире. Но партии II Интернационала являлись «не боевыми партиями пролетариата, ведущими рабочих к власти, а избирательным аппаратом, приспособленным к парламентским выборам и парламентской борьбе»[1].

«Новый период, — пишет т. Сталин, — есть период открытых столкновений классов, период революционных выступлений пролетариата, период пролетарской революции, период прямой подготовки сил к свержению империализма, захвату власти пролетариатом. Этот период ставит перед пролетариатом новые задачи о перестройке всей партийной работы на новый, революционный лад, о воспитании рабочих в духе революционной борьбы за власть, о подготовке и подтягивании резервов, о союзе с пролетариями соседних стран, об установлении прочных связей с освободительным движением колоний и зависимых стран и т. д. и т. п...

Отсюда необходимость новой партии...»[2].

Эта партия нового типа должна быть прежде всего авангардом рабочего класса, должна быть организованным отрядом рабочего класса и высшей формой его организации. Партия является важнейшим орудием пролетарской диктатуры, укрепляя и удерживая эту диктатуру своей железной дисциплиной, единством воли и беспощадной борьбой против фракции, течений и групп.

Эпоха империализма есть эпоха острейших экономических и политических кризисов. Классовая борьба пролетариата в этих условиях сильнее и быстрее, чем когда-либо, «доразвивается до прямой гражданской войны»[3]... В этом смысле эпоха империализма есть эпоха гражданской войны, когда, говоря словами Ленина, «идеалом партии пролетариата является воюющая партия»[4]. Таким образом партия нового типа есть прежде всего партия гражданской войны.

Партия нового типа решительно очищает себя от уклонов, укрепляясь в борьбе с проводниками буржуазного и мелкобуржуазного влияния на пролетариат, просачивающимися в нее.

«Если взять историю нашей партии с момента ее зарождения в виде группы большевиков в 1903 г. (подчеркнуто нами.—*И. Н.*) и проследить ее последующие

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 82.
[2] Там же, стр. 82-83.
[3] Ленин, т. X, стр. 85.
[4] Там же.

этапы вплоть до нашего времени, то можно сказать без преувеличения, что история нашей партии есть история борьбы противоречий внутри этой партии, история преодоления этих противоречий и постепенного укрепления нашей партии на основе преодоления этих противоречий»[1].

Как могло случиться, что «Искра», победившая экономистов, явных и скрытых, пришедшая к съезду, имея за собой большинство социал-демократии, оказалась расколотой? Объясняется это тем, что на самом съезде часть искровцев («мягкие»), имевшая уже ряд оппортунистических ошибок и колебаний в прошлом, сделала ряд дальнейших шагов навстречу оппортунизму (конечно не случайно) и очутилась с неизбежностью в его объятиях. Развернув на съезде борьбу против «старой» искровской линии, они оперлись на экономистов, продолжили и развили экономизм и таким образом оформили и возглавили меньшевизм[2].

Раскол на II съезде привел к образованию двух фракций, фактически являвшихся уже тогда двумя партиями, причем меньшевики, воспользовавшись переходом после съезда на их сторону Плеханова и примиренчеством некоторых большевиков—членов ЦК, сумели захватить в свои руки центральные партийные органы. После того как Плеханов перешел на сторону меньшевиков и кооптировал невыбранных съездом 3-х меньшевиков—Аксельрода, Потресова, Засулич—в редакцию «Искры», Ленин предложил ЦК встать на «революционный путь», отобрать «Искру» у меньшевиков и созвать экстренный съезд[3]. Примиренческий ЦК однако не пошел на это и систематически сдавал меньшевикам позицию за позицией.

А меньшевики, не надеясь на местные комитеты, которые были возмущены узурпацией воли съезда, сразу же вовлекают в борьбу с Лениным вождей II Интернационала. План этот раскрывает Потресов в письме к Аксельроду: «Как бить Ленина, вот вопрос. Прежде всего (подчеркнуто нами. — *И. Н.*), мне думается, следует на него выпустить авторитетов—Каутского (уже имеется), Розу Люксембург и Парвуса»[4]. Потресов сознательно называет имена вождей II Интернационала, стоявших на его левом фланге.

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 439.
[2] Плеханов и не скрывал, что делает уступку «ревизионистам», оговариваясь, что делает это для избежания раскола. Классический шаг для II Интернационала в целом!
[3] «Ленинский сборник» VII, стр. 277. См. «Неизданное заявление» от 27 ноября 1903 г.
[4] «Социал-демократическое движение в России», стр. 125.

В письме к Розе Люксембург, в котором он приглашает ее принять участие в кампании против Ленина и большевиков, он пишет:

«Нам весьма важно иметь отзыв об этой брошюре (брошюра Ленина «Шаг вперед, два шага назад».—*И. Н.*) именно от вас, которая, с одной стороны, стояла до сих пор в стороне от наших внутрипартийных споров, а с другой — ославлена западноевропейскими ревизионистами как бланкистка. Быть может вы именно в связи с брошюрой Ленина и коснулись бы вопроса о заговорщической и социал-демократической организации» [1].

Аксельрод так же не сомневался в сочувствии меньшевикам со стороны II Интернационала. Излагая Потресову план создания отдельной партии путем устранения Ленина и ленинцев из партийных организаций, Аксельрод предлагает для этого использовать Международное социалистическое бюро (МСБ), Каутского и Бебеля. Позиция Международного социалистического бюро, в частности предложение Бебеля выступить в роли третейского судьи между большевиками и меньшевиками, встретила достойный ответ со стороны Ленина и большевиков. В своем ответе на обращение Международного социалистического бюро Ленин пишет:

«...Тов. Бебель за несколько времени до III съезда сделал уже подобное предложение мне и моим единомышленникам, предлагая нам свои услуги или услуги всего правления немецкой партии (Parteivorstand) в качестве третейского судьи в споре между «большинством» и «меньшинством».

Я ответил, что вскоре состоится съезд партии и что я лично не могу решать за партию или от имени ее.

Бюро комитетов большинства (т. е. большевистский центр, созывающий III съезд.—*И. Н.*) отвергло предложение Бебеля. III съезд не принял никакого решения по поводу этого предложения и тем самым выразил молчаливое присоединение к ответу БКБ».

Дальше в этом ответе Ленин прямо указывает на пристрастность немецкой партии в этом вопросе, тем самым говоря о пристрастности и самого МСБ, поскольку в нем главная роль вообще, и в русском вопросе в частности, принадлежала немецкой партии.

«Так как Международное бюро, — пишет Ленин,—считает возможным (подчеркнуто нами. — *И. Н.*) черпать

[1] «Социал-демократическое движение в России», стр. 127. Приблизительно в этом же смысле составлено и примечание к ст. Р. Люксембург, помещенной в № 69 «Искры», против Ленина и большевистских организационных принципов.

сведения в «некоторых немецких газетах», я вынужден заявить, что почти все немецкие социалистические газеты, а особенно «Нейе Цейт» и «Лейпцигер Фольксцейтунг» [1] стоят целиком на стороне «меньшинства» и освещают наши дела очень односторонне и неверно. Каутский например тоже называет себя беспристрастным, а между тем в действительности он дошел до того, что отказал поместить в «Нейе Цейт» опровержение одной статьи Розы Люксембург [2], в которой она защищала дезорганизацию в партии. В «Лейпцигер Фольксцейтунг» Каутский советовал не распространять немецкого перевода резолюций III съезда... После этого нетрудно понять, почему многие товарищи в России склонны считать немецкую социал-демократию пристрастной и крайне предубежденной в вопросе о расколе в рядах российской социал-демократии» [3].

Попытки «примирения», имевшие целью подчинение большевиков меньшевикам, но кончившиеся крахом, шли от МСБ потому, что их инспирировали меньшевики. Позиция Каутского наиболее характерна для МСБ. Сразу после раскола Каутский становится на точку зрения Мартова и Аксельрода и нападает за раскол на Ленина. Сходную или во всяком случае близкую к Каутскому позицию занимает Роза Люксембург в направленной против Ленина статье, где она излагает свои организационные взгляды. Каутский в письме к Ленину так объясняет, почему он не поместил в «Нейе Цейт».

«Я поместил ее потому, что в ней теоретически обсуждается организационный вопрос, а этот вопрос интересует также и нас в Германии» [4].

Какие же взгляды излагает в этой статье Р. Люксембург? В этой статье, по мнению Каутского, на первый план выдвинута принципиальная точка зрения и отодвинуты русские споры, т. е. иными словами, размежевание с оппортунизмом воспринимается как непринципиальный вопрос. Говоря о ленинском плане, о Ленине, о большевиках, сравнивая и отождествляя их с бланкистами, Роза Люксембург пишет о последних, что их «тактика и ближайшие задачи деятельности, импровизируемые свободно и по вдохновению без связи с почвой элементарной классовой борьбы, вырабатываемые наперед до мельчайших подробностей, от-

[1] Т. е. как раз те органы, которые считались самыми ортодоксальными во II Интернационале. — *И. Н.*

[2] Речь идет о ленинской статье «Шаг вперед, два шага назад», написанной в ответ на статью Люксембург, помещенную одновременно в «Искре» и в «Нейе Цейт».

[3] Ленин, т. VIII, стр. 11 — 12.

[4] «Ленинский сборник» XV, стр. 225, Письмо Каутского Ленину.

ливались в форму заранее намеченного плана. В корне отличны условия социал-демократической деятельности. Последняя исторически вырастает из элементарной классовой борьбы. При этом ей свойственно то диалектическое противоречие, что пролетарская армия впервые рекрутируется в самом процессе борьбы и в борьбе же впервые сознает задачи этой борьбы. Организация, рост сознания и борьба являются здесь не особыми механически и во времени разделенными моментами, как в бланкистском движении, это только различные стороны того же самого процесса»[1].

Отсюда Роза делала вывод, который Ленин иронически назвал по другому поводу теорией «самопроизвольного самозарождения»:

«Важнейшие и наиболее плодотворные повороты тактики,—писала Роза,—за последние десять лет движения не были выдуманы какими-нибудь руководителями движения, не говоря уже о руководящих организациях, но всякий раз были самопроизвольным продуктом разгоревшегося движения»[2].

Ленин охарактеризовал общую линию этой статьи в следующих словах:

«Никакого другого содержания, кроме защиты беспринципности, нет во всей пресловутой теории организации — процесса (см. особенно статьи Розы Люксембург), теории, опошляющей и проституирующей марксизм»[3].

Организация — это процесс, «тенденция»—эту мысль, на все лады повторяемую меньшевиками, выразила Роза, когда она утверждала:

«Уже из анализа действительного содержания социал-демократического централизма становится очевидным, что для него в России в настоящее время не может существовать в полной мере необходимых условий: а именно, наличности значительного, уже воспитанного в политической борьбе слоя пролетариата и возможности проявления его самодеятельности путем прямого влияния на дела (на публичных съездах, в партийной прессе и т. д.).

Последнее условие очевидно может быть осуществлено только при политической свободе, первое же — выделение пролетарского авангарда, сознающего свои классовые интересы и умеющего политически ориентироваться, — находится лишь в процессе возникновения и должно служить руководящей нитью во всей агитационной и организационной

[1] «Искра» № 69. Подчеркнуто всюду нами. — *И. Н.*
[2] Там же.
[3] Ленин, т. VII, стр. 55.

борьбе. Тем поразительнее кажется обратное убеждение Ленина, будто все предварительные условия для создания большой и крайне централизованной рабочей партии имеются в России уже налицо»[1].

Излагая историю ряда крупных боев российского пролетариата (петербургская стачка 1896 г., демонстрации 1901 г., ростовская стачка), Р. Люксембург считает, что «инициатива и сознательное руководство социал-демократических организаций играли крайне незначительную роль... Боевая тактика социал-демократов в своих главных чертах вообще не «изобретается», она есть следствие непрерывного ряда крупных творческих актов ищущей своего пути часто стихийной классовой борьбы» (подчеркнуто нами.—*И. Н.*).

И дальше: «Роль социал-демократических руководящих учреждений при этом имеет в значительной мере консервативный характер...»

Точку зрения Ленина Роза называет «беспощадным централизмом», ультрацентрализмом, бланкистской.

«Построение централизации социал-демократии на этих двух основаниях — на слепом подчинении в самых мелочах всех партийных организаций и их деятельности центральной власти, которая одна думает, творит и решает за всех, а также на строгом отграничении организационного ядра партии от окружающей его революционной среды, как на этом настаивает Ленин,—кажется нам поэтому механическим перенесением организационных принципов заговорщических кружков на социал-демократическое движение рабочих масс»[2].

На фразу Розы, что «организацию (социал-демократов—*И. Н.*). приходится создавать, так сказать, подобно господу богу, «из ничего», в пустом пространстве, без того политического сырья, которое обычно подготовляется буржуазным обществом», — Ленин замечает: «вдвойне не верно», и дает историю образования всероссийской организации политической партии революционного пролетариата[3].

Роза Люксембург сказала то же самое, что впоследствии усердно повторяли все ликвидаторы. Когда В. Засулич в 1913 г. выступила с ликвидаторским отречением от партии, подобно всем оппортунистам сознательно путая понятия класса и партии, она писала: «В 1903 г. подпольные кружки, ведшие эту работу, соединились в тайное общество с иерархическим уставом. Трудно сказать, помогала или мешала новая организация, как таковая, текущей работе...»

[1] «Искра» № 69.
[2] Там же.
«Ленинский сборник» XV, стр. 183, 201 — 203.

Ленин, отвечая, на ликвидаторскую клевету, что партия есть якобы тайный интеллигентский кружок, оторванный от рабочего класса и поэтому мешающий созданию легальной партии в «европейском смысле», писал, что пример таких рабочих, как Бабушкин, опровергает ренегатские россказни ликвидаторов[1]. Несколько раньше Ленин писал:

«Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что РСДРП есть партия «интеллигентская», что так было в особенности до революции (1905 г. — *И. Н.*) и в значительной мере во время революции. Либералы распространяют эту ложь... Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого рабочего-искровца служит наглядным опровержением либеральной лжи. И. В. Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за 10 лет до революции начали создавать рабочую социал-демократическую партию. Без неустанной, геройски упорной работы таких передовиков в пролетарских массах РСДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности таких передовиков, только благодаря их поддержке РСДРП выросла к *1905 г.* (подчеркнуто нами.— *И. Н.*) в партию, которая неразрывно слилась с пролетариатом в великие октябрьские и декабрьские дни, которая сохранила эту связь в лице рабочих депутатов не только II, но и III, черносотенной, Думы»[2].

Ленин, отвечая Розе, пишет о том, что она искажает факты, не ставит вопрос конкретно, отделывается абстрактными рассуждениями.

«...Спор у нас велся, — пишет Ленин, — главным образом о том, должен ли ЦК и ЦО представлять собой направление большинства партийного съезда. Об этом ультрацентралистском и бланкистском требовании, — иронически продолжает Ленин, — уважаемый товарищ (т. е. Р. Люксембург. — *И. Н.*) не говорит ни единого слова... мне хотелось бы знать, считает ли товарищ нормальным, может ли она допустить, видела ли она в какой-нибудь партии, чтобы в центральных органах, именующих себя партийными органами, преобладало меньшинство партийного съезда?»[3].

Выступление Р. Люксембург против Ленина, против большевиков означало, что она стоит на меньшевистской точке зрения стихийности движения, защищает идею организации — процесса, не поняла смысла большевистских ор-

[1] Ленин, т. XVI, стр. 624.
[2] Ленин, т. XIV, стр. 397—398.
[3] «Ленинский сборник» XV, стр. 199.

ганизационных принципов, обвиняя Ленина в бланкизме, в сверхцентрализме. Выступление Р. Люксембург знаменовало собой, что в момент оформления партии нового типа, партии, воскрешающей и развивающей в эпоху загнивающего капитализма и социалистических революций боевые традиции основанного в 1847 г. Марксом и Энгельсом «Союза коммунистов», весь II Интернационал вплоть до его левого крыла боролся против возникновения и развития такой партии.

В письме к А. А. Богданову и С. И. Гусеву Ленин писал по поводу примиренческих тенденций некоторых большевиков:

«Мы провозгласили раскол, мы зовем на съезд впередовцев, мы хотим организовать впередовскую партию и рвем, немедленно рвем все и всякие отношения с дезорганизаторами, а нам толкуют о лойяльности, прикидываются, будто возможен общий съезд «Искры» и «Вперед». Комедия какая-то! Разумеется, первый же день первый час съезда (если он будет)[1], рассеет эту комедию, но до съезда подобная фальшь навредит нам десятки и сотни раз»[2].

Итак никакого объединения с «Искрой» — впередовская партия беспощадно рвет с новой «Искрой». А что такое новая «Искра»? Это —«Искра» Плеханова, Мартова, Аксельрода, Каутского, Парвуса, Троцкого, а также и Р. Люксембург, — словом, наиболее крупных представителей «марксистского» центра и левых во II Интернационале, претендовавших в своих выступлениях на то, чтобы выражать взгляды революционного марксизма. И против этой плеяды вождей центра и левых выступили «раскольники», организующие «впередовскую» партию, партию нового типа.

❁

Почему в 1903 г. организационные вопросы были теми вопросами, вокруг которых сконцентрировалась борьба? Потому, что шла речь о создании такой революционной партии, которая ориентировалась бы на грядущую, приближающуюся революцию и сумела бы победить в ней. В Европе первой революцией, открывшей после Парижской коммуны эру революций, была революция 1905 г. в России, а во II Интернационале в начале XX в. первой партией, прямо поставившей себе задачу организоваться как партия революции, как партия гражданской войны, были большевики.

[1] Речь идет о III съезде.— *И. Н.*
[2] «Ленинский сборник» V, стр. 252—253. «Вперед» — орган большевиков после перехода «Искры» в руки меньшевиков.

Так обстояло дело на первом этапе истории империализма, когда надо было выработать теорию и тактику пролетарской революции в эпоху империализма и создать подлинно революционную партию пролетариата, очищенную от оппортунистов. Так обстояло дело, когда большевизм выходил на арену политической борьбы как широкое массовое течение, как политическая партия и полностью размежевался с оппортунистами, явными и прикрытыми, с примиренцами.

Брошюра «Что делать» сконцентрировала в себе те идеи, которые положил Ленин в основу своей борьбы против всей гаммы оппортунистических течений и настроений, имевших тогда большое распространение в недрах революционного движения России. Большевизм через раскол на II съезде, через борьбу с меньшевизмом, люксембургианством, примиренчеством, накануне 1905 г. создал новый тип революционной партии, объявившей войну капитализму, воплотившей в жизнь на новой основе то, к чему стремился Маркс в 1848 г. и в эпоху I Интернационала,—партии, вобравшей и переварившей все лучшее, что принесла с собой борьба передовых рабочих в эпоху II Интернационала.

V. ПЕРЕРАСТАНИЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ В 1905 г. И ТРОЦКИСТСКО-ЛЮКСЕМБУРГИАНСКАЯ „ПЕРМАНЕНТНАЯ" РЕВОЛЮЦИЯ

«В 1905 г. разгорелись разногласия между большевиками и меньшевиками в России о характере русской революции... Как отнеслись к этим спорам левые в Германской социал-демократии, Парвус и Роза Люксембург? Они сочинили утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовой схемы революции)... В дальнейшем эта полуменьшевистская схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма».

(Из письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция»).

Как революция 1848 г. послужила основой Марксу для формулировки идеи непрерывной революции, так и революция 1905 г. послужила для Ленина благоприятной почвой для приложения и развития марксовой схемы.

Ленин дает схему непрерывной революции уже в новой, сравнительно с марксовой, обстановке в 1905 г., в эпоху загнивающего капитализма, и дает ее в виде развернутой картины перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Ленин писал:

«Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию. В современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна — в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая — в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества.

На социалистов ложится таким образом тяжелая и трудная задача — вести одновременно (подчеркнуто нами.—*И. Н.)* две войны совершенно разнородных и по характеру, и по целям, и по составу социальных сил, способных к решительному участию в той или другой войне»[1].

Революция 1905 г. происходила в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Пролетариат играл роль гегемона, вождя в этой революции, буржуазной по своему социальному содержанию и пролетарской по средствам борьбы. Борьба пролетариата против царизма в союзе с крестьянством при победе вооруженного восстания должна была привести к установлению демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм»[2].

Не игнорируя буржуазно-демократического этапа борьбы, пролетариат смотрит на демократическую диктатуру как на временную, переходную ступень, от которой нужно будет подняться ступенькой выше и «подменить» лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры. Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства означает такую победу над самодержавием, которая гигантски приближает социализм, создавая исключительно

[1] Ленин, т. VIII, стр. 255—256.
[2] Там же, стр. 84—85.

благоприятные условия для борьбы за социалистическую революцию. Победа демократической диктатуры разжигает борьбу против капитализма. Разгоревшаяся гражданская война переносится на Запад и явится прологом международной социалистической революции.

Ленин пишет:

«Он (революционный социал-демократ. — *И. Н.*) будет мечтать, он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер, о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся — благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы, — осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся — тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу...» [1].

Мы должны «давать практические лозунги не только на случай перенесения революции в Европу, но и для такого перенесения» [2].

«От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути» [3].

В 1917 г., как только победила февральская революция и установилось двоевластие, Ленин пишет, что общая схема большевизма оказалась правильной, хотя конкретно получилось несколько иначе, а именно: демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, о которой писали и говорили большевики с 1905 г., существует, но одновременно с ней, пользуясь поддержкой этой диктатуры в виде советов, существует и империалистское Временное правительство.

«Большевистские лозунги и идеи в общем вполне подтверждены историей, но конкретно дело сложилось иначе, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее» [4].

---

[1] Ленин, т. VII, стр. 91.
[2] Ленин, т. VIII, стр. 84.
[3] Там же, стр. 186.
[4] Ленин, т. XX, стр. 101

В августе 1917 г. Ленин пишет:

«Только пролетариат и крестьянство могут свергнуть монархию — таково было основное по тогдашнему времени (т. е. в 1905 г. — *И. Н.*) определение нашей классовой политики. И это определение было верно. Февраль и март 1917 г. лишний раз подтвердили это (подчеркнуто нами.—*И. Н.*).

Только пролетариат, руководящий беднейшим крестьянством (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и неотложными шаги к социализму — таково определение нашей классовой политики теперь» [1].

Общие итоги постановки у большевиков вопроса о перерастании Ленин дает в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский»:

«Запутанный Каутским (о соотношении между буржуазно-демократической революцией и социалистической.—*И. Н.*) вопрос большевики уже в 1905 г. разъяснили полностью (подчеркнуто нами. — *И. Н.*). Да, революция наша буржуазная, пока мы идем вместе с крестьянством как целым. Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 г. говорили, никогда этой необходимой степени исторического процесса не перепрыгнуть...

Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми — против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической».

В чем же тогда глубоко принципиальное отличие ленинской точки зрения от люксембургианско-троцкистской теории «перманентной» революции?

Надо сказать, что левые в германской социал-демократии — и в известной мере во II Интернационале вообще — смотрели на русскую революцию глазами польской социал-демократии, теоретиком которой была Р. Люксембург. Вожди польской социал-демократии работали и в рядах германского и в рядах российского рабочего движения (Р. Люксембург, Л. Тышко, Ю. Мархлевский, К. Радек и др.).

Польша находилась на рубеже между высокоразвитой

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 111.

в капиталистическом отношении Германией и отсталой Россией с ее чудовищными крепостническими пережитками—не только географически, но и по своему социально-экономическому развитию. Польша—страна с более развитой промышленностью, с большей диференциацией классов и в городе и в деревне, чем Россия.

Эта «промежуточность» между передовой Германией и отсталой Россией воспринималась польскими социал-демократами механистически, как особое положение польской-социал-демократии, позволяющее ей избегнуть «крайностей» движения в Германии и в России. Польская социал-демократия своеобразно несла на себе черты этой «промежуточности», пытаясь создать идейную платформу из эклектического соединения, недиалектического смешения разных сторон рабочего движения. Польская социал-демократия сконструировала идейную позицию из смеси того, что она считала лучшими чертами рабочего движения Германии и России, выступая, так сказать, в качестве посредника, «арбитра», по отношению к «крайностям», «отрицательным» сторонам, движения обеих стран.

В вопросах организационных польские социал-демократы, как и все левые, стояли на оппортунистических позициях II Интернационала, приводивших в российских условиях к прямой поддержке меньшевиков. Вместе с тем по отдельным тактическим вопросам польские социал-демократы поддерживали большевиков, делая при этом однако существеннейшие полуменьшевистские оговорки.

Чрезвычайно характерной для польских социал-демократов является линия их поведения на V съезде партии в 1907 г., уже накануне полной победы контрреволюции, когда и меньшевики с своей троцкистской разновидностью и большевики подводили—каждый по своему—первые итоги опыта революции. Польские социал-демократы под руководством Р. Люксембург на этом съезде сколотили съездовский «центр», который отказался осудить оппортунистические ошибки меньшевистского ЦК и в вопросах организационных поддерживал меньшевиков, обвиняя большевиков в сектантской фракционности. При выборах ЦК польские социал-демократы не дали сделать его однородным и тем самым обрекли его на весь период реакции на положение, зависимое от саботажа меньшевиков. Выступая по тактическим вопросам, польские социал-демократы развили полуменьшевистскую теорию «перманентной» революции. Одновременно в критике меньшевиков по ряду тактических вопросов они поддержали, хотя и с оговорками, большевиков,

Эклектицизм и абстрактность польских социал-демократов сказались прежде всего в оценке характера и движущих сил революции 1905 г. Польские социал-демократы в этом вопросе стояли на полуменьшевистской точке зрения «перманентной» революции («уродливого изображения марксовой схемы революции»), впоследствии подхваченной (через Парвуса) Троцким.

Эта позиция Розы, сказавшаяся и в оценке ею Октябрьской революции, означала, что люксембургианство отрицает ленинскую теорию перерастания революции буржуазно-демократической в социалистическую и, тем самым, всю ленинскую теорию пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

В ряде статей и брошюр—«Что дальше», вышедшей тремя выпусками приложением к «Красному знамени», «Уроки трех Дум» и др., Р. Люксембург и Л. Тышко (в речи на VI съезде польских социал-демократов) развивают свое понимание революции 1905 г.

Пролетариат у них выступает как изолированный класс, устанавливающий не демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, а непосредственно «рабочую власть», обреченную затем на гибель.

Роза Люксембург пишет:

«Заботиться о том, чтобы данная резолюция сохранила свойственный ей «буржуазный» характер, является совсем излишней задачей для пролетариата. Этот буржуазный характер выразится в том, что пролетариату не удастся удержаться у власти, что он будет рано или поздно низвергнут контрреволюционным движением и буржуазии, и помещиков, и мелкой буржуазии, и огромной части крестьянства. Может быть в конце концов после низвержения пролетариата республика погибнет и наступит на более продолжительное время господство умеренной конституционной монархии. Весьма возможно. Но классовая ситуация такова, что сегодня в России даже к умеренной монархической конституции путь ведет через революционное движение и республиканскую диктатуру пролетариата» («Уроки трех Дум»).

Отрицая демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства[1], Р. Люксембург противопоставляла ей диктатуру пролетариата, однако не ставя последней социалистических задач. Социалистическая революция в России придет лишь как продукт мировой социалистической революции.

[1] Л. Тышко на VI съезде польской социал-демократии говорил, что он просто не понимает смысла такой формулы — демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Роза пишет:

«Рабочий класс не должен поддаваться иллюзиям, что, низвергнув абсолютизм и завоевав на некоторое время диктатуру, он сможет ввести социализм. Социалистический переворот может быть только результатом международной революции, а результаты, которых пролетариат сможет добиться в настоящей революции, зависят, не говоря уже о степени общественного развития в России, еще от степени и формы развития к тому времени классовых отношений и борьбы пролетариата в других странах» («Уроки трех Дум»).

Какие же задачи должна себе поставить, по мнению Розы Люксембург, диктатура пролетариата, если она не ставит себе социалистических задач? Рабочий класс Польши и России должен, овладев властью, реализовать свободу в России и не поднять социалистическую революцию на Западе, а лишь усилить классовую борьбу пролетариата передовых капиталистических стран. «Завоевание политической власти, хотя бы временно, революционным пролетариатом в России будет громадным толчком для международной классовой борьбы»,—пишет Роза Люксембург.

Непонимание революционной роли крестьянства, недооценка ее проходят красной нитью через все выступления Р. Люксембург. Роза, как и Тышко, считает ненужной аграрную программу для социал-демократии. Законным, по ее мнению, является игнорирование в теоретическом анализе вопроса о крестьянстве, хотя в практической работе не следует пренебрегать крестьянским движением, если оно разольется широкой волной. Но если в практике и будет иметь место крестьянское движение, то это лишь привходящее благоприятное условие; поскольку же «речь идет не о благоприятных условиях извне, а об основах революционной политики, то для социал-демократического движения единственно правильной будет самостоятельная классовая политика пролетариата».

Такое понимание самостоятельной политики есть прямое отрицание роли резервов, ставка на изолированность пролетариата.

Выступая на V съезде РСДРП с блестящей критикой меньшевистских упований на либерализм, Роза в докладе, который должен был охарактеризовать взаимоотношения пролетариата, буржуазии и крестьянства, все время оперировала только двумя понятиями: пролетариат и буржуазия. Говоря о характере революции, Роза не поставила вопрос о тех ближайших целях и задачах, какие себе должен поставить пролетариат в данной революции. Иными словами,

она обошла вопрос о буржуазно-демократическом характере революции, с ее специфическими чертами, как революции аграрно-крестьянской.

«Задачей партии пролетариата является великая поддержка крестьянского движения и руководства им, стремление по возможности возглавить его, увлечь за собой. Однако сотрудничество в революционной буре еще не создает ни общности, ни единства сознательной политики. Совершение политического переворота, определение его задач и выполнение их не могут основываться на союзе пролетариата с крестьянством (подч. нами.—*И. Н.*), да и не могут вообще быть делом сознательных союзов».

Так писала Роза в 1908 г. в органе польской социал-демократии «Пшеглонд социал-демократычны».

Мысль о том, что невозможен союз пролетариата и крестьянства совпадает с такой же по существу мыслью Троцкого, взятой под обстрел Лениным приблизительно в то же время. В статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции» (начало 1909 г.) Ленин отстаивает против Мартова ту мысль, что «декабрьская» конференция 1908 г. подтвердила старый большевистский тезис: «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». (Мартов пытался, опираясь на выступления Троцкого и польской делегации на конференции, оспорить это положение.) В своей статье Ленин борется против меньшевистского понимания революции 1905 г., против Троцкого и попутно касается позиции польских социал-демократов. О Троцком Ленин в той же связи пишет в статье «О некоторых источниках современного идейного разброда», говоря, что для уяснения источника ошибочных взглядов о борьбе американского и прусского путей развития «возьмем меньшевиков и «Голос социал-демократа», с одной стороны, польскую статью Троцкого, — с другой» [1].

Критикуя Троцкого в статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции», Ленин очевидно имел в виду и польскую социал-демократию. Против их формулировки по вопросу о «коалиции пролетариата и крестьянства» Ленин также выступает в этой статье [2].

Троцкий утверждал, что коалиция пролетариата и крестьянства предполагает, что либо одна из буржуазных партий овладевает крестьянством, либо крестьянство создает самостоятельную могучую партию. Ленин бьет по Троц-

[1] Т. е. статью, помещенную в «Пшеглонде», в 1909 г.

[2] Ленин пишет, что большевики «спорили» против польской «формулы» — «пролетариат, опирающийся на крестьянство». Эта формулировка неудачна, ибо «опирается обыкновенно более слабый на более сильного» (Ленин, т. XIV стр. 43).

кому — а стало быть и по тому утверждению Розы, что не может быть сознательного союза пролетариата и крестьянства, — когда пишет:

«Из опыта русской революции тоже ясно, что «коалиция» пролетариата и крестьянства осуществлялась десятки и сотни раз в самых различных формах, без «всякой могучей самостоятельной партии» крестьянства... Идея диктатуры пролетариата и крестьянства нашла свое практическое выражение в течение всего хода революции в тысяче форм, начиная от подписи манифеста о неплатеже налогов и о взятии обратно вкладов (декабрь 1905 г.) или от подписи призывов к восстанию (июль 1906 г.) и кончая голосованиями во II и в III Думах в 1907 и 1908 гг.» [1].

Идея демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, наиболее полно и всесторонне выражавшая доведение буржуазно-демократической революции до конца и ее перерастание в революционно-демократическую, блестяще оправдала себя в 1917 г. в России, несмотря на своеобразие, созданное двоевластием, и в китайской революции. Но и в 1905—1906 гг. мы видим осуществление в ряде районов этой идеи, например в Прибалтийском крае. Установление в волостях, охваченных восстанием рабочих, крестьян и батраков, под руководством социал-демократических организаций, революционной власти и было демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.

По мнению же польских социал-демократов, «совместная диктатура пролетариата и крестьянства» содержит в себе противоречие, которое вытекает из сущности такой диктатуры. Такая «совместная» диктатура, — говорит Тышко, — «должна будет привести в дальнейшем ходе революции к расколу обоих классов, к временной диктатуре пролетариата также и над крестьянством или же к диктатуре этого последнего под руководством других слоев буржуазии над низвергнутым пролетариатом».

Задачей социал-демократов, по мнению польской социал-демократии, является такое определение позиций пролетариата, которое бы не связывало перспектив революции с революционной физиономией крестьянства в данный период.

«Использование этого движения (крестьянского. — *И. Н.*) как в пользу революции и пролетариата, так и самого крестьянства, является для нас необходимостью. Но определяя нашу тактику... мы не можем... говорить о диктатуре пролетариата и крестьянства, а лишь и только о задаче завоевания диктатуры пролетариата при помощи крестьянства».

[1] Ленин, т. XIV, стр. 45—46.

Эти слова Тышко на VI съезде ПСД являются четким выражением точки зрения польской социал-демократии.

Неудивительно, что польская социал-демократия не выставляла своим лозунгом лозунга конфискации помещичьих земель. Игнорирование этого лозунга по наследству передавалось и польской компартии, которая его приняла только в 1922 г.

Итак в вопросе о характере и движущих силах революции в России польская социал-демократия во главе с Розой Люксембург и Тышко стояла на точке зрения теории «перманентной» революции. Эта полуменьшевистская схема была подхвачена затем Троцким, послужив ему орудием борьбы против ленинизма.

Факт этот, указанный т. Сталиным, подтверждается выступлением Тышко на VI съезде ПСД. Он говорил:

«Несомненно позиция, которую заняли в некоторых кардинальных вопросах Парвус и Троцкий в русском движении, и взгляды, которые еще ранее нашли свое подобное выражение и почву и в польском социал-демократическом движении, имеют между собой весьма много общего».

Основные положения троцкистской теории заключаются в том, что революция поставит у власти пролетариат, который не сможет себя ограничить буржуазными рамками в революции; пролетариат вторгнется в буржуазную собственность с первых же шагов своего господства, и на этой почве он придет во враждебное столкновение с широкими массами крестьянства. Это противоречие пролетариата, взявшего власть в отсталой стране с большинством крестьянского населения, может быть разрешено только на международной арене; если же на помощь пролетариату России не придет взявший власть государственно организованный пролетариат Европы, то рабочая власть неизбежно падет, раздавленная консервативным крестьянством. По этой меньшевистско-фаталистской теории, рабочая власть разобьется об «антиколлективистический череп» крестьянина.

Теория «перманентной» революции Троцкого не есть «эпизодическое высказывание» по вопросам революции 1905 г., как она также не есть только отрицание революционной роли крестьянства. Эта меньшевистская теория есть взгляд на развитие революции вообще. Ее сторонники считают ее «мерой вещей» и для 1905 г., и для Октябрьской революции, и для Китая, и для Испании. От этих взглядов Троцкий и не подумал отказываться, войдя в нашу партию, с этих позиций он повел свою контрреволюционную атаку

на ленинскую теорию построения социализма в одной стране. «Игнорирование буржуазного характера» революции 1905 г. и искажение вопроса о переходе от этой революции к революции социалистической обобщились в контрреволюционной теории троцкизма, отрицающей за Октябрьской революцией, установившей диктатуру пролетариата, ее подлинно-социалистический характер. Троцкизм утверждает, что пролетариат, взявший в одной стране в свои руки власть, не способен пойти дальше создания буржуазно-демократического государства[1].

Это каутскианское утверждение, общее всем меньшевикам, «философия» Далиных и Данов, привело Троцкого к тезису неизбежности реставрации капитализма в стране победоносного социалистического строительства и «термидорианского перерождения» партии и советской власти, на деле ведущих пролетариат к построению бесклассового социалистического общества.

По Троцкому, Ленин в 1917 г. «перевооружился», встав на точку зрения троцкистской «перманентной» революции и откинув свою точку зрения «самоограничения» пролетариата, выставляя задачу борьбы за социалистическую революцию. По Троцкому, в 1917 г. Ленин отказался от «неверной» идеи демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, и, только будто бы «придя» к Троцкому, стал защищать идею диктатуры пролетариата.

Такова основа троцкистской клеветы на Ленина и большевизм, сдобренная окрошкой из воззрений буржуазных историков типа Милюкова, волюнтаристских, идеалистических представлений и механистических упражнений в формальной логике по правилу или — или, что сверх того, то от лукавого.

Троцкистская «перманентная» революция есть прямое отрицание ленинской теории диктатуры пролетариата. Против идеи союза пролетариата и трудящегося крестьянства под руководством пролетариата, лежащей в основе ленинской теории диктатуры пролетариата, троцкизм выступает с защитой «тезиса» о враждебных столкновениях пролетариата с крестьянством. По Ленину, между рабочими и трудящимися крестьянами нет коренных противоречий, и их союз составляет основную силу развития революции и ее движения вперед, в то время как, по Троцкому, пролетариат свои силы черпает лишь на арене мировой революции.

По Ленину, пролетариат, победивший в одной стране, ор-

[1] См. одно из последних заграничных откровений Троцкого — «Перманентная революция».

ганизует у себя социалистическое производство, вовлекая в социалистическое строительство крестьянство, переделывая его с помощью социалистической индустриализации, и создает из страны, прорвавшей цепь мирового империализма и строящей социализм, базу мировой пролетарской революции. Когда Ленин пишет, что лозунг революции надо выставлять не только на случай перенесения революции в Европу, но и для такого перенесения, то это и есть доведенная до конца идея международного значения русской революции. А по Троцкому, пролетариат, взявший власть, не помогает мировой революции и либо будет разбит, придя во враждебные столкновения с крестьянством, либо гниет на корню в ожидании спасения с Запада. Советский союз, подпадая под действие «законов мирового капитализма», превращается в придаток к капитализму, в дауэсизированную колонию. Таким образом, по Троцкому, социалистическая революция на Западе выступает лишь как избавительница русской революции от противоречий, которых она сама не в состоянии разрешить. Таким образом «перманентная» революция Троцкого на деле является буржуазным и национально ограниченным искажением теории непрерывной революции Маркса.

Троцкий по-меньшевистски извратил, исказил марксово понимание перманентной революции. Троцкистская теория «перманентной» революции основывалась на двух моментах: на недооценке революционной роли крестьянства и на неверии в силы пролетариата. Вот как т. Сталин определяет, почему ленинизм воевал с идеей «перманентной» революции:

«Потому что Ленин предлагал «исчерпать» революционные способности крестьянства и использовать до дна его революционную энергию для полной ликвидации царизма, для перехода к пролетарской революции, между тем как сторонники «перманентной» революции не понимали серьезной роли крестьянства в русской революции, недооценивали силу и способность русского пролетариата повести за собой крестьянство и затрудняли таким образом дело высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии, дело сплочения крестьянства вокруг пролетариата, потому что Ленин предлагал увенчать дело революции переходом власти к пролетариату, между тем как сторонники «перманентной» революции думали начать дело прямо с власти пролетариата...»

«Ленин воевал, стало быть, со сторонниками «перманентной» революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин сам стоял на точке зрения непрерывной революции, а

из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата, из-за непонимания идеи гегемонии пролетариата.

Идея перманентной революции не есть новая идея. Ее выдвинул впервые Маркс в конце 40-х годов в известном своем «Обращении» к «Союзу коммунистов» (1850 г.)».

Тов. Сталин излагает постановку Марксом вопроса о непрерывной революции, говоря:

«а) Маркс вовсе не предлагал начать дело революции в Германии 50-х годов прямо с пролетарской власти, вопреки планам наших русских «перманентников»; б) Маркс предлагал лишь увенчать дело революции пролетарской государственной властью, сталкивая шаг за шагом с высоты власти одну фракцию буржуазии за другой, с тем чтобы, добившись власти пролетариата, разжечь потом революцию во всех странах,— в полном соответствии со всем тем, чему учил Ленин и что он проводил в жизнь в ходе нашей революции, следуя своей теории пролетарской революции в обстановке империализма»[1].

Подводя итог взглядам Ленина на вопросы перерастания и борьбы партии с троцкистской теорией «перманентной» революции, Сталин заключает:

«Так обстоит дело с идеей Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, об использовании буржуазной революции для «немедленного (подч. нами.—*И. Н.)* перехода к пролетарской революции»[2].

Значение вопроса о перерастании огромно для Коминтерна. Революция в Китае доказала, что правильная тактика китайской компартии возможна только на основе ленинского понимания перерастания и опыта 1905 г. в России, с учетом конкретного своеобразия этапов, направления и перспектив китайской революции.

«Будущая революционная власть в Китае будет напоминать по своему характеру ту власть, о которой у нас говорилось в 1905 г., т. е. диктатуру пролетариата и крестьянства, с той однако разницей, что это будет власть антиимпериалистическая по преимуществу. Это будет власть переходная к некапиталистическому или, точнее, к социалистическому развитию Китая»[3].

Вопросам перерастания было уделено много внимания на VI конгрессе при обсуждении программы Коминтерна,

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 31, 32.
[2] Там же, стр. 33
[3] Сталин, Из речи на китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г. Сб. «Об оппозиции», стр. 429.

особенно раздела, касающегося условий, темпа и характера перерастания в странах со средним уровнем развития капитализма (Польша, Балканы, Испания, Венгрия), а также в колониальных, полуколониальных и зависимых странах с известным развитием капитализма (Индия, Китай, Бразилия).

Троцкизм пытался и в Китае и в Испании выступить с теорией «перманентной» революции. На практике — в Китае троцкисты типа Чен Ду-сю блокируются с гоминдановскими палачами, а в Испании троцкисты находят опору у синдикалистов, т. е. у испанских социал-фашистов.

Троцкистская теория «перманентной» революции проникает контрабандой в нашу литературу прежде всего в форме того или иного искажения ленинской теории перерастания.

Троцкистская фальсификация в вопросе о ленинском понимании перерастания просочилась и в 4-томную работу по истории ВКП(б) под редакцией т. Ярославского. По вопросу о перерастании мы встречаемся здесь с утверждением, что, по Ленину, «без Запада» в 1905 г. было невозможно перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, потому, что в 1905 г. не было материальных предпосылок, не было еще империализма в России[1]. Это утверждение мы найдем и в других томах, но в наиболее развернутом виде оно дано во II томе — как всепроникающая мысль этого тома, и эта ошибка там органически связана и с другими ошибками о характере революции, о гегемонии пролетариата, о «двух путях» и т. д.

Неверно утверждение, что в 1905 г. не было в России империализма. Известно, что Ленин, перечисляя всемирно-исторические факты, характеризующие вступление всего мира в фазу империализма, указывает на русско-японскую войну.

«У нас в России, — говорит т. Сталин, — в 1905 г. революция шла против буржуазии, против либеральной буржуазии, несмотря на то, что революция была буржуазно-демократической. Почему? Потому что либеральная буржуазия империалистической (подчеркнуто т. Сталиным.— *И. Н.)* страны не может не быть контрреволюционной»[2].

Вырывая 1905 г. из цепи империализма, авторы II тома

[1] «Ленин в 1905 — 1907 гг. прямо ставил вопрос о том, что в тот период (1905 — 1907 гг.) без «Запада» русский пролетариат не сможет непосредственно совершить социалистической революции. Да это и совершенно понятно, поскольку материальных предпосылок для такого переворота в России еще тогда не было Монополистической стадии русский капитализм в 1905 г. еще не достиг» («История ВКП(б)», т. II, стр. 105).
[2] Сталин, Об оппозиции, стр. 646.

поворачивают революцию 1905 г. лицом лишь к буржуазным революциям XVIII—XIX вв., отодвинув ее от эпохи империализма и социалистических революций, не считают ее генеральной репетицией Октября.

О возможности немедленного перерастания еще в 1905 г., говорил т. Сталин на XV партконференции против одного из лидеров троцкистского оппозиционного блока — Каменева. Каменев утверждал, что даже в 1915 г. Ленин не видел возможности перерастания и считал, что грядущая революция будет только буржуазно-демократической.

Что ответил т. Сталин на эту грубую фальсификацию?

«Таким образом, по Каменеву, выходит, что Ленин понимал размах русской революции, как левый буржуазный революционер или как реформист типа социал-демократов, по мнению которых революция буржуазная не должна перерасти в революцию социалистическую, по мнению которых между революцией буржуазной и революцией социалистической должен существовать длительный исторический интервал, длительный перерыв, промежуток, по крайней мере в несколько десятков лет, в продолжение которого капитализм будет процветать, а пролетариат будет прозябать» [1].

Тов. Сталин приводит выдержки из статей Ленина, написанных в 1905 г. и в 1915 г., и указывает, что «как в 1905 г., так и в 1915 г. Ленин одинаково (подчеркнуто нами. — *И. Н.*) исходил из того, что революция буржуазная должна перерасти в России в революцию социалистическую, что победа буржуазно-демократической революции в России является первым этапом русской революции, необходимым для того, чтобы перейти немедленно (подчеркнуто т. Сталиным. — *И. Н.*) ко второму ее этапу, к революции социалистической».

Отсюда ясно, что клеветой на нашу партию является утверждение Д. Баевского в III томе «Истории ВКП(б)», что «связь революции против царизма с революцией против империализма была осознана партией лишь в годы войны». Осознание этой связи нашло, по Баевскому, свое выражение «в подготовке смены стратегических планов».

Идеи перерастания на деле Ленин развивает как единую цель, как общую линию большевистской стратегии в 1905 г., в 1915 г., в 1917 г. и после Октября. В 1905 г. в «Двух тактиках» он пишет:

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» [1].

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 389—390.

В это же время в статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» Ленин пишет:

«Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации — крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще» [2].

В 1915 г. Ленин писал в ст. «О двух линиях революции».

«Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию.

А в этом сейчас гвоздь. Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, то есть за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении буржуазной России от военно-феодального «империализма» (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а — для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» [3].

Ленин считал возможным немедленное перерастание и в 1905 г. и в 1915 г. Но в этом едином плане есть и учет конкретных особенностей момента.

VI. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕРАСТАНИЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. И ТРОЦКИСТСКАЯ КОНТРАБАНДА

Для анализа вопроса о перерастании в революции 1905 г. необходимо, для борьбы с троцкистско-люксембургианскими извращениями в нашей исторической литературе, конкретно рассмотреть некоторые проблемы теории перерастания. Из суммы этих проблем мы останавливаемся в связи с революцией 1905 г. на таких проблемах, как формы борьбы, нацио-

[1] Ленин, т. VIII, стр. 96.
[2] Там же, стр. 186.
[3] Там же, стр. 318.

нализации земли и в связи с нею вопрос о двух путях развития капитализма и наконец коренной вопрос пролетарской революции — о строительстве социализма в одной стране.

Основным вопросом перерастания является вопрос о роли пролетариата и его партии. Именно в этом вопросе люксембургианство резче всего проявляет черты меньшевизма, защищая стихийность против большевистской теории взаимоотношения класса и его авангарда—партии.

Для перерастания необходимо наличие «субъективного» фактора — сила и организованность пролетариата, наличие большевистской партии. Нельзя воздвигнуть между буржуазно-демократической революцией и революцией социалистической китайской стены, нельзя «...отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой...»[1]

Преуменьшение роли пролетариата, затушевывание его гегемонии, растворение большевизма в рамках единой РСДРП, отсутствие демаркационной линии между большевизмом и всякими «левыми» полуцентристскими течениями неизбежно ведут к отрицанию перерастания. И наоборот, Шляпников, отрицая перерастание в 1917 г., сбросил со счетов руководство партии и изобразил борьбу масс как стихийное движение. Отказ от большевистской оценки характера революции привел здесь к меньшевистскому принижению сознательности и организованности движения, лежащему в основе люксембургианского преувеличения стихийности.

Сила пролетариата зависит от его организованности, от численности, роли в экономике страны, от связи его с массой трудящихся. Эти условия определяют борьбу пролетариата за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Борьба, и только борьба, решает», насколько удастся буржуазно-демократической революции перерасти в социалистическую[2]. Вот почему Ленин придавал такое огромное значение формам борьбы, вот почему при изучении уроков революции 1905 г. он так внимательно присматривался к октябрьско-декабрьским формам борьбы.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин, оценивая революцию 1905 г. под углом зрения опыта трех революций в России и ряда революций на Западе после войны 1914—1918 гг., пишет:

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 391.
[2] Ленин, т. XXVII, стр. 26.

«Российская буржуазная революция 1905 г. обнаружила один чрезвычайно оригинальный поворот всемирной истории: в одной из самых отсталых капиталистических стран впервые в мире достигнута была невиданная широта и сила стачечного движения... Отсталая Россия, под влиянием ряда совершенно своеобразных исторических условий, первая показала миру не только скачкообразный рост самодеятельности угнетенных масс во время революции (это бывало во всех великих революциях), но и значение пролетариата, бесконечно более высокое, чем его доля в населении, сочетание экономической и политической стачки с превращением последней в вооруженное восстание, рождение новой формы массовой борьбы и массовой организации угнетенных капитализмом классов—советов»[1].

На какую сторону в анализе событий 1905 г. должно обратить серьезнейшее внимание при изучении ее особенностей? Ленин дал по этому вопросу исключительно четкую формулировку, говоря, что революция 1905 г. «по своему социальному содержанию была буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской»[2]. Авторы II тома «Истории ВКП(б)» главным образом и почти преимущественно уделили внимание социальному содержанию, раскрытию понятия буржуазно-демократической революции, но почти обошли молчанием (если сравнить с вниманием и местом, уделенными содержанию революции) проблему средств борьбы.

«Русская революция является в мировой истории (в мировой истории!— *И. Н.)* первой (подчеркнуто у Ленина), но она будет без сомнения не последней великой революцией, в которой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль. Можно даже утверждать, что нельзя понять событий русской революции (подчеркнуто нами.—*И. Н.)* и смены ее политических форм, если не изучить по статистике забастовок основы этих событий и этой смены форм» (подчеркнуто Лениным.—*И. Н.)*[3].

Изучая стачечное движение в отдельные этапы революции 1905—1907 гг., Ленин приходит к заключению, что статистика стачек характеризует пролетариат как «главную пружину общего направления событий»[4].

[1] Ленин, т. XXIII, стр 227. (Подчеркнуто нами — *И. Н.*).
[2] Ленин, т. XIX, стр 345.
[3] Там же, стр. 345 — 346.
[4] Ленин, т. XV, стр. 31.

Нельзя поэтому, говоря о движущих силах революции, обойти вопрос о том, как пролетариат в ходе самой революции выдвинулся на пложение главной ее движущей силы. Забвение этой стороны вопроса неминуемо должно сказаться на неверном понимании гегемонии пролетариата.

В самом деле, авторы II тома «Истории ВКП(б)» выводят гегемонию пролетариата из неумения крестьянства довести до конца буржуазную революцию. Видеть в революции 1905 г. только крестьянскую революцию — значит не замечать в этой революции двух социальных войн [1]. Всякий, кто изучает революцию 1905 г. как две социальных войны, с их взаимным переплетением, и при этом строго различает этапы революции, не может обойти проблемы соотношения политической и экономической стачки и не заострить внимания на следующем тезисе Ленина:

«Сила движения в эпоху наступления (1905 г.) характеризуется тем, что политические стачки как бы воздвигаются на широком базисе не менее сильных экономических стачек... Статистика наглядно подтверждает правильность марксистского взгляда, обнаруживая «общий закон» трехлетия: усиление движения при усилении экономической борьбы» [2].

Все меньшевики считали причиной поражения пролетариата то, что он, наряду с политической стачкой против самодержавия вел стачечную борьбу против капиталистов, тем самым отпугнул буржуазию, заставил ее отшатнуться от революции, ослабил размах революционного движения. Для Ленина соединение экономической и политической стачки — величайший показатель силы рабочего класса («марксистская точка зрения видит слабость в недостаточности этого соединения» [3]).

Без анализа стачечной борьбы нет конкретной картины «раскачки» пролетариатом крестьянского движения, и все рассуждения авторов II тома о руководстве крестьянством со стороны пролетариата остаются пустой абстракцией, обходом вопроса о гегемонии пролетариата, отказом от анализа реальной борьбы классов в момент революции.

Марксизм, как известно, требует исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Это значит, что гегемонию пролетариата надо выводить не с помощью игры стратегическими понятиями (как это делают авторы II тома), а из конкретного соотношения и хода борьбы классов.

---

[1] Соответствующую цитату о двух социальных войнах мы конечно находим во II томе, но изображена в этом томе только одна война.

[2] Ленин, т. XV, стр. 43—46.

[3] Там же, стр. 45.

«Правилом для изучения трехлетия (1905—1907 гг. — *И. Н.*) является то, что подъем стачечной волны означает критические поворотные пункты всей социально-политической эволюции страны. Статистика стачек воочию показывает нам главную движущую силу этой эволюции. Это не значит конечно, чтобы рассматриваемая форма движения была единственной или высшей формой (как думали левые во II Интернационале.—*И. Н.*)—мы знаем, что это не так,— это не значит, чтобы можно было сделать непосредственные заключения от данной формы движения к частичным вопросам социально-политической эволюции. Но это значит, что перед нами статистическая картина (конечно далеко не полная картина) движения такого класса, который был главной пружиной общего направления событий» [1].

Ход революции 1905 г. показал, что пролетариат начал борьбу, начал революцию. Пролетариат первым вошел в борьбу, последним вышел из боя. Борьба его авангарда раскачивает всю массу пролетариата. Его выступления будят, поднимают, увлекают за собой крестьянство. Пролетариат пробуждает и национальное движение. Все основные этапы революции определялись революционной борьбой пролетариата; подъемы революции, большие сражения, организация «малой войны»—все это стояло в прямом соответствии с размахом пролетарской борьбы, со степенью ее организованности.

Анализ, произведенный Лениным в статье «О статистике стачек в России», дает руководящую нить для изучения роста «силы организованного и сознательного пролетариата», дает ключ к пониманию условий перерастания. Уже ход революции 1905 г. дал практическое подтверждение тезиса о том, что ход перерастания зависит от силы организованного пролетариата. В этом отношении стачечная борьба есть наиболее точный показатель силы организованного пролетариата. Разбирая данные стачек 1905—1907 гг. по отраслям производства и по округам, указывая на неравномерность стачечного движения, Ленин показывает, какие огромные силы таились в рабочем классе. «Если бы,—пишет Ленин о цифрах стачек по промышленным округам,—энергия и упорство стачечной борьбы (мы говорим здесь только об одной этой форме борьбы) во всей России были таковы же, как в округах Петербургском и Варшавском, то общее число стачечников было бы вдвое больше... рабочие могли оценить только половину своих сил». Данной

---

[1] Ленин, т. XV, стр. 40—41.

области движения, ибо другую половину они еще не использовали»[1].

Ленин рассматривает данные о стачках металлистов и текстильщиков. «Отношение между металлистами и текстильщиками характерно как отношение передового слоя к широкой массе...». В 1905 г. на 100 металлистов приходилось 325 стачечников, а на 100 текстильщиков 180 стачечников, т. е. почти в два раза меньше. Если бы рабочие по обработке минеральных веществ и продуктов питания — самая отсталая группа (рабочих — 454 тыс.), давшая 285 тыс. стачечников в 1905 г., взяли бы норму металлистов, то они могли бы дать «свыше миллиона стачечников за один 1905 г.»[2].

Во время революции 1905 г. чрезвычайно усилилась роль крупных фабрично-заводских центров. Авангард — металлисты, рабочие крупных промышленных центров—начинает движение, «раскачивает» широкие массы.

Опыт 1905 г. показал, что авангард сумел раскачать арьергард, особенно к концу 1905 г., но к этому времени «почти сверхчеловеческая энергия исчерпывает силы авангарда».

Стачечное движение является объективным показателем тех огромных возможностей, той потенциальной силы, какая кроется в рабочем классе, в его борьбе за перерастание.

В стачечном движении сконцентрированы, как в фокусе, переплетение экономической и политической борьбы, руководство партии и, наконец, перерастание в высшую стадию борьбы — в вооруженное восстание.

Анализируя стачечную борьбу, партия определяет силу пролетариата, которая приводит к тому, что «движение со стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок (мирная стачка—демонстрация.—*И. Н.)* и порождает высшую форму борьбы—восстание»[3].

Если метод Ленина применить к 1917 г. для понимания перерастания в феврале — октябре 1917 г., то получится блестящее подтверждение основных идей большевизма. Достаточно даже взять для сравнения данные о стачках за 1916 г. и за два месяца 1917 г. — январь и февраль, т. е. до свержения самодержавия. Число стачечников росло во время войны из года в год и в 1916 г. их было (только по предприятиям, подчиненным фабричной инспекции) 951 695, а только за два месяца 1917 г. — 676 286, причем последняя

[1] Ленин, т. XV, стр. 32 — 33.
[2] Там же, стр. 36.
[3] Ленин, т. X, стр. 48.

цифра явно преуменьшена, ибо статистика плохо учитывала стачки с начала третьей декады февраля.

Годы	Общее число стачечников	Предприятий, охваченных забастовками	% стачечников к общему числу рабочих	% экономических стачек	% политических стачек	% рабочих, участвовавших в экономических стачках	Число рабочих, участвовавших в политических стачках	Число металлистов, участвовавших в политических стачках	Число металлистов, участвовавших в экономических стачках
1916 .	951 695	10,3	45,4	81,1	18,9	641 395 (69%)	310 300 (30,5%)	289 435	221 156
1917 . (за январь—февраль)	676 286	10,6	32,3	14,3	85,7	101 481 (15%)	574 805 (85%)	256 454	35 828

За два месяца 1917 г. бастует почти $^2/_3$ числа стачечников всего 1916 г. Резко падает в 1917 г. число экономических стачек и падает процент рабочих стачечников по отношению ко всем рабочим сравнительно с 1916 г. Последнее обстоятельство вызвано тем, что бастует за два месяца 1917 г. почти поголовно авангард—металлисты и рабочие Питера. Половина политических стачечников падает на металлистов, у которых число экономических стачек сокращается в 8 раз. Эти обстоятельства объясняют, почему резко падает число экономических стачек: почти все стачки металлистов и рабочих Питера переросли в политические. Металлисты за два месяца 1917 г. дают почти такое же количество политических стачечников, как и за весь 1916 г., т. е. они смогли развить энергию вшестеро большую.

Вооруженное восстание, свергнувшее в феврале самодержавие, непосредственно опиралось на стачечное движение, в котором один только авангард сумел дать за два месяца 1917 г. $^2/_3$ всего числа стачечников за 1916 г., а политических стачечников — в д в о е больше, прежде чем подоспел уже разбуженный арьергард.

Эти данные показывают, какая огромная энергия таилась в рабочем классе. Эта энергия получила возможность себя выявить не только в восстании в февральские дни, но и после свержения самодержавия, когда выступили на арену политической борьбы уже не сотни тысяч, а миллионы, до этого времени либо вовсе не бастовавшие, либо к февралю поднявшиеся только до экономической стачки. Эта огромная энергия пролетарских масс в период перерастания от

Февраля к Октябрю сплотила бедноту и увлекла за собой все крестьянство, поскольку шла борьба за попутное разрешение неразрешенных демократических задач, и сумела под руководством нашей партии установить диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства в октябрьские дни 1917 г.

Эта исключительная роль пролетариата наложила свой отпечаток на все этапы революции уже в 1905 г. Роль пролетариата в этой революции не только показала, что буржуазия — класс не революционный, а контрреволюционный; эта роль пролетариата показала, что сама буржуазная революция в России имеет ряд отличий от классических буржуазных революций Европы. Ленин пишет, что «формы борьбы в русской революции отличаются гигантским разнообразием по сравнению с буржуазными революциями Европы. Каутский отчасти предсказал это, говоря в 1902 г. о том, что будущая революция (он добавлял: за исключением может быть России[1]) будет не столько борьбой народа с правительством, сколько борьбой между двумя частями народа»[2].

Ленин по этому поводу замечает: «В России мы видим, несомненно, более широкое развитие этой второй борьбы (подчеркнуто Лениным.—*И. Н.*), чем в буржуазных революциях Запада»[3].

Стало быть, Ленин считал, что, говоря о двух социальных войнах, необходимо подчеркнуть условия и характер борьбы против капиталистического рабства в данной буржуазной революции. Эта особенность революции 1905 г., вытекавшая из роли в ней пролетариата, кладет на большевистского исследователя революции особую задачу. Задачу эту вкратце можно определить как задачу исторического рассмотрения взаимного переплетения двух социальных войн и тех форм, в какие эти две социальные войны выливались на разных этапах революции 1905 г. в связи с борьбой за социализм.

Авторы II тома, видя в революции 1905 г. только крестьянскую революцию, этой задачи не выполнили, оставив в тени, затушевав «вторую» социальную войну, тем самым неизбежно принизив гегемонию пролетариата в этой революции.

«Гегемония пролетариата,—пишет т. Сталин, — была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата»[1]. Затушевывание гегемонии есть логический вывод из отрицания возможности перерастания в 1905 г. Что авторы II тома фактически умолчали о второй социальной войне, что гегемония пролетариата выводится ими преимущественно из неумения крестьянства довести до конца борьбу за буржуазно-демократическую революцию, подтверждается еще одним важным моментом. Умолчание о второй социальной войне привело к тому, что, говоря об аграрной программе большевиков, они неверно изложили ее основной вопрос — национализацию земли. Ленин неразрывно связывал национализацию земли с «общеполитическим переворотом», иначе говоря, с переходом власти в руки демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, перерастающей в диктатуру пролетариата. Национализация не означает какого-то начального пункта для многих годов мирного капиталистического развития. Это меньшевик Птицын на IV съезде так рисовал перспективы национализации: «Но допустим на минуту,—говорил он,— что и республика, и милиция, и выборность чиновников уже налицо и реставрации уже не предвидится. Я утверждаю, что и тогда социал-демократия не сможет защищать национализацию земли. Ведь товарищи из «большинства» не отрицают того, что переживаемая Россией революция по своему содержанию буржуазная. Пройдут революционные передряги, течение буржуазной жизни вернется в обычную колею, и, если не произойдет рабочей революции на Западе, буржуазия у нас неизбежно станет у власти. Это не станет и не может отрицать т. Ленин»[2].

«Обычная колея»—вот что роднит меньшевика Птицына на IV съезде с выступлением Каменева на XV конференции и что просочилось во II том «Истории ВКП(б)».

Национализация земли наиболее полно отображает постановку вопроса о перерастании в аграрной программе большевиков. В самом деле. На IV съезде некоторые большевики (Борисов, Рожков) выступили с программой раздела. Ленинская программа национализации земли была противопоставлена меньшевистской муниципализации, — о которой Ленин отозвался, что она и ошибочна и вредна,—и программе разделистов, о которой он сказал, что она, хотя и не вредна, но ошибочна, потому что не учитывает будущего. Раздел земли конечно мог дать разгром помещичьего землевладения, но он мог задержать развертывание социалисти-

---

[1] Не случайное добавление у Каутского! — *И. Н.*
[2] Ленин, т. X, стр. 87.
[3] Там же.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 49.
[2] Протоколы IV съезда, стр. 78, изд. 1926 г.

ческой революции. Другое дело национализация. Национализация ориентирует на «будущее», т. е. на перерастание; национализация из меры буржуазно-демократической революции может превратиться в меру социалистической революции. Именно потому, что Ленин ориентировал партию на то, что мы «подменим» лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры, именно поэтому выдвигал он лозунг национализации.

Ленин писал, что «национализация земли дала наибольшие возможности пролетарскому государству переходить к социализму в земледелии»[1]. И не случайно т. Сталин на конференции аграрников-марксистов в своей речи о коллективизации и ликвидации кулачества как класса подчеркнул социалистическое значение национализации. А во II томе «Истории ВКП(б)» сказано, что национализация только помогла уничтожению крепостнических пережитков»[2].

С этим вопросом связано и то, что в «Истории ВКП(б)» искажено ленинское понимание двух путей капиталистического развития в сельском хозяйстве. Ошибок в этом вопросе вообще нагорожено много и многими (вплоть до специальной работы по этому вопросу т. Ванага). Между тем основное в двух путях — это вопрос о создании при победе американского пути наиболее благоприятных условий для перехода к социализму, для перерастания. Гвоздем борьбы в эпоху буржуазно-демократической революции были крепостнические латифундии, крепостнические пережитки. Развитие капитализма кладет конец этим остаткам крепостничества, являющимся опорой самодержавия. Но развитие капитализма может итти двояко: или путем постепенного перехода помещичьего землевладения на рельсы капитализма, путем реформы помещичьего землевладения — это путь юнкерский, путь «прусский», или путем революционного уничтожения помещичьего землевладения — это путь фермерский, «американский». Оба эти пути обнаружили себя в истории экономических и политических отношений России в XIX и XX вв. В революции 1905 г. шел вопрос о том, произойдет ли крестьянская чистка помещичьего землевладения, т. е. победит ли буржуазно-демократическая революция под руководством пролетариата, или помещики сумеют за счет экспроприации крестьянства, за счет ограбления миллионов крестьянства создать сильную, мощную сельскохозяйственную буржуазию и так развивать капитализм. Два типа капиталистического развития определили и два типа

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 413.
[2] См. т. II, стр. 378.

аграрных программ в 1905—1907 гг. Но авторы II тома «Истории ВКП(б)» и Н. Ванаг[1] подошли к этим вопросам с точки зрения радикальных народников, а не с точки зрения интересов борьбы пролетариата за социализм.

В самом деле, какую мысль развивает Ленин? Он считает, что задача партии пролетариата — бороться за более «благоприятный» исход революции, за наиболее благоприятное развитие условий, облегчающих борьбу за социалистическую революцию. Таким благоприятным путем является конечно «американский» путь, путь крестьянской революции, путь поддержки «здорового демократизма» народников. Но Ленин подчеркивает, что «социал-демократия, партия пролетариата, никоим образом не связывает судьбы социализма (подчеркнуто нами. — *И. Н.*) с тем или иным исходом буржуазной революции. Оба исхода (т. е. при победе прусского или американского. — *И. Н.*) означают капиталистическое развитие и угнетение пролетариата и в монархии помещиков с частной собственностью на землю, и в республике фермеров, хотя бы с национализацией земли. Но буржуазный характер обоих исходов аграрного переворота ни в коем случае не означает того, что социал-демократы могут безразлично относиться к борьбе за тот или иной исход. Интересы рабочего класса безусловно требуют самой энергичной поддержки им — более того: руководящей роли его в крестьянской революции»[2].

Такова постановка вопроса у Ленина. А именно эту мысль у нас обходят многие из тех, кто пишет о двух путях. А как можно игнорировать эту мысль? Ленин в цитируемом месте повторяет три раза, что марксизм, социал-демократия, партия пролетариата не связывает судьбы социализма с тем или иным исходом буржуазной революции. Ничего не вышло у царизма со столыпинской «прусской» аграрной реформой, но ведь нет у нас и мелкобуржуазной республики фермеров, как этого хотелось буржуазным реставраторам и кое-кому из правых оппортунистов, и как изображали положение в советской деревне троцкисты.

Закон о социализации земли, проведенный в Октябре и экспроприировавший помещичью землю, настолько же мало походил в жизни на эсеровскую уравнительность, насколько быстро этот закон фактически вылился на практике в национализацию земли. Этот осторожный переход к национализации был настолько незаметным, что немногие знают дату

[1] См. его работу: «Ленинская концепция двух путей развития капитализма в России».
[2] Ленин, т. XI, стр. 434; см. также стр. 433.

формального введения, точнее узаконения, национализации земли—февраль 1919 г. Национализация земли явилась у нас исходной точкой не американского фермерства, а социалистического, колхозного пути развития сельского хозяйства.

●

В современных условиях, когда перед нами стоит задача построения бесклассового общества во вторую пятилетку, особенно важно усилить бдительность к попыткам протаскивать буржуазную теорию троцкистов о невозможности построения социализма в нашей стране.

А невозможность построения социализма в нашей стране, пропагандируемая контрреволюционным троцкизмом, опирается на теорию «перманентной» революции Троцкого. Разоблачая одно, мы боремся с другим.

Иногда пытаются изобразить дело так, что Ленин поставил вопрос о возможности перерастания без помощи Запада только в 1915 г., потому что он тогда впервые формулировал возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Исходят при этом из того соображения, что в 1915 г. проявил себя в России империализм, а стало быть и то своеобразие закона неравномерности экономического и политического развития капитализма, какое он имеет в империалистическую эпоху. Эта мысль особенно сильно подчеркнута во II томе «Истории ВКП(б)» в утверждении, что в 1905 г. не было объективных предпосылок для перерастания, не было еще империализма. В III томе «Истории ВКП (б)» Д. Баевский утверждает, что империалистическая война подготовила смену стратегических планов, потому что «наряду со старым (т. е. довоенным. — *И. Н.*) содержанием борьбы большевизма с меньшевизмом — как борьбы между либеральным подновлением монархии и всего старого строя и уничтожением ее и всех пережитков крепостничества — выдвигается новое ее содержание — борьба между империалистической реакцией и социалистической революцией» [1]. Это значит, что ко времени войны Россия, достигнув более высокого уровня развития материальных сил, перешла якобы в новую стадию экономического и политического развития сравнительно с 1905 г. и поэтому явилась возможность для перерастания.

Такой подход стоит в явном противоречии с тем, что установлено т. Сталиным в «Основах ленинизма». Он указывает, что крайне недостаточно в эпоху империализма подходить к анализу предпосылок пролетарской революции с точки зрения состояния экономики в той или иной стране.

[1] «История ВКП(б)» под ред. т. Ярославского, т. III, ч. 2, стр. 232, изд. 2-е.

«Раньше,— пишет Сталин, — принято было говорить о наличии или отсутствии объективных условий пролетарской революции в отдельных странах или, точнее, в той или иной развитой стране. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства как единого целого, причем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, если система в целом или, вернее, так как система в целом уже созрела» [1].

«Система в целом уже созрела»! Это и есть исходная точка в ленинском анализе предпосылок пролетарской революции в эпоху империализма.

Ленинский анализ империализма приводит к установлению закона неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. Эта неравномерность развития получает особую силу при империализме. «В целом, — пишет Ленин, — капитализм неизмеримо быстрее чем прежде растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)» [2].

Неравномерность капиталистического развития при империализме приводит к прорыву империалистической цепи в ее слабом звене, к социалистической революции, к возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Таким слабым звеном в цепи империализма была Россия, ставшая ходом исторических событий узловым пунктом всех противоречий империализма. Но сложиться как слабое звено в цепи мирового империализма Россия могла, лишь достигнув известной (хотя бы «средне-слабой», по выражению Ленина) высоты капиталистического развития.

Неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран при империализме приводит, согласно учению Ленина и Сталина, как это ежечасно подтверждается успехами социалистического строительства в СССР, к возможности победы социализма в одной стране.

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда сле-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 25.
[2] Ленин, т. XIX, стр. 172. (Подчеркнуто нами. — *И. Н.*)

дует (подчеркнуто нами.—*И. Н.*), что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране»[1].

Эта мысль была высказана в 1915 г. Следует ли из этого, что неравномерность развития объективно существует тоже с этого времени? Отнюдь нет.

Неравномерность развития при империализме есть объективная тенденция общественных отношений, и она проявляет себя, когда выступают и эти общественные отношения, т. е. империализм, т. е. «в начале XX столетия» (Сталин). Но из неравномерности развития при империализме («отсюда следует») вытекает и возможность победы социализма в одной стране. Совершенно очевидно, что победа социализма в одной стране была теоретически немыслима и до 1915 г

В «Вопросах и ответах» свердловцам (в 1925 г.) т. Сталин пишет:

«Если не считать дискуссии в 1905—1906 гг., то вопрос о строительстве социализма в одной стране впервые был поставлен в партии во время империалистической войны, в 1915 г.».

Что значит эта фраза, эти подчеркнутые нами слова? Нам кажется, что следующее: в 1915 г. дана впервые законченная формулировка, в то время как в 1905 г. такая постановка вопроса лишь вытекала из всей схемы большевизма.

Ленин объясняет, почему он в 1905 г. не дал развернутых формулировок, конкретизирующих далеко идущие и широко захватывающие перспективы революции. Он пишет о перспективе, когда эпоха нескольких революционных лет превратится в эпоху нескольких революционных десятилетий — «тогда... но мы успеем еще раз поговорить о том, что мы сделаем «тогда», поговорить не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков»[2].

Или в «Двух тактиках»:

«Наступит время — кончится борьба с русским самодержавием — минет для России эпоха демократической революции — тогда смешно будет и говорить об «единстве воли» пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т. д. Тогда мы подумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата и подробно поговорим о ней» (подчеркнуто нами.—*И. Н.*)[1].

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 232.
[2] Ленин, т. VII, стр. 191.

Империалистская война с исключительной силой обострила классовую борьбу пролетариата против буржуазии и должна была превратиться и превратилась в гражданскую войну.

Империалистская война была тем всесильным и могучим «режиссером», который, «с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой стороны — породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные»[2].

Империалистская война «слила все противоречия политической жизни России в глубочайший революционный кризис»[3]. Задача доведения до конца буржуазно-демократической революции в России «чрезвычайно приблизилась» к задачам социалистической революции в России и в Европе. Об этом пишет Ленин в 1915 г. в «Нескольких тезисах».

В другом месте Ленин пишет:

«Империалистская война связала революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе. Эта связь настолько непосредственная, что никакое отдельное решение (подчеркнуто нами.—*И. Н.*) революционных задач в той или иной стране невозможно; буржуазно-демократическая революция в России, теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе»[4].

Учитывая то своеобразие, которое принесла война в смысле гигантского усиления противоречий и огромного нарастания темпов революционного кризиса и в России и в Европе, Ленин впервые формулирует в 1915 г. во время империалистической войны возможность победы социализма в одной стране.

Можно привести для пояснения следующее сравнение. Как и всякое сравнение, оно будет поверхностным, лишь иллюстрирующим мысль, а не раскрывающим ее содержание.

Ленин формулирует вопрос о двух путях капиталистического развития только в период революции 1905—1907 гг.

А в письме к И. Скворцову-Степанову Ленин пишет:

[1] Ленин, т. VIII, стр 86.
[2] Ленин, т. XX, стр. 14.
[3] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 50.
[4] Ленин, Новые статьи и письма, вып. I, стр. 18, Гиз, 1930 г.

«Когда мы боролись с народниками за доказательство того, что этот путь неизбежно и бесповоротно — капиталистический, мы были вполне правы, и мы не могли не сосредоточить всей силы, всего внимания на вопросе: капитализм или «народное производство»? Это было и естественно, и неизбежно, и законно. Но теперь этот вопрос решен и теорией и жизнью (ибо мелкобуржуазность трудовика в массе доказана новейшей русской историей), а на очередь (подчеркнуто нами.—*И. Н.)* поставлен другой, высший вопрос: капитализм типа *а* или капитализм типа *б*? И по моему крайнему разумению, Ильин (Ленин из соображений почтовой цензуры пишет о себе в третьем лице) был прав, когда в предисловии ко второму изданию книги («Развитие капитализма в России».—*И. Н.)* указал, что из нее вытекает возможность двух видов капиталистического аграрного развития и что историческая борьба этих видов еще не кончена»[1].

Итак из «Развития капитализма в России» (1899 г.) «вытекает» постановка вопроса о двух путях капиталистического развития.

В 90-х годах Ленин в «Развитии капитализма» доказывает, что аграрные отношения идут по капиталистическому пути и что Россия окончательно развивается в направлении капиталистическом.

В революции 1905 г. был поставлен вопрос «более конкретный, более детальный, вопрос о борьбе двух путей или методов капиталистического аграрного развития»[2]. Этот вопрос из «Развития капитализма» только вытекал и там он формулирован не был.

Точно так же вопрос о победе социализма в одной стране из ленинской теории перерастания в 1905 г. «вытекал», а сформулирован был в 1915 г. Приблизительно через десять лет т. Сталин продолжил разработку этого вопроса как основного и самого актуального вопроса нашей революции. Тов. Сталин объясняет, чем вызвана эта дальнейшая разработка вопроса о строительстве социализма, и пишет, что «в 1915, 1918, 1919, 1921, 1922, 1923 гг. вопрос о строительстве социализма в СССР обсуждался от случая к случаю, в отдельных статьях, а в 1924, 1925, 1926 гг. этот вопрос занял особо выдающееся место в нашей партийной практике»[3].

---

[1] Ленин, т. XIV, стр. 213 — 214.
[2] Там же, стр. 213.
[3] Сталин, Об оппозиции, стр. 463.

Обстановка международная и внутренняя, создавшаяся после выхода из гражданской войны, в результате введения нэпа и его первых результатов, создавших возможность перегруппировки сил для наступления, и наконец частичная стабилизация капитализма при замедленном темпе мировой революции —эта обстановка сделала из вопроса о возможности построения социализма в нашей стране самую актуальную проблему. Этот период требовал дальнейшей разработки вопроса, формулированного, поставленного и решенного Лениным в 1915 г., и дальнейшего его развития. Эта работа и была проделана т. Сталиным.

Теоретическая разработка т. Сталиным вопроса о возможности построения социализма, в основе решенного Лениным, прежде всего установила методологическую основу дальнейшего развития теории. Эта методологическая основа была дана в разграничении вопроса о возможности построения социализма в одной стране и вопроса о возможности окончательной победы социализма и в выяснении того нового, что вносится Лениным в постановку вопроса о пролетарской революции в монополистическую стадию капитализма сравнительно с домонополистической (Маркс и Энгельс).

Тов. Сталин пишет: «Партия всегда (подчеркнуто нами.—*И. Н.)* исходила из того, что победа социализма в одной стране есть возможность построения социализма в этой стране, причем эта задача может быть разрешена силами одной страны, полная же победа социализма есть гарантия от интервенции и реставрации, причем эта задача может быть разрешена лишь при условии победы революции в нескольких странах»[1].

Разработка вопроса т. Сталиным, раскрытие им вопроса о внутренних силах революции разбили троцкистскую теорию «перманентной» революции, показали полную ее противоположность ленинской идее перерастания. Естественно, что перерастание должно рассматриваться в неразрывной связи с вопросом о возможности построения социализма в одной стране. А это значит, что нельзя рассматривать вопрос о перерастании в XX в. вне вопроса о законе неравномерности экономического и политического развития капитализма при империализме. Оценка революции 1905 г. только с точки зрения уровня экономических отношений (как это сделали авторы II тома «Истории ВКП(б)»), отрицание империализма в России в 1905 г. приводят к игнорирова-

---

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 398.

нию закона неравномерного развития при империализме и логическим путем толкают в той или иной форме к поддержке теории «перманентной» революции Троцкого. Прямое игнорирование закона неравномерного развития дает экономическое обоснование контрреволюционной троцкистской теории «перевооружения».

Выдвигая в основу анализа разность уровней и игнорируя разность характера и темпов экономического развития, троцкисты тем самым пытались подчеркнуть, что неравномерность экономического развития капитализма в домонополистический период была большей, чем при империализме, когда выдвигается на первый план нивелировка хозяйственного положения разных стран.

Из уровня экономического и политического развития различных стран Троцкий выводил, что «в корне ложна сама попытка рассматривать экономическую и политическую судьбу отдельной страны, вырывая эту страну из связей и взаимозависимостей мирового хозяйственного целого» [1].

Троцкисты стремились подчеркнуть, особенно в своих выступлениях на XV конференции и VII пленуме ИККИ, такую связь всех звеньев мировой цепи империализма, которая исключает возможность выпадения одного какого-либо звена, совершающего прорыв фронта, противополагающего себя всей цепи империализма созданием антагонистического, а потому независимого от этой цепи социалистического общества.

На VII пленуме ИККИ Троцкий, развивая такие насквозь каутскианские и ликвидаторские «идейки», прямо договорился до открытого провозглашения неизбежности дауэсизации нашей страны:

«Россия была составной частью мирового капиталистического хозяйства. Отсюда вытекала зависимость России от мирового хозяйства. Предпосылка социализма—тяжелая промышленность и машиностроение. По статистическим исчислениям знатока вопроса Варзара, оборудование нашей промышленности до войны состояло на 63% из привозных машин... Когда вы следовательно обозреваете техническое оборудование наших заводов, вы видите собственными глазами материализованную зависимость России — также и Советского союза — от мирового хозяйства».

Приближение к довоенному уровню в конце восстановительного периода представлялось Троцкому как восстановление прежней зависимости от мирового хозяйства. Индустриализация страны, по мнению Троцкого, означает все «возрастающую зависимость» от мирового хозяйства и капитализма.

[1] Стенотчет VII пленума ИККИ, т. II, стр. 99 — 102.

Этими капитулянтскими рассуждениями Троцкий пытался обосновать невозможность построения социализма в нашей стране с помощью перенесения на почву истории буржуазной схемы Милюкова о примитивности процесса исторического развития России.

Разработка т. Сталиным ленинского учения о возможности построения социализма (как и всей теории марксизма-ленинизма вообще) легла в основу дальнейшей теоретической и практической работы нашей партии во главе с ее вождем т. Сталиным в таких вопросах, как этапы нэпа, проблемы реконструктивного периода и вступления в период социализма, существо и методы социалистического наступления, ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, создание бесклассового общества и уничтожение противоположности между городом и деревней и т. д.

VII. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. и II ИНТЕРНАЦИОНАЛ

> «Разве не ясно, что большевики не могли поддерживать левых в Германии, то и дело колебавшихся между большевизмом и меньшевизмом, без серьезных оговорок, без серьезной критики их ошибок, не изменяя рабочему классу и его революции».
>
> (Из письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».)

Революция 1905 г. имела огромнейшее влияние на все страны мира. Мировая буржуазия была смертельно напугана подъемом революционных масс. Реакционные правительства собирают силы, концентрируют войска, договариваются о совместной поддержке на случай победы революции. Революция в России пробуждает революционные настроения в пролетариате Запада, раскачивает и поднимает трудящихся Востока.

«Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, — говорит Ленин, — что могучее восстание 1905 г. оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении сотен и сотен миллионов людей, неискоренимо» [1].

[1] Ленин, т. XIX, стр. 356.

Огромное влияние оказала революция 1905 г. на Венгрию, Бельгию, Италию, Францию, Швейцарию. Ленин говорит о том, какое влияние имело известие об октябрьских событиях в России на исход борьбы за всеобщее избирательное право в Австрии. После того как получилась телеграмма о манифесте 17 октября — «ближайшие дни увидели крупнейшие уличные демонстрации в Вене и баррикады в Праге. Победа закона о всеобщем избирательном праве в Австрии была решена».

Подтверждение этих слов Ленина мы находим в речи Пернерсторфера — одного из лидеров австрийской социал-демократии. Он говорит:

«Но несмотря на то, что мы не только говорили в пользу избирательного права, но также и писали о нем и на каждом партейтаге снова и снова выставляли требование его, организуя широкую агитацию, нас, казалось, не хотели слушать.

Но вот возгорается великое движение на Востоке, оказавшее влияние и на Австрию (подчеркнуто нами. — *И. Н.*). В России, этом очаге реакции, произошло то, что до сих пор никем не считалось возможным. В этом колоссе началось брожение, и угнетенный народ с отчаяньем выступил против самодержавия. Геройская борьба русского пролетариата должна была найти отклик и у нас» [1].

Велико было влияние революции 1905 г. и на Германию. Стачечная волна в Германии нарастала с подъемом революционной борьбы в России, вслед за восстанием на броненосце «Потемкине» произошло возмущение на германском крейсере в Киле.

Октябрьская стачка и гигантский размах стачечного движения в России, выдающаяся роль пролетариата в революции 1905 г. сразу же поставили перед западноевропейским рабочим движением вопросы о стачке и революционных методах борьбы. Особенно остро они были поставлены в германской социал-демократии.

Подводя итоги опыта русской революции как урока для пролетариата всего мира, Ленин писал, что «стачки в России в 1905—1907 гг. представляют из себя явление, невиданное в мире», что «минимум числа стачечников в России за это трехлетие превышает максимум, когда бы то ни было достигавшийся в наиболее капиталистических странах мира. Это не значит конечно, что русские рабочие развитее или

[1] «Звено» № 2, 1906 г., стр. 32.

сильнее, чем на Западе. Но это значит, что человечество до сих пор не знало, какую энергию способен развить в данной области промышленный пролетариат. Своеобразие исторического хода событий выразилось в том, что приблизительные размеры этой способности впервые обнаружились в одной отсталой стране, переживающей еще буржуазную революцию» [1].

«Методы русской революции» становятся в порядок дня борьбы западноевропейского пролетариата. Октябрьско-декабрьские формы борьбы российского пролетариата стали предметом страстной дискуссии, основой для спора и борьбы во II Интернационале, источником для острейшего противоречия, оформившего две тенденции в международном рабочем движении.

Что было оселком споров на партейтагах германской социал-демократии, на конгрессах II Интернационала в 1905—1912 гг.? В центре всех споров, основой для выработки различных платформ, для самоопределения разных течений во II Интернационале — было по существу отношение к опыту революции 1905—1907 гг. Реформисты твердо стояли на защите только парламентской деятельности, всяческого приспособления к буржуазному общественному строю, отрицая начисто «русские методы». Вот что писали ревизионисты по поводу русской революции, связывая вопрос о ней вообще с проблемой реформы или революции:

«Когда началась революция в России (тогда капиталистическое развитие там только начиналось), тогда показалось, что наконец-то наступил момент, когда материальные производительные силы стали в противоречие к наличным производственным отношениям.

Но, ах, как скоро разрушены были эти галлюцинации... Когда я после поражения московского восстания писал, что русская революция кончилась, и что для русских социал-демократов теперь остается только работа на полученной легальной почве, — меня безмерно осыпали за это ругательствами. И все-таки события целиком подтвердили то, что я сказал. Россия развивается совершенно так же, как Пруссия после 1848 г. или Англия после 1649 г. А остальной Европе русская революция не оставила никаких других следов, кроме большого отрезвления в тех кругах, где в русской революции видели знамение наступающего конца капиталистического общества» [2].

[1] Ленин, т. XV, стр. 29.

[2] Ст. Э. Фишера из «Socialistische Monatshefte». Цитируем по «Просвещению» № 9 за 1913 г.

Вождь ревизионистов Давид писал:

«Русская революция учит нас очень многому... И прежде всего она нас учит, что нельзя сравнивать русскую революцию с отношениями в Германии. То, что там может быть и верно, для нас это в итоге противоположно, и нужно быть сумасшедшим, чтобы из русских условий сделать выводы для нашей тактики» [1].

Центр, стоявший у руля руководства II Интернационала (Бебель, Каутский), занимал позицию — чем дальше от дней революционной бури 1905 г., тем ближе к реформистам. На словах центр еще стремился показать свою «революционность», а на деле он сознательно делал уступку за уступкой реформистам, обрушивал на голову левых удары партийной дисциплины и делал их мишенью своих совместных с реформистами выступлений. Каутский, сперва приветствовавший русскую революцию, в период реакции уже изображает ее как взрыв отчаяния «илотов», которым больше нечего терять.

Бебель не устает повторять на разные лады одну и ту же мысль:

«Я не разделяю, — говорит он, — надежды тех русских товарищей, которые думают, что удастся одним ударом изменить старую Россию в новую, которая своим внутренним порядком будет образцом для Европы».

Для Бебеля вопрос о русской революции стоит только в плоскости минимально необходимой поддержки освободительному движению в отсталой стране против царизма, постоянно угрожающего войной Германии, этой передовой стране капитализма и развитого пролетарского движения.

Прекрасно характеризует поведение большинства II Интернационала и его руководство то заседание Международного социалистического бюро (4 и 5 марта 1906 г.), на котором обсуждался вопрос о положении в России. Начать с того, что вопрос «о событиях в России и их отражении на Западе» был поставлен таким махровым оппортунистом, как голландский социал-демократ Трульстра, а докладчиком по этому вопросу выступил эсер Рубанович. «Гайндман предложил междупарламентскому комитету исследовать, не представляется ли возможным возбудить во всех парламентах Европы вопрос о зверствах, совершенных русским правительством. Секретарь сообщил, что т. Брантинг (Швеция) уже формулировал в письме, направленном в Бюро, аналогичное предложение, согласно которому социалистические депутаты Англии, Франции, Германии и Италии приглашаются интерпеллировать по этому поводу свои правительства.

Жорес заметил, что окончание сессии вряд ли позволит французам сделать такую интерпелляцию.

По предложению Вандервельде вопрос этот предоставлен парламентской фракции каждой страны.

По предложению Кейр Гарди и Гайндмана было решено, что секретариат интернационального бюро войдет в соглашение с междупарламентским социалистическим комитетом (секретарь Манцури, Амстердам), для того чтобы организовать в Лондоне демонстративное собрание в присутствии наиболее видных социалистических представителей различных парламентов» [1].

Дальше протеста против «нецивилизованного» образа действий русского самодержавия МСБ не идет, а формой протеста избирает запрос парламентской фракции своему правительству. Так понимало руководство II Интернационалом «отражение на Западе» русской революции. Что касается понимания и оценки самих событий в России, то большинство вождей II Интернационала либо отмалчивалось, либо занимало позицию русских меньшевиков, если не полукадетского «Товарища», органа Прокоповича и Кусковой.

Левые во II Интернационале пытаются поднять ряд новых вопросов, именно в связи с «разговором по-русски», т. е. в связи с опытом революции в России. Это вопросы — всеобщей стачки, вооруженной борьбы, баррикад, роли легальной и нелегальной работы, внепарламентской мобилизации масс, роли печати, парламента, инициативы революционных низов и т. д. и т. д. Левые (Р. Люксембург, А. Паннекук и др.) во II Интернационале пытаются поставить эти вопросы применительно к западноевропейским условиям, исходя из опыта революции в России (мы дальше скажем, как и насколько правильно они ставили эти вопросы). Роза восторженно приветствует русскую революцию, принимает сама участие в революции, сидит в царской тюрьме. Ее письма времен ее работы в рядах русской революции дышат подлинным революционным чувством. Она критикует меньшевистскую тактику, приветствует декабрьские события в Москве, высмеивает конституционные иллюзии меньшевиков и попутно, узнав о том, что в Гамбурге состоялась всеобщая стачка и грандиозная демонстрация против ухудшения избирательного права, пишет:

[1] Протоколы Иенского партейтага.

[1] «Звено» № 1 за 1906 г.

«Урра, Гамбург! Я была горда и счастлива, узнав об этом. Только бы на этом не успокоились! Наверно отцы (т. е. руководство немецкого ЦК.— *И. Н.*) уже принялись «тушить»...

Роза не ошиблась в предположении. «Отцы» тушили революционный пожар.

Накануне революции 1905 г. в Германии встал вопрос о стачке, но этот вопрос не выходил из стадии самого отвлеченного обсуждения на страницах теоретического органа. Большинство руководства партии отрицало необходимость и целесообразность стачки, защищая чисто парламентскую тактику. Выборы в рейхстаг в 1903 г. привлекли к социал-демократии большое количество попутчиков: мелкая буржуазия, испытавшая на себе кризис 1902 г., широко поддержала германскую социал-демократию. Ревизионисты неимоверно усилились, а партия сильно разбухла за счет мелкобуржуазных попутчиков и испытывала все возрастающее давление мелкобуржуазных настроений. «Мирные» стремления, господство парламентской тактики, социальное штопанье—словом, реформистские настроения получили широчайшее распространение именно накануне революции 1905 г.[1].

Революция 1905 г. была ударом по реформизму. Всеобщая стачка в Рурской области в 1905 г. резко опрокинула иллюзии «мирного» развития. В этой обстановке поднялся в Германии в 1905 г. вопрос о стачке. Бюрократы из профессиональных союзов, собравшиеся до партийного съезда на своем съезде в Кельне, высказались против всеобщей стачки и категорически потребовали «от организованного пролетариата энергично противостоять таким попыткам», сделать стачку орудием революционной тактики. На партейтаге профбюрократы попрежнему отстаивают ту точку зрения, что стачка есть метод анархизма. Но открыто реформистские настроения Кельнского съезда профсоюзов не получили поддержки большинства партейтага в Иене. Крупнейшей уступкой, ободрявшей реформистов на этом партейтаге, была защита Бебелем идеи нейтральности профессиональных союзов[2]. Но все же партейтаг признал, что в случае покушения на всеобщее избирательное право рабочий класс должен употреблять все средства для защиты этого права.

[1] Были конечно и анархические тенденции в германском рабочем движении, выраженные в это время в выступлениях Фридеберга, заявившего например, что «99/100 всех вопросов, обсуждаемых в парламенте, совершенно не касаются нас».

[2] См. Ленин, т. VIII, стр. 235—238

«Одним из наиболее действительных средств для отражения подобных преступлений против рабочего класса или для завоевания основных прав... партейтаг признает в таких случаях самое широкое применение массовой стачки»[1].

Принятие резолюции о стачке, доклад Бебеля по этому вопросу, в котором он выступал против реформистов из профсоюзов, его заявления о том, что приближается ситуация, которая может привести к катастрофам, что рабочее движение может только выиграть, если противоречия, кроющиеся в обществе, достигают своего наивысшего развития и создается положение, при котором невозможны компромиссы и отступления, — все это говорило о некотором сдвиге настроений в германской социал-демократии под влиянием событий в Германии и революции 1905 г. в России. Но на факте отношения к стачке можно проследить истинную природу центризма и центристского руководства германской социал-демократии. Сразу же после разгрома московского вооруженного восстания происходят секретные совещания немецкого ЦК с руководством профсоюзов, на которых ЦК партии капитулировал перед реформистами из профсоюзов. Профсоюзники настаивали на том, чтобы партия боролась против пропаганды массовой стачки, Бебель предложил компромиссную резолюцию, в которой заявлялось, что Форштанд — немецкий ЦК — «не имеет намерения в настоящее время пропагандировать массовую политическую стачку. В случае, если таковая будет по необходимости пропагандироваться, тогда ЦК предварительно согласует вопрос с генеральной комиссией» (руководство профсоюзов. — *И. Н.*). В этой же резолюции Бебель говорил о том, что профсоюзы официально в стачке не участвуют, но и «не нападают на нее с тыла» (!)

Маннгеймский партейтаг 1906 г., собравшийся на ущербе русской революции, чрезвычайно выпукло обрисовал центристскую линию руководства германской социал-демократии, в особенности проявившуюся в докладе Бебеля. Весь его доклад был построен на том, что в ближайшие годы стачка неосуществима, что партия к ней не готова. Он категорически высказывается против стремлений объявить всеобщую стачку в случае вмешательства Германии в российские дела для подавления революции в России, аргументируя это опасностью разгрома партии в условиях военного положения. Россия не может быть примером для Германии

[1] Мы частично пользуемся материалом, собранным в статье т. Горловского «Революция 1905 г. и ее влияние на развитие германской социал-демократии» в «Проблемах марксизма» № 1 за 1932 г.

как страна отсталая, «мы же имеем всеобщее избирательное право». Основной тон в речи Бебеля выражается его фразой по адресу профсоюзных реформистских вождей, что, «несмотря на все, мы ближе друг к другу, чем были в Иене». Резолюция Бебеля на этом партейтаге устанавливала, что резолюция Кельнского профсоюзного съезда не противоречит резолюции Иенского партейтага. Бебель, который на Иенском партейтаге критиковал, хотя и мягко, явно реформистскую резолюцию Кельнского съезда профсоюзов, который говорил, что в Германии вопрос о стачке «всюду прорывается наружу», теперь предлагает резолюцию, в которой обходит вопрос о стачке как орудии пролетарской революции и практически договаривается с реформистами, фактически капитулируя перед ними, как например на упомянутом секретном совещании. Вполне поэтому понятно, что на Маннгеймском партейтаге он уже констатирует единство взглядов с реформистами и не хочет видеть разницы между двумя резолюциями, из которых одна хотя и робко, но высказывается за стачку, а другая — весьма решительно против нее.

Отношение руководства к вопросам всеобщей стачки отразилось и на отношении германской социал-демократии к русскому опыту. Мартов и Троцкий печатаются с поощрением Каутского в центральных органах германской социал-демократии. Они преподносят меньшевистскую клевету на революцию 1905 г. как урок для германской социал-демократии в дискуссии о массовой борьбе. Ленин хотел ответить Мартову и Троцкому. В связи с этим ответом он разработал статистику стачек 1905—1908 гг., но Каутский не допустил печатание статьи Ленина, заявив, что он против полемики на страницах «Neue Zeit» по этому вопросу. Этот факт крайне знаменателен. Троцкий и Мартов — вот чьими глазами смотрели центристы на вопросы русской революции!

Каковы же были позиции левых в вопросе о стачке? Р. Люксембург пропагандирует опыт русской революции в противовес Бебелю, который говорил, что «нынешние условия в России до того ненормальны, что она служить для нас примером не может». Роза пишет специальную работу в защиту всеобщей стачки, основываясь на русском опыте, и учитывая его для условий Германии. Ее не удовлетворяет резолюция Иенского партейтага. Вот что пишет она в письме к Роланд-Гольст, тоже одной из самых ярых защитниц идеи массовой стачки:

«Я с тобой полностью согласна, что бебелевская резолюция по вопросу массовой стачки очень однобока и плоска...

Некоторые из нас хотели выступать против нее в дискуссии в том направлении, что массовую стачку не следует рассматривать как механическое средство обороны, но как форму пролетарской революции. Однако речь Бебеля, а еще больше позиция оппортунистов (Гейне и т. д.) дали делу иное направление. Как уже это неоднократно случалось, мы, «крайне левые», были вынуждены, несмотря на серьезные разногласия с Бебелем, бороться отнюдь не против него, а вместе с ним против оппортунистов. Выступить в Иене против бебелевской резолюции было бы с нашей стороны крупной тактической ошибкой».

Но на деле именно эта тактика Розы была ее крупнейшей ошибкой. Совершенно очевидно, что отмежуйся Роза от бебелевских уступок оппортунизму, она действительно отрывала бы его от оппортунистов, а вместе с тем призвала бы членов партии к настороженности и бдительности в отношении не только к явным реформистам, но и к центру. «Чтобы помочь колеблющемуся, надо перестать колебаться самому» (Ленин). Эта ошибка была связана у Розы с ее неверным пониманием существа всеобщей стачки. Роза видит в стачке боевое оружие классовой борьбы пролетариата, «форму проявления классовой борьбы и революции», но она не «доводит» стачку до вооруженного восстания, хотя не отрицает возможности острых, вооруженных схваток. Перерастания стачки в восстание Роза не видит. Она отрицает и задачу планомерной и систематической организации и руководства массовой стачки, исходя из идеи стихийности рабочего движения; роль партии в данном случае, по ее мысли, чисто пропагандистская.

Так, оценивая опыт стачечной борьбы в России, Роза Люксембург пишет:

«Как мы уже видели, в России элемент стихийности играет во всех без исключения массовых стачках выдающуюся роль, — то как побуждающее, то как тормозящее начало. Но это происходит не от того, что в России социал-демократия еще молода и слаба... В России элемент стихийности играет такую преобладающую роль в массовых стачках не потому, что российский пролетариат «не воспитан», а потому, что революции не поддаются воспитанию».

В этой связи понятна и ее меньшевистская оценка советов, отрицающая за ними роль таких организаций, которые, перерастая из стачечных организаций в органы революци-

онного восстания, являются зародышами революционной власти.

Исходя из представления об автоматическом крахе капитализма, Роза Люксембург нападает на большевистскую идею «организации революции». Ее фраза против «опекунства» над рабочим классом имеет один смысл — предоставить революцию игре стихийных сил, свободному течению истории.

По поводу первых шагов революции 1905 г. она пишет: «Овладеть и руководить не началом революционного взрыва, а его концом, его результатами — такова единственная разумная цель, какую может себе ставить политическая партия, если не хочет впадать ни в фантастические иллюзии, переоценивая свои силы, ни в бессильный пессимизм».

В процессе борьбы, по мнению Розы Люксембург, пролетариат стихийно создает свои собственные методы борьбы. Это—не что иное, как воскрешение старой экономистской идеи организации-процесса. И неудивительно, что Роза Люксембург так иронически отзывается о партийных комитетах, которые вооружают рабочих.

«Действительный марксизм, — говорила она на V съезде,—одинаково далек от этой (меньшевистской.—*И. Н.*) односторонней переоценки парламентаризма, как и от механического взгляда на революцию и переоценки так называемого вооруженного восстания. Здесь мои польские товарищи и я расходимся во взглядах с товарищами большевиками... Мы заявили с самого начала — и мне кажется, нам удалось основательно укрепить эти взгляды в рядах польского сознательного пролетариата,—что считаем чисто утопическим предприятием план вооружить широкие народные массы подпольным путем, точно так же, как план подготовить и устроить преднамеренно так называемое вооруженное восстание» [1].

Переоценка стихийного элемента и игнорирование проблемы руководства, вытекавшие из теории автоматического краха капитализма, приводили левых к непониманию роли партии и советов, к неправильному отношению к вооруженному восстанию, к полному игнорированию его подготовки, к клеветническому меньшевистскому утверждению о наличии у большевиков плана вооружения широких масс подпольным путем и т. д.

Повторяя на всяческие лады, что революция не делается

[1] «Протоколы Лондонского съезда», стр. 289.

по команде, делая меньшевистские ошибки, Роза Люксембург лишила свою огромную работу по пропаганде стачки действенного начала, лежащего в основе революционного воззрения на стачку, перерастающую в восстание, развитого Лениным и большевиками в революцию 1905 г. А отношение левых к революции 1905 г. и к большевикам — партии, стоявшей в авангарде пролетариата, гегемона этой революции, проливает свет на всю их принципиальную линию.

Вопрос о стачке снова всплывает, но уже с большей остротой к 1910 г. События, развернувшиеся в этом году, имеют большое значение для понимания позиции всех течений во II Интернационале, а стало быть и левых в германской социал-демократии. В 1910 г. более ясно обнаружились разногласия внутри II Интернационала. События в Германии (стачки, демонстрации, столкновения с полицией) развертывались с такой силой, что перед германской социал-демократией снова встал вопрос о массовых революционных действиях, о всеобщей стачке.

Ряд статей Розы Люксембург на эту тему был принят в штыки официальным руководством германской социал-демократии. Главным борцом против Розы был Каутский, выступление которого представляло собой открытую защиту основных позиций реформизма, послужившую сигналом для всех партий II Интернационала. В вопросе о массовой стачке центризм выявил открыто свое лицо как «идеология подчинения пролетарских интересов интересам мелкой буржуазии в рамках одной партии» (Сталин).

В ряде статей и выступлений против левых Каутский развивал мысль, что целью политической борьбы является «завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращение парламента в господина над правительством». По мнению Каутского, две тактических линии могут стоять перед германской социал-демократией: бельгийская, т. е. тактика мирного завоевания парламентского большинства, или русская, т. е. путь насильственной революции. По мнению Каутского, германская социал-демократия должна встать на путь бельгийской тактики. Германская социал-демократия должна применить тактику «истощения» буржуазии, ждать наступления буржуазии и брать курс на оборонительную борьбу.

Эти выступления означали, что Каутский окончательно перешел на сторону реформизма. Его выступления были поддержаны всеми реформистами, в том числе и русскими меньшевиками, которые, как например Мартов,

говоря о выступлении Каутского, его «дополняли» заявлением, что и Россия встала на «общеевропейский» путь, достаточно выросла, чтобы перестать говорить «по-русски», «по-азиатски», а значит — «по-большевистски».

Тогда именно формулировал Каутский свое понимание центра как понятия пространственного между правыми и левыми. Каутский озаглавил одну из своих статей: «Между Баденом и Люксембургом», намекая, что между Баденом (центр Баварии, где в наиболее открытой форме тогда царил оппортунизм), и Люксембургом (игра слов: речь идет об области западнее Рейна) лежит Трир — родина Маркса.

Выступления Розы против тактики германской социал-демократии, против Каутского основывались на необходимости перейти от сползания на тактику парламентского кретинизма» к тактике массовых революционных действий.

Но в выступлениях левых и особенно Розы характерно то, что, говоря о русских методах, о всеобщей стачке, они повторяют все те же старые меньшевистские оценки, не связывают проблемы массовой стачки с проблемой вооруженного восстания, отрицают вооруженное восстание как искусство, не понимают значения организации революции, по-меньшевистски подходят к вопросу о стихийности.

Обращаясь к германскому пролетариату, она говорит:

«Мы должны сегодня среди широчайших слоев пролетариата неутомимо распространять полное понимание положения вещей, будить в массах сознание собственной силы, укреплять в них боевую энергию и сеять полной горстью семена социализма. Остальное же мы смело предоставляем ходу вещей, с твердой уверенностью, что история работает нам наруку» [1].

Центристы вкупе с явными реформистами осыпают ее обвинениями в анархизме и бланкизме. И тут Роза снова спешит отмежеваться от большевизма, подчеркивая свое неизменно отрицательное отношение к последовательно-революционным выводам большевиков по вопросу о стачке.

«Делегаты СДПиЛ [2], — пишет Роза, — на всех партийных общероссийских конференциях и на Стокгольмском и Лондонском съездах в тактических вопросах всегда самым категорическим образом боролись с ленинскими идеями

[1] Из речи 1910 г. «Redner der Revolution — R. Luxemburg», стр. 70, 1928 г.

[2] Социал-демократии Польши и Литвы.

«технической подготовки революции», «экспроприации» и подобных им прекрасных «идей» [1].

«Стихийность» и принижение роли партии сказываются и в непонимании необходимости раскола с оппортунистами.

В письмах Розы к Тышко в этот период нет ни намека на то, чтобы вопрос о расколе стал перед ней как вопрос реальный и неотложный. Она ясно отдает себе отчет, что руководство германской социал-демократии целиком на поводу у профбюрократов типа Легина, т. е. у самых злейших оппортунистов.

«Именно Легин, — пишет Роза, — недавно протащил намордник для прессы и угрожал по поводу моей статьи. Вот положение. Все это, вместе взятое, ерунда, так как во всей стране настроение революционное, как никогда, и Берлин будет принужден итти вперед под нажимом провинции» [2].

Снова полная вера в силу стихийных факторов и ничего для того, чтобы организовать массы и лучшие элементы партии на почве разоблачения политики центра, идущего на поводу у оппортунистов и прикрывающего реформизм тонкой фальсификацией марксизма. Роза не делает никаких попыток, чтобы собрать вокруг революционной платформы революционные элементы. «Что ни радикал, то упрямец, — пишет Роза в письме к Тышко, — совместные договоры и кампании являются только тормозом... это мой многократный опыт» [3].

Говоря в этом же письме о том, что она отвергает «помощь» бременцев, Роза пишет в этой связи, что следует девизу Данте и идет своим путем. Весь контекст этого письма свидетельствует о самоизоляции, говорит за то, что Роза не сумела встать на путь организации, собирания, сплочения и воспитания революционных кадров, несмотря на их ошибки и «левые благоглупости».

Такая борьба с центризмом не выводила Розу целиком за порочный круг центризма. И когда на Магдебургском партейтаге все же принимается поправка Розы о признании всеобщей политической стачки средством борьбы за избирательную реформу в Пруссии, она тут же из соображений «худого мира», соглашается взять обратно вторую часть поправки — требование пропаганды всеобщей стачки.

[1] «Червонный штандарт» № 188 за июль 1912 г.

[2] «Пролетарская революция» № 2—3 за 1931 г., стр. 126.

[3] Там же, стр. 125.

Вот почему Ленин имел все основания писать строки, полные настороженности и большого недоверия. Вот что он пишет в письме к Мархлевскому (надо иметь в виду, что Ленин пишет в чрезвычайно осторожной форме, ибо Мархлевский был очень близок к Розе):

«А что, финал вопроса о массовой стачке в Магдебурге (принятие резолюции Розы Люксембург и взятие ею обратно 2-й части) не послужит к миру ее с Каутским? Форштандом?» [1].

О полемике 1910 г. по вопросу о стачке и о связи с русским опытом Ленин, готовя материалы по вопросу о государстве и революции, сделал ряд записей. Эти записи тем более важны, что они относятся к ненаписанной VII главе «Государство и революция» («Опыт русских революций 1905 и 1917 гг.»). В записях Ленина мы читаем следующие строки.

«Так подготовлял себе Каутский лазеечки. 1910 (2-я половина) он уже повернул (наполовину): «Стратегия, направленная на изнурение противника»!!... и... докатился до реформизма против Паннекука...

Каутский против Паннекука. Статьи Паннекука озаглавлены «Массовые действия и революция». Паннекук в первых строках указывает на «Уроки русской революции»... Пролетариат прибегает к массовым действиям от простейшей формы (демонстрации) «до самой мощной (!??) формы — массовой стачки» (546), как было в октябре 1905 г. в России... (547)» [2].

Излагая Паннекука, Ленин отмечает непонимание им (Паннекуком) того, что не массовая стачка, а вооруженное восстание является самой мощной формой, и против соответствующей фразы Паннекука пишет: «Декабрь 1905 г.». Ленин этим подчеркивает наряду с другими ошибками, в особенности о государстве, ошибку левых во II Интернационале в вопросе о вооруженном восстании.

На вопросе о всеобщей стачке можно видеть, как левые (Р. Люксембург), борясь против центра (Каутский), вместе с тем делали крупнейшие ошибки центристского характера. Эти ошибки не позволили левым (Р. Люксембург) окончательно порвать с центром и обусловили их борьбу с единственно революционной партией—большевиками.

---

[1] «Ленинский сборник» III, стр. 450.

[2] «Ленинский сборник» XVI, стр. 369 — 371. Цифры в скобках указывают на страницы «Neue Zeit», в которой была помещена статья Паннекука.

VIII. БОРЬБА БОЛЬШЕВИЗМА НА ДВА ФРОНТА КАК ОБРАЗЕЦ ТАКТИКИ ДЛЯ ВСЕХ

„Из всех группировок II Интернационала русские большевики были тогда единственной группировкой, способной по своему организационному опыту и идеологической подкованности предпринять что-либо серьезное в смысле прямого разрыва, раскола со своими оппортунистами в своей российской социал-демократии».

(Из письма т. Сталина в редакцию журнала „Пролетарская революция".)

События в германской социал-демократии, связанные с борьбой в 1910—1912 гг. вокруг вопросов массовой стачки, показали не только окончательный переход центра на сторону реформизма, открытое его отречение от революционной борьбы, но и крупнейшие ошибки левых во II Интернационале. Перед лицом надвигающихся событий левые попытались указать путь рабочему классу в его борьбе за пролетарскую революцию, наметить революционную тактику пролетарской партии. Но их политическая линия, их тактика, несмотря на их серьезные заслуги в революционной борьбе и в критике открытого реформизма и центризма, не могли служить образцом подлинно революционной тактики.

Критику центра, критику Каутского—подлинно революционную — мы видим у Ленина.

Каутский в разгаре борьбы с левыми по вопросу о стачке и перед лицом мировой военной опасности в связи с балканской войной в статье о войне и Интернационале пишет:

«...Всякие действия, направленные к тому, чтобы помешать правительству начать войну,—будь то массовые выступления, или вооруженные выступления, или массовая забастовка,—все эти действия можно считать обреченными на неудачу и даже пагубными в обстановке военного воодушевления населения. Нашей задачей является таким образом пропаганда» [1].

Тактика пролетариата, по мнению Каутского, должна заключаться в том, чтобы «изолировать разжигателей войны».

По поводу этой статьи и приведенных строк в особенности Ленин писал Плеханову о «решительном несогласии» с этим выражением официального мнения немецкой, австрийской и других руководящих партий II Интернационала.

«У Каутского,—пишет Ленин, — выходит зарок именно от революционной массовой стачки. Это недопусти-

---

[1] «Neue Zeit» № 6 от 8 ноября 1912 г.

мо и с русской точки зрения (100 тысяч политических стачечников теперь в Питере с революционными митингами и сочувствием восстанию матросов!) и с общеевропейской. Впрочем, вы знаете нашу точку зрения из литературы...»[1]

Критику «положительного» с точки зрения Каутского бельгийского пути, т. е. реформистского в противовес «русскому», т. е. революционному отношению к стачке мы видим и у т. Сталина в тогдашней «Правде».

Говоря о частичной неудаче всеобщей бельгийской стачки в 1913 г., т. Сталин пишет:

«Каковы же причины малой удачи стачки? Главных причин две.

Первая причина—господство оппортунизма и реформизма среди части бельгийских социалистов, особенно парламентариев. Привыкшие итти в союзе с либералами, эти парламентарии чувствуют себя зависимыми от либералов во всем своем поведении. Колебания были поэтому при назначении стачки, колебания не могли не мешать успешности, силе, размаху всей пролетарской борьбы...

Вторая причина частичного неуспеха — слабость рабочих организаций и слабость партии в Бельгии...»[2]

Образец тактики для всех могли дать только большевики. Большевистская тактика годится как образец для всех — не только в период победы диктатуры пролетариата в России. Большевистский образец был вполне пригоден и раньше для всех истинно революционных элементов во II Интернационале и в частности в переломный период в истории II Интернационала — в 1910 г., когда завершился открытый поворот центра в сторону реформизма в международном масштабе. Борьба левых во главе с Розой Люксембург с центром достигла большой остроты, и тем не менее эта борьба не увенчалась успехом, не превратила левых в большевистскую партию. Это произошло именно потому, что они не взяли образцом для себя тактику русских большевиков.

Как решали вопрос о борьбе с оппортунизмом справа и «слева» и с центризмом большевики в 1910 г.? Большевики исходили из того, что объективные условия буржуазного развития России, победа контрреволюции, шаги самодержавия по пути превращения в монархию буржуазного типа породили новые формы буржуазного влияния на пролетариат — ликвидаторство — этот полулиберализм с марксистскими фразами, и отзовизм — этот полуанархизм, также желающий причислить себя к социал-демократии. В непримиримой острейшей борьбе с этими двумя потоками буржуазного влияния на пролетариат сплачивались все революционные партийные элементы, складывалось партийное объединение. Борьба на два фронта — вот что лежало в основе большевистской тактики как принципиальной линии, на которой объединялись партийные элементы. Противниками борьбы на два фронта выступили и меньшевики и впередовцы — в первую голову их прямо касалась эта борьба. Против идеи борьбы на два фронта был Троцкий, выступавший как законченный центрист. Его формулировка (она фигурировала не только в 1910 г.) о «преодолении опасных уклонений путем расширения и углубления социал-демократической работы», направленная против лозунга борьбы на два фронта, встретила горячую поддержку представителей этих самых «опасных уклонений».

Троцкий выразил «весь дух самого худого примиренчества, «примиренчества» в кавычках, примиренчества кружкового, обывательского, берущего «данных лиц», а не данную линию, не данный дух, не данное идейно-политическое содержание партийной работы. Ведь в этом вся бездна различия между «примиренчеством» Троцкого и К°, которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии (подчеркнуто нами. — *И. Н.*), чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается якобы партийными и якобы антифракционными декларациями, и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма»[1].

Большевики к переломному моменту— 1910 г. пришли, проведя на деле борьбу на два фронта. Эта борьба на два фронта, проведенная большевиками, и обеспечила возможность, несмотря на ряд преград, окончательно оформить в 1912 г. самостоятельную партийную организацию, выгнав оппортунистов справа и «слева». Эта беспощадная борьба с оппортунизмом встречала сопротивление не только со стороны отечественных центристов (Троцкий), но и со стороны некоторых большевиков, примиренчески настроенных (Дубровинский, Каменев, Рыков, Ногин), а также левых во II Интернационале.

Ленин одну свою заметку о ликвидаторах посвящает «примирителям» и «соглашателям». В этой заметке он ссы-

[1] «Ленинский сборник» XIII, стр. 209—210. (Подчеркнуто нами.—*И. Н.*)
[2] «Правда» № 164 (358) от 8 мая 1913 г.

[1] Ленин, т. XIV, стр. 302.

лается на факты, сообщенные в корреспонденции из Петербурга. Ленин имеет в виду статью т. Сталина, напечатанную в № 23 «Социал-демократа» в форме корреспонденции из Петербурга.

«Корреспонденция т. К. (Коба — И. Сталин. — *И. Н.*) заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией. Лучшее разоблачение «голосовской» (т. е. ликвидаторской. — *И. Н.*) политики (и голосовской дипломатии), лучшее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей и соглашателей» трудно себе представить» [1].

О чем сообщает статья т. Сталина?

В Петербурге состоялось собрание партийных работников, посвященное вопросу о воссоздании и укреплении районных партийных организаций. На этом собрании выступил с докладом видный ликвидатор. «Главные мысли,—пишет т. Сталин,—заключались в том, что никаких организаций в партийном смысле ненужно, а только необходимо сосредоточить всю работу на открытой арене — для этой цели предлагается создание («самочинно») «инициативных» групп, которые занимались бы исключительно открытой работой: организацией докладов и собраний (публичных по закону 1 марта—так вот Столыпин и разрешит!) по вопросам: государственное страхование, петиция, избирательная кампания в IV Думу и муниципальным вопросам, как то: удешевление трамваев, водоснабжение и пр.».

Этот же ликвидаторский докладчик, как сообщает в этой корреспонденции т. Сталин, заявил, что состоялось совещание ликвидаторов ряда городов, которые пришли к решению о необходимости новых методов работы.

Это ликвидаторское выступление встретило горячий отпор собрания. «Один из товарищей,—читаем мы в корреспонденции (не Сталин ли?),—разоблачил типичное ликвидаторство докладчика» [1].

Ленин сопоставляет разоблаченные в статье т. Сталина факты ликвидаторской работы с приемами, которые пускает в ход Троцкий. Троцкий борется с большевиками из-за очищения ими партии от ликвидаторов. Словесным осуждением ликвидаторов он прикрывает их на деле.

«Отсюда ясно, — пишет Ленин, — что Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а господа Троцкие обманывают рабочих, прикрывают

[1] Ленин, т. XV, стр. 217.
[2] «Социал-демократ» № 53, корреспонденция из Петербурга.

зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от «него» [1].

Тактика борьбы с русскими реформистами-ликвидаторами и отечественным Каутским — Троцким — получила блестящее оправдание в распаде Августовского блока, в том огромном движении 1912—1914 гг., которым знаменуется эпоха подъема и который шел в основном под руководством большевизма.

Все оппортунисты пытались изобразить тактику большевиков как отражение «отсталости» движения, как продукт иллюзий, порожденных революцией 1905 г. и навсегда похороненных началом перехода на буржуазные рельсы с помощью столыпинской аграрной политики. Вся ликвидаторская печать, все оппортунисты видели в эпохе 1908—1914 гг. буржуазный режим, приближающийся к европейским условиям и требующий «европейских» методов борьбы и отбрасывания в сторону революционной тактики. Только эпоха реакции, по мнению ликвидаторов, создала возможность «впервые» применить тактику международной социал-демократии и покончить с «чрезмерной элементарностью» «нашей прошлой тактики». Эти ренегатские выводы ликвидаторов послужили например вождю грузинских меньшевиков Жордания обоснованием развернутой ликвидаторской программы, в которой он подверг ревизии и область теории, и область тактики, и социал-демократические принципы организации.

Против Жордания выступил с резкой непримиримой критикой т. Сталин. Жордания расценил программу-минимум РСДРП как декламацию, выступил за ликвидацию программы-минимум и за приспособление партийной программы к программе кадетов. Поэтому он считал нужным отбросить «старую тактику». Жордания пишет:

«При таких условиях (при изолированности пролетариата) борьба пролетариата не может итти по-старому. Прежде всего он не может поставить себе целью подготовиться к революционным выступлениям... И если в самом деле эта тактика соответствовала раньше отношениям различных классов к пролетариату, то совершенно не соответствует теперь, когда весь буржуазный класс ведет борьбу с пролетариатом и не признает его вождем движения. А против воли буржуазии ни одно революционное выступление не удается» [2].

[1] Ленин, т. XV, стр. 217—218.
[2] «Дискуссионный листок» № 2, 1910 г.

Тов. Сталин разоблачает ликвидаторские, отреченские взгляды Жордания и подытоживает свои выводы в следующих иронических строках:

«Теперь все ясно. Для торжества революции нужна умеренная кадетская партия с умеренной конституцией. Но одна она не способна победить, ей нужна помощь пролетариата. Пролетариат должен помочь ей, ибо ему не на кого рассчитывать, вплоть до крестьянства, кроме умеренной буржуазии, но для этого он должен отбросить свою непримиримость и протянуть руку умеренной буржуазии, повести общую борьбу за умеренную кадетскую конституцию. Остальное само собой приложится. Партия, видящая залог торжества в борьбе рабочих и крестьян против умеренной буржуазии и крепостников,—заблуждается.

Словом — вместо руководящей роли пролетариата, ведущего за собой крестьян,— руководящая роль кадетской буржуазии, ведущей за нос пролетариат. Такова «новая» тактика тифлисских меньшевиков»[1].

Насколько разоблачение т. Сталиным ликвидаторской сути меньшевизма попало в цель, показывает, что писал Жордания, припертый к стене:

«Из всех обвинений в ликвидации, выдвинутых К. Ст. (т. е. Кобой — И. Сталиным.—*И. Н.)* против автора статей (его, Жордания, статей.—*И. Н.)* только одно верно: это ликвидация идеи гегемонии пролетариата в освободительном движении настоящего и будущего»[2].

Ленин пишет, что своими статьями, в которых Жордания пытается ликвидировать идею гегемонии пролетариата в революции, он «подтверждает самые тяжелые обвинения автора «Письма с Кавказа» т. К(обы) С(талина)...»[3].

Свой поход против старой тактики, против партии революционного пролетариата, против идеи гегемонии пролетариата Жордания сумел подкрепить той лазейкой, которую оставила ликвидаторам именно польская социал-демократия, руководимая Р. Люксембург и Тышкой. Именно Тышке принадлежал § 1 резолюции пленума ЦК 1910 г. В этом параграфе была на пленуме против большевистских голосов сформулирована та мысль, что российская социал-демократия только в период контрреволюции впервые применяет методы международной социал-демократии.

«Естественно,—пишет Ленин,—ликвидаторы горячо поддержали этот параграф, помогая Тышке «победить», часть

[1] «Дискуссионный листок» № 2, 1910 г.
[2] Там же.
[3] Ленин, т. XV, стр. 317.

большевиков, так называемая группа «примиренцев» (т. е. фактически троцкистов), тоже скатывалась в сторону ликвидаторов...

Лавирование Тышки привело единственно к ликвидаторскому извращению взглядов партии»[1].

И в организационном вопросе и в тактических вопросах польская социал-демократия (Главное правление, Тышко, Роза Люксембург) заняла позицию, которая означала помощь реформизму, сближение с русским центризмом в лице Троцкого — против революционной партии, против большевизма.

Полуменьшевистская позиция в вопросах оценки характера и движущих сил революции 1905 г. закрыла Р. Люксембург путь к пониманию сути разногласий между большевизмом и меньшевизмом.

Как же объясняла Роза Люксембург суть расхождения между большевиками и меньшевиками?

Обращаясь к меньшевистской части V съезда, она говорила:

«Вы, товарищи правого крыла, жалуетесь много на узость, нетолерантность, некоторую механистичность взглядов так называемых товарищей большевиков. И мы с вами на этот счет вполне согласны.

Польских товарищей, привыкших думать более или менее в формах, принятых в западноевропейском движении, эта специфическая твердокаменность пожалуй еще более поражает, чем вас».

Роза Люксембург спрашивает, откуда является эта «твердокаменность»? По ее мнению, эта твердокаменность, которую она понимала как сектантскую непримиримость, есть лишь реакция на оппортунизм меньшевиков.

«Твердокаменность есть та форма, в которую неизбежно выливается социал-демократическая тактика на одном полюсе, когда она в другом принимает бесформенность студня, расползающегося на все стороны под давлением событий».

Роза Люксембург ставит в пример русским большевикам германскую социал-демократию, которая может себе позволить «роскошь» быть мягкой по отношению к оппортунизму. Германская социал-демократия может это сделать потому, что «присутствие и даже деятельность кучки оппортунистов в наших рядах для нас совершенно безопасны; наоборот, свобода дискуссии и разнообразие мнений прямо необходимы ввиду громадности движения»[2].

[1] Ленин, т. XVI, стр. 317.
[2] «Протоколы Лондонского съезда», стр. 291.

Поэтому Роза Люксембург считает необходимым поддержать революционную тактику, но не в ее «специфической большевистской форме», которая является якобы лишь реакцией на оппортунистическую тактику меньшевиков.

Роза Люксембург воспринимает особенности большевистской партии, ее непримиримую борьбу с оппортунизмом, ее последовательно революционную принципиальную линию, организационное закрепление этой линии как специфический продукт российских условий. Роза Люксембург не поняла, что в лице большевиков мы имеем партию нового типа, партию, объявляющую и ведущую непримиримую войну с капитализмом и буржуазией, партию, стоящую во главе масс и ими руководящую в революционной борьбе за власть, партию, объявляющую и ведущую непримиримую войну с революционной практикой, партию, беспощадно борющуюся в среде пролетариата со всеми проводниками буржуазного влияния на него и изгоняющую их из своей среды. Роза Люксембург вслед за всеми меньшевиками противопоставляла «европейскому» социал-демократизму—«азиатский социализм»,—т. е. большевизм. Об этом противопоставлении Ленин писал в статье «Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторов»:

«В статье Аксельрода есть один пункт, который заслуживает серьезного разбора, именно: о «европеизации» нашего социал-демократического движения... пресловутая «европеизация», о которой на все лады говорят и Дан, и Мартов, и Троцкий, и Левицкий, и все ликвидаторы. Здесь один из главных гвоздей их оппортунизма.

«Европеизмом» называют ликвидаторы условия деятельности «социал-демократов в главных государствах Европы после 1871 г., т. е. как раз в такой период, когда вся историческая эпоха буржуазных революций была закончена, когда основы политической свободы сложились прочно и надолго».

В России не было этих европейских условий, породивших там «мирную» обстановку. Да и в самой-то Европе эти условия уже отживали, исчерпывали себя, сменялись условиями нового периода, периода приближения решающих боев пролетариата с буржуазией. Поэтому Ленин с едкой иронией высмеивает рассуждения об европеизации и показывает буржуазное происхождение этого оппортунистического тезиса.

«Голый дикарь, — пишет Ленин, — который оденет себе на голову цилиндр и вообразит себя поэтому европейцем, будет довольно смешон. Именно такого дикаря напоминает

сторонник буржуазии Милюков, когда он в III Думе уверяет: «у нас есть, слава богу, конституция»—и сторонник рабочих Аксельрод, когда он надевает себе на голову цилиндр с надписью: «я — европейский социал-демократ». Оба они, Милюков и Аксельрод, смешны своей наивностью. Оба они — оппортунисты, ибо мечтательными фразами об «европеизме» они обходят трудный и насущный вопрос о том, как следует вести себя в не-европейской обстановке тому или иному классу для упорной борьбы за обеспечение против европеизма»[1].

Эту позицию в наиболее законченной форме защищал Троцкий, который, продолжив мысль Аксельрода, определил большевизм как продукт влияния интеллигенции на «политически незрелый пролетариат».

Ответом на это общее всему II Интернационалу представление о большевиках служит классическая статья Ленина «Исторический смысл внутрипартийной борьбы». Сама история этой статьи говорит о многом. Она написана в ответ на статьи Мартова и Троцкого в „Neue Zeit" страницы которой услужливо предложил им для борьбы с большевизмом Каутский. Мы приведем из статьи Ленина ряд выдержек.

«Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 г. (если не с 1903) в бесчисленных книгах, брошюрах, статьях либеральной печати[2]. Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные либеральные взгляды».

Ленин развивает мысль о том, что сравнивать политическую зрелость российского пролетариата надо не с западноевропейским пролетариатом, а с другими классами России, особенно с буржуазией. Из всех классов России пролетариат оказался наиболее политически зрелым. Он создал раньше других классов свою политическую партию, он стал гегемоном революционного движения, вырвав руководство из рук буржуазии и разоблачив ее предательскую роль.

---

[1] Ленин, т. XVI, стр. 40—43.

[2] Либеральное происхождение этого тезиса меньшевизма легко обнаружить — хотя бы в писаниях, вождя русской либеральной буржуазии, Милюкова. Он писал о большевиках:

«Политические страсти и глубокое политическое невежество (подчеркнуто нами.— *И. Н.*) той среды, к которой обращаются агитаторы социал-демократического большинства, к сожалению, слишком сильные союзники их тактики» (Милюков, Год борьбы, 1906 г., стр. 447).—*И. Н.*

Развивая свои либерально-буржуазные идеи, Мартов и Троцкий пытаются успокоить буржуазию, что «бланкистские» идеи большевизма не запали вглубь пролетарских масс. Возражая Троцкому, заявившему, что большевизм и меньшевизм «не пустили глубоких корней в глубинах пролетариата», Ленин писал:

«Не в «глубинах пролетариата», а в экономическом содержании русской революции лежат корни расхождений меньшевиков с большевиками... Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлычки: «сектантство», некультурность» и т. п., и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства — значит опускаться до уровня вульгарных журналистов»[1].

Борьба большевизма с меньшевизмом была неразрывно связана с высвобождением крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии, связана с двумя перспективами, вытекавшими из всего хода развития капитализма в России: или пролетариат во главе революционного крестьянства установит демократическую диктатуру и поведет революцию к социализму, или либералы, договорившись с помещиками, русскими юнкерами, отдадут в их руки крестьян, преданных и обманутых буржуазией.

После поражения революции 1905 г. происходит процесс отпадения попутнических элементов, объективно означавший очищение пролетарской партии от проводников буржуазного влияния.

«Не понявши историко-экономического значения этого распада в эпоху контрреволюции, этого отпадения от рабочей партии не социал-демократических элементов, Троцкий говорит немецким читателям о «распаде» обеих фракций, о «распаде партии», о «разложении партии»[2].

Этого процесса укрепления партии, освобождающейся от всего пришлого, наносного, не поняла и Р. Люксембург, присоединив свой голос к общему хору всех вождей II Интернационала о распаде российской социал-демократии и о раскольнической политике большевиков. В период реакции, когда под ударами столыпинщины надо было строить партию, очищая ее от ликвидаторов справа и «слева» руководство польской социал-демократии играло роль тормоза в этом деле. Большевики вели непримиримую борьбу с ликвидаторами, а польские социал-демократы боялись, как бы партия не стала на путь «большевистской фракционности». Вот текст предложенной ими на пленуме 1910 г. резолюции, которая только играла наруку меньшевикам-ликвидаторам.

«Находя, что по существу было бы желательно назвать «ликвидаторством» указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться, но, принимая во внимание заявление товарищей меньшевиков, что и они считают необходимым бороться с этим течением, но употребление в резолюции такого термина имеет фракционный, направленный против них, меньшевиков, характер, мы, в интересах устранения всяких лишних помех к объединению партии, предлагаем выкинуть этот термин из резолюции».

Такая резолюция, как и вся линия польской социал-демократии, давала открытому оппортунизму возможность с помощью польской социал-демократии бороться с большевизмом.

Большевики «вывели» пролетариат последним из боя после поражения революции, в которую он вошел первым. Отступление свое рабочий класс совершил благодаря большевикам в порядке, накопляя в период реакции силы для нового наступления. В этот тяжелый период систематической, кропотливой, неустанной работы по собиранию, сплочению, организации масс для нового подъема большевики очистили партию от ликвидаторов слева, сектантски подходивших к задачам момента, тянувших на путь авантюризма, «окарикатуривших» большевизм, соединивших свою леволиквидаторскую позицию с теоретической ревизией основ марксизма. Большевики выгнали из партии и ликвидаторов справа, разоблачив их «либеральную рабочую политику».

Большевики, преодолев огромные трудности, выгнав ликвидаторов справа и слева, оставив за бортом партии все центристские группы (Троцкого и др.), на Пражской конференции 1912 г. окончательно оформили самостоятельное существование партии большевиков, закрепили партийное руководство, создали ЦК. Против этого шага выступили все оппортунистические группировки, которых собрал в Августовском блоке Троцкий. Эта ликвидаторская затея была направлена против Пражской конференции, против собирания ею партии. А польские социал-демократы — мы имеем в виду большинство их Главного правления во главе с Тышко — играли роль «гирьки на весах», по выражению Ленина, между Августовским блоком и большевиками. Эта позиция «тышкинского кружка», как говорил Ленин, объективно помогала ликвидаторам, срывала дело сплочения партийных элемен-

[1] Ленин, т. XV, стр. 11.
[2] Там же, стр. 21.

тов, мешала строительству большевистской партии. Не все польские социал-демократы были солидарны с «тышкинским кружком»,—известно, что «розламовцы», варшавский комитет во главе с т. Уншлихтом боролись против некоторых центристских тенденций большинства Главного правления по вопросам: о политической линии Главного правления, отношения к ППС и особенно из-за отношения к РСДРП. «Розламовцы» стояли за организационный контакт с большевиками, но и «розламовцы» не были большевиками, и они также стояли в национальном, крестьянском и других вопросах на люксембургианских позициях.

Наконец, перед самой войной Тышко и Р. Люксембург вместе с вождями II Интернационала, через каких-нибудь несколько недель ставших министрами в своих буржуазных правительствах, созывают Брюссельское совещание, где пытаются «примирить», объединить большевиков с меньшевиками. Р. Люксембург отстаивала взгляд, что в России «хаос фракционной борьбы», а худшая из всех фракций — ленинская — больше всех разжигает раскол. Нужно, по ее мнению, соглашение или компромисс всех фракций. Брюссельский блок был завершением ряда попыток германской социал-демократии систематически возглавить блок всех русских антипартийных элементов, завершением в период, когда большевистская партия совершила после исключительно трудного периода, каким был период реакции, выход «на дорогу» широкого массового движения и оживления в революционной ситуации. Еще в 1912 г. Ленин от имени нашей партии пишет правлению немецкой партии по поводу предложения устроить совещание всех фракционных центров по вопросу о поддержке избирательной кампании в IV Думу.

«Намерение правления, — пишет Ленин, — объективно является не чем иным, как попыткой способствовать расколу в нашей партии (РСДРП) и образованию новой, враждебной нам партии. Это до сих пор во всем Интернационале неслыханное дело»[1] (подчеркнуто нами.—*И. Н.*)

«Теоретическое» обоснование борьбы германской социал-демократии и II Интернационала против большевиков дал Каутский в своем выступлении на Международном социалистическом бюро, на котором он заявил, что старая партия в России умерла. Когда же Международное социалистическое бюро в 1913 г. «практически» занялось «выяснением» русских дел, то фигурировали два плана выяснения этого вопроса. Эти оба плана, по мысли их авторов, должны были

[1] Ленин, т. XVI, стр. 59.

быть направлены против большевиков. Вот что пишет об этом Ленин: «...на заседании МСБюро было предложено два плана: план Каутского — «устроить общий обмен мнений» и только... Другой план был предложен Розой Люксембург, но взят ею назад после возражений Каутского, — по этому плану предполагалась «объединительная конференция» «для восстановления единой партии».

«Разумеется, — пишет Ленин, — этот последний план был хуже, ибо сначала собрать такие данные необходимо, не говоря уже о том, что Роза Люксембург пыталась здесь протащить тайком лишь «восстановление» печально-знаменитого «тышкинского кружка».

«Каутский сказал,—продолжает Ленин,—что старая партия исчезла, хотя остались старые имена, которые однако с течением времени получили новое содержание. Нельзя просто-напросто исключать старых товарищей только потому, что их партия не носит старого имени». Как мог Каутский, — спрашивает Ленин, — договориться до этой чудовищной вещи? Чтобы понять это, русские рабочие должны знать, кто осведомляет немецкую социал-демократическую печать о русских делах? Когда пишут немцы, они обыкновенно обходят вопрос о разногласиях. Когда пишут русские в немецких социал-демократических изданиях, то мы видим либо союз всех заграничных группок с ликвидаторскими для самой непристойной брани против «ленинцев» (так было в «Форвертс» весной 1912 г.[1], либо писания тышкинца, троцкиста или другого человека заграничного кружка, затемняющего вопрос умышленно... Пожалеем немецких вождей, что они (умея собирать и изучать данные, когда они заняты теорией) не стыдятся выслушивать и повторять сказки ликвидаторских осведомителей[2].

На Брюссельском совещании, созванном Международным социалистическим бюро, против большевиков выступили все, включая и польскую социал-демократию (обе фракции: Главное правление и «розламовцы»). Резолюция, принятая тогда II Интернационалом, была объявлением войны большевистской партии.

«Нельзя совершить худшего преступления по отношению к русскому пролетариату,— говорилось в этой резолюции,— чем затруднять и задерживать сплочение различных групп его в единый, целостный организм».

Совещание признало необходимым выпустить специаль-

[1] Ленин имеет в виду статью Троцкого.
[2] Ленин, т. XVII, стр. 110—112, 122—123. Подчеркнуто нами—*И. Н.*

ный манифест против «раскольнической» политики большевиков. Этот манифест было поручено редактировать Плеханову, Мартову и Троцкому, подписались под ним также поляки в лице Р. Люксембург. Этот манифест объединил в так называемый «антиленинский блок» ликвидаторов, Бунд, впередовцев, ППС левицу и польских социал-демократов. Таким образом антибольшевистский фронт, протянувшийся от ликвидаторов до Р. Люксембург, получил поддержку руководства II Интернационала. Под маской «единства» и борьбы с «расколом» выступил против большевиков весь II Интернационал. Характерно, что наибольший поборник «единства» Троцкий в момент Брюссельского совещания выступает с совершенно законченной программой «единства» на почве центризма, на почве перенесения практики и методов центра II Интернационала на русскую почву.

«Тактически, — писал Троцкий,—правдизм и ликвидаторство все еще стоят влево и вправо от марксизма».

Поэтому он считает необходимым создать «марксистский» центр, наподобие немецкого, ибо «германская социал-демократия не могла бы сохранить свое единство, если бы оппортунистическое крыло ее (Бернштейн, Давид и др.) стояло лицом к лицу с ультрарадикальным крылом (Р. Люксембург и др.); оплотом единства и дисциплины в партии немецкого пролетариата является марксистский центр Бебеля и Каутского...»[1].

Своей демонстративной тактикой, отказом от голосования резолюции Международного социалистического бюро, большевики показали, что они будут проводить борьбу за революционную тактику и раскол с оппортунистами вопреки и центристскому руководству II Интернационала, и колебаниям и половинчатости левых. Поведение большевиков на Брюссельском совещании фактически было началом открытого раскола II Интернационала. Большевики своей борьбой против ликвидаторов, против Августовского блока, против Троцкого, против впередовцев, против примиренчества поляков и кое-кого из большевиков — дали образец тактики для всякой истинно-революционной партии Запада, образец борьбы на два фронта.

А левые в германской социал-демократии, «несмотря на свою левизну, не освободились еще от меньшевистского багажа» (Сталин), смотрели на опыт русской революции глазами польской социал-демократии, т. е. защищали теорию «перманентной» революции, смотрели на большевиков как

[1] «Борьба» № 7 — 8 от 6 июля 1914 г.

на раскольников, по-центристски подходили к ликвидаторству в России. Значит — даже лучшие элементы II Интернационала не понимали характера революции 1905 г. — генеральной репетиции Октября, части международной революции, неправильно расценивали борьбу большевиков с оппортунизмом и делали сами ошибки полуменьшевистского и центристского порядка.

Оценка опыта русской революции тесно переплеталась с перспективами международного рабочего движения. «Пробуждающаяся Азия» — вот какими словами тогда характеризовал Ленин подъем народных масс на Востоке под влиянием революции 1905 г. в России. В странах Западной Европы под влиянием революции в России усиливается классовая борьба пролетариата, приобретая все более и более обостренные формы. Идет подготовка к решающим схваткам между пролетариатом и буржуазией. «Мирная» парламентская обстановка взрывается рядом революционных выступлений.

Реакционность и агрессивность мировой буржуазии получает в эпоху империализма исключительное развитие. Империалистическая буржуазия накануне войны стремится к новому переделу мира. В начале XX в. был закончен раздел мира, но неравномерность экономического и политического развития, при скачкообразном развитии одних стран в отношении других и оттеснении одних стран другими, ставила с железной необходимостью вопрос о переделе уже поделенного мира.

Этот вопрос мог быть решен только силой. Неравномерность выдвинула вперед несколько могучих империалистических держав, привела к новому соотношению сил и перегруппировкам.

На этой почве неизбежно росли антагонизмы и противоречия, приведшие к империалистической войне 1914 г., которая и была попыткой нового передела мира, уже поделенного к началу XX в. между империалистическими хищниками.

Период перед войной был подготовкой — дипломатической и военной — к этому новому переделу. Мировая буржуазия перегруппировывалась, соединялась в союзы, сплачивалась в борьбе против пролетариата, против трудящихся, создавала заговоры реакции против революции. Это, как говорил Ленин, был заговор «во имя прямого подавления революции в Азии или косвенных ударов этой революции. Это—заговор во имя продолжения колониального грабежа и территориальных завоеваний сегодня на Балканах, завтра

— в Персии, послезавтра может быть в Малой Азии, в Египте и т. д. и т. д.»[1].

В этот заговор дипломатов, финансовых магнатов, генералов, монархов, королей стали и угля включается и царская Россия. На этом сошлись крепостники-помещики, реакционные правящие круги с «передовой частью либеральной буржуазии, давно уже тяготеющей к империалистской политике»[2].

Единый фронт мировой реакции, сколоченный империалистической буржуазией, с царской Россией в том числе, имел перед собой фронт пролетариата, в центре которого стояла русская революция — революция, находившаяся на стыке пробуждающихся народов Азии и поднимающихся на решительную схватку пролетариев Европы.

То, о чем писал неоднократно Маркс, что европейская революция начнется на Востоке, «который был до сих пор (1877 г. — *И. Н.*) нетронутой цитаделью и резервной армией европейской контрреволюции», начинает сбываться. Россия становится очагом европейской революции, а европейская буржуазия — оплотом и носителем контрреволюции. Большевики, сумевшие полностью оценить контрреволюционную агрессивность европейской буржуазии в целом в период до 1914 г., тем самым подготовили почву для правильной тактики и в период империалистической войны, для правильной оценки буржуазного шовинизма и всего хода европейской и мировой политики, всей суммы международных отношений.

«Заговор реакции» был «введением» к мировой бойне. Вот почему вопросы милитаризма, отношения к колониальной политике, отношения к бюджетам буржуазного государства, отношения к буржуазному государству вообще должны были стать в порядок дня международного рабочего движения. На этих вопросах можно проследить размежевку сил во II Интернационале, подготовившую его крах в империалистическую войну.

На Штутгартском конгрессе 1907 г. немецкая делегация с Бебелем во главе занимает по колониальному вопросу оппортунистическую позицию, означавшую поддержку колониального грабежа. Ленин уже тогда, в 1907 г., характеризует оппортунизм в этом вопросе как подчинение пролетариата буржуазному шовинизму и пророчески вскрывает «одну отрицательную черту европейского рабочего движения, способную принести немало вреда делу пролетариата»...

[1] Ленин, т. XII, стр. 363.
[2] Ленин, т. XVI, стр. 550 — 552.

Что имел в виду Ленин под этой «отрицательной» чертой современного рабочего движения? Он пишет:

«...Широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетарий отчасти попадает в такое положение, что не его трудом содержится все общество, а трудом почти порабощенных колониальных туземцев. Английская буржуазия например извлекает больше доходов с десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материальная, экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом»[1].

И тут на сцену выступает центр II Интернационала, окончательно перешедший на сторону реформизма и подготовивший его победу в тот момент, когда началась империалистическая война.

«Центр» — люди рутины, — пишет Ленин, — изъеденные гнилой легальностью, испорченные обстановкой парламентаризма и пр., чиновники привыкшие к теплым местечкам и к «спокойной» работе. Исторически и экономически говоря, они не представляют особого слоя, они представляют только переход от изжитой полосы рабочего движения, от полосы 1871—1914 гг., от полосы, давшей много ценного, особенно в необходимом для пролетариата искусстве медленной, выдержанной, систематической, организационной работы в широком и широчайшем размере, — к полосе новой, ставшей объективно необходимою со времени первой всемирной империалистической войны, открывшей эру социальной революции»[2].

Говоря о борьбе Ленина (большевиков) против реформизма и против центра, надо иметь в виду и его борьбу с оппортунизмом «слева». В 1908 г., выступая в Международном социалистическом бюро по вопросу о принятии английской рабочей партии, Ленин боролся и против Каутского и против «левизны» болгарского «тесняка» Аврамова. Каутский стоял за допущение английской рабочей партии как ведущей политику, независимую от буржуазии, и стоящей на почве классовой борьбы. Ленин заявил, что рабочая партия не является независимой от либералов, не ведет самостоятельной классовой политики, но представляет собой первый шаг к сознательной классовой политике и социалистической партии. Мысль Каутского означала, что оппортунистическая тактика рабочей партии признается последовательной клас-

[1] Ленин, т. XII, стр. 79—80.
[2] Ленин, т. XX, стр. 126.

совой тактикой. Из формулировки Каутского выходит так, «будто Интернационал ручается за то, что рабочая партия на деле ведет последовательную классовую борьбу, будто достаточно организации рабочих отделиться в парламенте в отдельную рабочую группу, для того чтобы стать во всем своем поведении независимой от буржуазии!»[1].

Но неправильную позицию занял и болгарский левый — «тесняк» Аврамов (а с ним вождь английской социал-демократии Гаиндман, французская социалистка Руссель и русский эсер Рубанович). Аврамов заявил, что допущение рабочей английской партии означает поощрение оппортунизма.

«Интернационал, — пишет Ленин, — поступил бы безусловно неправильно, если бы не выразил прямо и решительно своего полнейшего сочувствия этому громадному шагу вперед массового рабочего движения в Англии, своего поощрения начавшемуся в колыбели капитализма великому повороту»[2].

Все довоенные выступления большевиков на международной арене, все статьи Ленина об английском рабочем движении, о немецком рабочем движении (особенно «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении») свидетельствовали, что вопросы размежевки с оппортунизмом в международном масштабе были во весь рост поставлены ими задолго до войны. Но этого мало сказать. С явными оппортунистами например размежевались и итальянцы, выгнав таких социал-патриотов, как Биссолати, размежевались и болгарские «тесняки», расколовшиеся с «широкими». Раскол итальянской партии в 1912 г., как указывает Ленин, сослужил огромную службу итальянской социалистической партии, обеспечив ей положение одной из немногих партий, участвовавших в основании циммервальдского движения. Но одного раскола с открытыми реформистами недостаточно. Нужно было отмести и центристов, поставить всю свою организационную и тактическую деятельность на прочную почву революционного марксизма, развитого в условиях империализма и очищенного от ревизионизма и каутскианства. Только это сочетание революционной практики с революционной теорией и могло обеспечить возможность совершить переход к «эре социальной революции». Этого мы не видим ни в итальянской, ни в болгарской партии. Только большевики сумели стать такой партией. Единство теории и практики мы видим у большевиков в их постановке главнейших

[1] Ленин, т. XII, стр. 348.
[2] Там же, стр. 349.

вопросов международного рабочего движения. Это единство являлось продолжением той линии, какую большевики вели в своей борьбе с отечественными оппортунистами. Ведя борьбу с оппортунизмом — явным и прикрытым — в России, Ленин и большевики рассматривали эту борьбу как выражение борьбы двух тенденций в мировом рабочем движении.

Наряду с этим большевики и Ленин отмечали и то специфическое, что разделяет положение и условия реформизма на Западе и в России.

Не менее важным является обсуждение вопроса о милитаризме. Известна та поправка, какую внесли Ленин и Роза Люксембург в резолюцию Бебеля, поправка, которая ставила перед социал-демократией задачу использовать войну для революционного свержения буржуазии. Но мало известен факт, стоявший в прямой связи с обсуждением этой поправки. Когда Ленин внес от имени русской и польской социал-демократических делегаций свою поправку, то она содержала в первоначальном виде прямой и более категорический призыв к революционной борьбе и революционным действиям. Но эта формулировка натолкнулась на противодействие Бебеля. Он уже давно имел основания в российской социал-демократии видеть сторонников «насильственной революции» и давно против этого возражал, боясь сойти с легальной почвы борьбы в Германии[1].

«Я хорошо помню, — писал Ленин, — что окончательному редактированию этой поправки предшествовали продолжительные непосредственные переговоры наши с Бебелем. Первая редакция говорила гораздо прямее о революционной агитации и революционных действиях. Мы показали ее Бебелю; он отвечал: «не принимаю, ибо прокурорская власть распустит тогда наши партийные организации, а мы на это не идем, пока еще нет ничего серьезного». После совещания с юристами по специальности и многократной переделки текста, чтобы выразить ту же мысль легально, была найдена окончательная формула, на принятие которой Бебель дал согласие».

Тогда же на Штутгартском конгрессе обнаружилось, что германская социал-демократия перестала играть руководя-

[1] См. письмо Парвуса Ауэрсельроду от 13 марта 1904 г. «Я получил от Бебеля письмо, полное жалоб. Открытая пропаганда насильственной революции со стороны русской социал-демократии (это относится, главным образом, к статьи «Искры». — *И. Н.*) разумеется нарушает всю парламентскую тактику немцев. Тут конечно ничего не поделаешь» («Социал-демократическое движение в России», стр. 116).

щую роль в Интернационале, занимая «неустойчивую или оппортунистическую позицию».

Копенгагенский конгресс 1910 г. «подтверждает то явление, которое вполне (подчеркнуто нами. — *И. Н.*) обрисовалось уже на Штутгартском международном съезде»[1].

Эта ссылка Ленина на Штутгартский конгресс имеет большое принципиальное значение. Штутгартский конгресс — первый конгресс после революции 1905 г., и на нем «вполне» обнаруживается сдача официальным руководством германской социал-демократии своих позиций реформистам. Ленин резюмирует положение с руководством германской социал-демократии — ведущей партии во II Интернационале — в следующих словах:

«В общем немцы неспособны вести выдержанной принципиальной линии на международных съездах, и гегемония в Интернационале подчас ускользает из их рук. Бессилие Вурма (т. е. официального руководства германской социал-демократии. — *И. Н.*). перед Эльмом (реформистом. — *И. Н.*) только лишний раз иллюстрировало тот кризис в германской социал-демократии, который состоит в нарастании неизбежной решительной разверстки с оппортунистами»[2].

Эта «разверстка» вытекала из всей обстановки и тем острее ставилась в порядок дня, чем все более и более накалялась эта обстановка. В этот же самый период, когда Ленин констатирует бессилие центра перед реформизмом, он пишет:

«Теперь близится время, когда эта полувековая полоса германской истории (полоса, создавшая огромную пролетарскую организацию, воспитавшая и сплотившая широкие массы пролетариата. — *И. Н.*) должна в силу объективных причин смениться иной полосой. Эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности!»

Ленин гениально предвидел крутой перелом, предвидел, что буржуазия сама покинет почву законности, мирную почву, чтобы встать на путь войны для разрешения раздиравших капиталистический мир, противоречий, для наступления на поднимающийся пролетариат Запада, пробуждающиеся народы Востока и на российскую революцию. Этот крутой перелом, подготовляемый объективными причинами, партии пролетариата должны были встретить во всеоружии. Этот крутой перелом, решительная смена разных полос исторического развития приближали час генерального межевания между реформизмом и революционной социал-демократией.

«Не надо забывать, — пишет Ленин, — кроме того, что в России реформизм проявляется еще в особой форме, именно в виде отождествления коренных условий политической обстановки современной России и современной Европы. В Европе реформизм означает на деле отказ от марксизма и подмену его буржуазной «социальной политикой». У нас реформизм ликвидаторов означает не только это, а кроме того еще разрушение марксистской организации и отказ от демократических задач рабочего класса...»[1]. Говоря это, Ленин имеет в виду и «левых» в России. Так, приводя тезис из резолюции отзовистов о сильно развитых классовых противоречиях в России, Ленин пишет, что «классовые противоречия в России менее сильно развиты, чем в Европе, не знающей задачи борьбы с самодержавием. Отзовисты не замечают, как, желая углубить свои взгляды, они сближаются со своим антиподом—оппортунизстами»[2].

Мы видим, что большевизм борется с оппортунизмом и в России и во II Интернационале и что международные задачи борьбы марксизма с ревизионизмом неразрывно связаны с борьбой с оппортунизмом справа и «слева» в России, в стране, в которой завязался узел мировых противоречий. и был пролетариат, который сумел указать пролетариату всего мира путь развязки этих противоречий. Большевизм борется с реформизмом и центризмом с самого начала своего существования. И чем больше силы реформизма и центризма получали преобладание во II Интернационале, тем шире становился фронт борьбы с ними большевиков, тем все больше и больше шло противопоставление большевиков II Интернационалу и борьба внутри него.

Следовательно и на этом этапе в истории империализма и мирового рабочего движения, который охватывает период от революции 1905 г. и до войны 1914 г., когда поднимается

---

[1] Ленин, т, XIV, стр. 362.
[2] Там же.

[1] Ленин, т. XVI, стр. 612. Здесь эзоповским языком сказано, что ликвидаторы хотели разрушить нелегальную партию и отказывались от борьбы за буржуазно-демократическую революцию.
[2] Ленин, т. XIV, стр. 53.

Азия, разбуженная русской революцией, надвигаются решающие бои пролетариата за власть в передовых капиталистических странах, обостряются все противоречия империализма, большевики дают образец международной тактики, противопоставляя себя II Интернационалу, и ведут борьбу с ним. Большевики вскрывают скат центра на позиции открытого реформизма, сигнализируют о переходе гегемонии в руки фон-Эльмов и на международных конгрессах выявляют левых в отдельных партиях, толкая их на полный разрыв с центром (Копенгагенское совещание левых). Центристы во II Интернационале (Каутский), как и в России (Троцкий), поддерживают и прикрывают тактику международного реформизма, соединившись с ним для борьбы с большевиками.

Левые с Р. Люксембург, половинчато борясь с реформизмом и центром, неся на себе груз полуменьшевистских и центристских ошибок, идут против большевиков, вместе со II Интернационалом, создавшим против большевизма единый фронт правых, левых и центра.

«Боязнь раскола» делала Розу Люксембург (левых) пленниками центризма во II Интернационале, «боязнь раскола» делала их авангардом в борьбе II Интернационала против большевиков.

Когда троцкистский контрабандист Слуцкий заявляет, что большевики не поддержали левых в германской социал-демократии в их борьбе с центризмом и оппортунизмом, в этом ничего, кроме самой гнусной клеветы и подтасовки фактов, не содержится. Слуцкий утверждает, что большевики, в своем отношении к левым в германской социал-демократии якобы исходили из узких интересов своей фракции. Это и есть наглейшая клевета на большевизм, ибо интересы большевиков были на деле не узко-фракционными интересами, а интересами международной революции.

«Да, — пишет в своем письме в «Пролетарской революции» Сталин,—русские большевики выдвигали на первый план коренные вопросы русской революции, вроде вопросов о партии, об отношении марксистов к буржуазно-демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, о парламентской и внепарламентской борьбе, об общей забастовке, о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, о диктатуре пролетариата, об империализме, о самоопределении наций, об освободительном движении угнетенных наций и колоний, о политике поддержки этого движения и т. п. Они выдвигали эти вопросы как

пробный камень, на котором они проверили революционную выдержанность левых социал-демократов на Западе... Они (т. е. большевики. — *И. Н.*) обязаны были поступать таким образом, так как все эти вопросы были вместе с тем коренными вопросами мировой революции».

Зато мы знаем, что Плеханов действительно помалкивал из соображений своей фракции, из соображений «российской ограниченности». Известно, как ездил Ленин на заседания Международного социалистического бюро, как при нем устроили судилище над Розой Люксембург за ее выступление против центристов, как Ленин выступал там против травли Розы и как он обратился к Плеханову, который в это время вел борьбу с ликвидаторами и по ряду вопросов вел эту борьбу совместно с большевиками,—чтобы тот вмешался в эту позорную сцену. Плеханов тогда ответил: «Что мы можем сделать? Выше лба уши не растут. Вот когда у нас будут миллионы рабочих в партии, как у немцев, тогда другое дело, тогда и мы вмешаемся, а пока мы здесь только «бедные родственники». Этот филистерский ответ вызвал бурное негодование Ленина.

Большевики не могли поддержать до конца левых, несмотря на то, что левые критиковали ревизионистов, боролись с центризмом, потому что в самой позиции левых, в самой их борьбе с центризмом и ревизионизмом было не мало полуменьшевистских и центристских ошибок. Они оказались неспособными довести эту борьбу до решительного конца, до полного разрыва со своим оппортунизмом. Большевики толкали левых на раскол, но, как пишет т. Сталин, «нельзя же требовать, чтобы Ленин, чтобы большевики устроили из России за левых раскол в западных партиях».

Ленин писал впоследствии: «...разве мы не знаем, что величайшее несчастье рабочего движения в Германии в том, что им не был произведен разрыв (с оппортунистами. — *И. Н.*) еще до войны?» (подчеркнуто нами.—*И. Н.*)[1]. А единственной группой, которая могла бы произвести раскол в германской социал-демократии были левые во главе с Р. Люксембург. Большевики поддерживали их в борьбе с оппортунистами, но вместе с тем большевики не могли поддерживать левых в Германии, то и дело колебавшихся между большевизмом и меньшевизмом, без серьезных оговорок, без серьезной критики их ошибок, не изменяя рабочему классу и его революции» (Сталин).

---

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 437.

IX. ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВО И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЛАН ЕДИНОГО ФРОНТА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

«В период перед войной в партиях II Интернационала выступил на сцену как один из актуальнейших вопросов вопрос национально-колониальный... Какую позицию заняли тогда левые социал-демократы на Западе? Они развили полуменьшевистскую теорию империализма, отвергли принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отвели тезис о серьезном революционном значении освободительного движения колоний и угнетенных стран, отвели тезис о возможности единого фронта между пролетарской революцией и национально-освободительным движением... Эту полуменьшевистскую кашу подхватил потом Троцкий и использовал ее как орудие борьбы против ленинизма».

(Из письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».)

Суть всех ошибок Р. Люксембург заключается в том, что она извратила марксову теорию пролетарской революции. Прежде всего в этих вопросах, в вопросах теории пролетарской революции и обнаружились ошибки метода Р. Люксембург. Для Р. Люксембург характерно механистическое применение марксовой диалектики, неумение связать абстрактное и конкретное. Ленин пишет о ней, что она применила «марксову диалектику лишь наполовину, сделав один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него»[1] (подчеркнуто нами.—*И. Н.*). Все ее попытки выбиться за пределы круга «каутскианского марксизма» II Интернационала, попытки, подчас блестящие, основанные на революционном стремлении, не дали положительного результата. Ее попытки продолжить разработку марксовой теории пролетарской революции не были и не могли стать марксизмом эпохи империализма и социалистических революций. Обязательным условием такого продолжения являлось полное, всестороннее, всепроникающее развитие учения Маркса и Энгельса, очищенного от фальсификации Каутских.

«Необходимо было проверить весь арсенал II Интернационала, выкинуть все заржавленное и ветхое, выковать новые роды оружия. Без такой предварительной (подчеркнуто нами. — *И. Н.*) работы нечего и отправляться на войну с капитализмом»[1].

Эту предварительную работу проделал Ленин. Дело «генеральной проверки и генеральной чистки авгиевых конюшен II Интернационала» смог выполнить только ленинизм, но не люксембургианство.

Ошибки Р. Люксембург начались с национального вопроса. Они ведут свое происхождение с 1896 г., когда Роза выступила со статьями против лозунга независимости Польши в социал-демократической программе. Исходила она при этом из построений, развитых ею затем в книге «Промышленное развитие Польши». Она рассуждала так: экономика Польши органически связана с экономикой России, отделение—приостановит экономическое развитие Польши; в буржуазных условиях отделение неосуществимо; польская буржуазия является верной помощницей монархий русской, германской и австрийской, и поэтому борьба пролетариата за независимость должна превратиться в борьбу сразу против этих монархий; целесообразнее поэтому сосредоточить все усилия непосредственно на борьбе за социалистический переворот; лозунг независимости в данных условиях только играет наруку национализму в Польше[2].

Воюя с националистской идеологией ППС, польские социал-демократы не заняли правильной марксистской позиции и объективно защищали великодержавные позиции. Отрицая право наций на самоопределение вплоть до отделения в программе социал-демократов, думая, что этот лозунг неосуществим при капитализме, Р. Люксембург считала большевистское понимание национального вопроса уступкой

[1] Ленин, т. XIX, стр. 187.

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 14.

[2] Ленин, объясняя, почему и польские и голландские революционные социал-демократы, принадлежавшие «к лучшим революционным и интернационалистским элементам международной социал-демократии, тем не менее стоят на позициях «империалистического экономизма», пишет:

«Обе страны: 1) маленькие и беспомощные в современной «системе» великих держав; 2) обе географически расположены между наиболее остро соперничающими империалистскими хищниками гигантской силы (Англия и Германия; Германия и Россия); 3) в обеих страшно сильны воспоминания и традиции тех времен, когда обе были сами великодержавными». Голландия была более сильной, чем Англия, колониальной великой державой; Польша была более культурной и более сильной великой державой чем Россия и Пруссия; 4) о е сохранили до сих пор привилегии, состоящие в угнетении чужих народов: голландский буржуа владеет богатейшей голландской Индией; польский помещик угнетает «украинского и белорусского холопа», польский буржуа—еврея и т. п. (Ленин, т. XIX, стр. 253).

«буржуазно-националистической идеологии». Роза Люксембург не понимала, что перерастание рамок национальных государств капиталом означает расширение и обострение национального гнета на новой исторической основе и что отсюда вытекает необходимость революционной программы в национальном вопросе для революционной борьбы за социализм.

Партия пролетариата должна поддерживать требование самоопределения наций вплоть до отделения. Право наций на самоопределение как программный лозунг уничтожает недоверие трудящихся угнетенных наций к трудящимся угнетающих наций, объединяет пролетариев разных наций, создает условия для руководства пролетариатом крестьянскими массами угнетенных национальностей.

Большевики боролись уже на II съезде против бундовской национально-культурной автономии, как реакционной попытки разъединить пролетариат разных наций, объединить пролетариат каждой нации со своей национальной буржуазией. Одновременно большевики со всей резкостью выступили и против «левого» отрицания национальной программы у Р. Люксембург и польской социал-демократии как позиции, явно играющей наруку великорусскому шовинизму [1].

Р. Люксембург и польские социал-демократы считали, что лозунг «право наций на самоопределение» невозможен при капитализме. Капитализм уничтожает все грани между нациями и создает единство пролетариев всех наций. Поэтому самоопределение наций служит, де, только мелкобуржуазным тенденциям. Империализм усиливает угнетение слабых наций, их освободить может только уничтожение империализма, т. е. пролетарская революция, уничтожающая вообще всякие пограничные столбы. Делу социалистической революции может способствовать, по мнению польской социал-демократии, только колониальное движение; все прочие виды национально-освободительного движения означали бы борьбу буржуазии за новые пограничные столбы и служили бы помехой международному сплочению пролетариата.

Эти соображения и лежали в основе борьбы Р. Люксембург и польской социал-демократии против лозунга «право наций на самоопределение вплоть до отделения».

Национальный вопрос—не случайное разногласие с Розой Люксембург. Отличительной чертой в постановке национального вопроса Лениным и Сталиным является то, что этот вопрос ставится как неразрывная составная часть общей проблемы пролетарской революции. Внутреннюю основу национального вопроса составляет аграрно-крестьянский вопрос, хотя им не исчерпывается вся национальная проблема. В крестьянском же вопросе Р. Люксембург стояла на тех же позициях, на каких стояли все представители марксизма II Интернационала. Она считала, что крестьянство, в частности в Польше, элемент консервативный, что крестьянство не может быть союзником пролетариата, что оно после победы пролетариата составит вместе с дворянством и буржуазией «единый реакционный фронт».

Непонимание роли крестьянства, сказавшееся еще при обсуждении национального вопроса в 90-х годах, привело к уходу польских социал-демократов со II съезда РСДРП из-за несогласия с пунктом программы партии о признании права наций на самоопределение. В 1905 г. оно еще резче сказалось в оценке Розой Люксембург характера и движущих сил революции.

Непонимание крестьянского и национального вопросов Розой Люксембург означало, что Роза Люксембург не могла стать на правильную точку зрения в вопросе о резервах пролетарской революции, о ее союзниках. Особенно сильно непонимание Розой Люксембург национального вопроса сказалось накануне и во время войны.

«Требование самоопределения наций играло, вопреки неверному утверждению польских социал-демократов, не меньшую роль в нашей партийной агитации, чем например вооружение народа, отделение церкви от государства, выбор чиновников народом и другие так называемые обывателями «утопические» пункты. Наоборот, оживление национальных движений после 1905 г. вызвало естественно оживление и нашей агитации: ряд статей в 1912—1913 гг. [1], резолюции нашей партии 1913 г., давшие точное и «антикаутскианское» (т. е. непримиримое по отношению к чисто словесному «признанию») определение сути дела.

Уже тогда обнаружился факт, обходить который непозволительно: оппортунисты разных наций: украинец Юркевич, бундовец Либман, российский прислужник Потресова и К° — Семковский выступили за доводы Розы Люксембург против самоопределения! То, что у польской социал-демократии было только неправильным теоретическим обоб-

[1] Ленин, т. XVII, стр. 428.

[1] В этот период написан ряд статей по национальному вопросу Лениным (см. Соч., т. XVI, XVII) и Сталиным («Просвещение» № 3, 4 и 5 за 1913 г.) — *И. Н.*

щением особых условий движения в Польше, то оказалось сразу на деле, в более широкой обстановке, в условиях не маленького государства, а большого, в масштабе интернациональном, а не узко польском, оказалось объективно оппортунистической поддержкой великорусского империализма. История течений политической мысли (в отличие от взглядов лиц) подтвердила правильность программы. И теперь[1] откровенные социал-империалисты, вроде Ленча, прямо восстают и против самоопределения и против отрицания аннексий. А каутскианцы лицемерно признают самоопределение — у нас в России по этому пути идут Троцкий и Мартов»[2].

Левые во II Интернационале понимали социалистическую революцию как «чистую» революцию одного пролетариата.

Ленин, делая выписки из статьи Р. Люксембург, излагает ее мысль: «Большинство народа? Но это—смерть для социал-демократов, как классовой партии пролетариата», — и замечает иронически,—«вумно!»[3]. А Ленин говорил о социалистической революции как об эпохе, соединяющей гражданскую войну пролетариата против буржуазии с революционно-демократическими движениями, в частности национально-революционными движениями в колониях, странах отсталых и угнетенных.

Ибо «думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии, со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, думать так, значит отрекаться от социальной революции».

И дальше:

«Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется, тот революционер на словах, не понимающий действительной революции»[4].

Эту ошибку левых разделили с ними в рядах нашей партии Бухарин и Пятаков, защищая ее во время войны, на апрельской конференции 1917 г. (вместе с польскими социал-демократами) и особенно в период борьбы «левых» коммунистов в 1918 г. против Брестского мира. В этот период даже аргументация у «левых» коммунистов и у Р. Люксембург буквально совпадала.

[1] Т. е. в 1916 г. — *И. Н.*
[2] Ленин, т. XIX, стр. 271.
[3] «Ленинский сборник» XVII, стр. 279.
[4] Ленин, т. XIX, стр. 269.

Общность точек зрения у левых во II Интернационале— у Розы, и у «левых», — в нашей партии — Бухарина и др.— на вопросы «чистой» социалистической революции, самоопределения наций, аннексий и т. д., привела к тому, что Бухарин противопоставлял точке зрения Ленина особый «большевизм в западноевропейском масштабе». Ленин писал об этом «большевизме»:

«Могу лишь сказать, что прокламируемый автором «большевизм в западноевропейском масштабе», по моему глубокому убеждению, не большевизм и не марксизм, а маленький вариант того же старенького «экономизма»[1]. Этот «большевизм в западноевропейском масштабе», пропагандируемый Бухариным, Пятаковым, Розой Люксембург, Радеком, Паннекуком и Гортером, усиливал позиции каутскианства, приближал левых к каутскианству[2].

Ошибки Р. Люксембург в национальном и крестьянском вопросах неразрывно связаны с ее неправильным пониманием крушения империализма. Ее понимание империализма, его противоречий основывалось на прямой ревизии Маркса и вело к отрицанию роли национальных войн, непониманию социальной природы оппортунизма, непониманию неравномерности капиталистического развития при империализме и победы социализма в одной стране.

Эти ошибки нашли свое теоретическое выражение в работе Р. Люксембург «Накопление капитала». В этой работе Р. Люксембург пыталась противопоставить ревизионистскому врастанию в «буржуазное свинство» свое понимание краха капитализма. Это понимание чисто автоматическое, фаталистическое.

Р. Люксембург вступила на путь ревизии учения Маркса о неизбежности гибели капитализма от внутренних противоречий, несмотря на возможность реализации прибавочной стоимости и расширенного воспроизводства.

По мнению Розы Люксембург, объективная невозможность реализовать общественный продукт толкает передовые капиталистические страны на борьбу за овладение отсталыми аграрными странами. Капитал, вторгаясь в некапиталистическую среду, ставит на место натурального хозяй-

[1] Ленин, Новые статьи и письма, стр. 82, 1930 г.
[2] Троцкист Альтер писал в № 7—8 «Под знаменем марксизма» за 1928 г., что «мы рассматриваем люксембургианство как своеобразную форму западноевропейского большевизма».

ства простое товарное для реализации произведенной прибавочной стоимости, а для капитализации последней — на место простого товарного хозяйства ставит капиталистическое хозяйство.

И так до тех пор, пока дальнейшему расширению капитализма поставлена объективная граница. «Чем энергичнее и основательнее заботится империализм о гибели некапиталистических культур, тем быстрее вырывает он почву из-под процесса накопления капитала. Империализм является историческим методом для продления существования капитализма, но он в то же время служит вернейшим средством, чтобы вести капитал по кратчайшему пути и положить его существованию объективный предел»[1].

Эта насквозь механистическая точка зрения совершенно игнорирует диалектический процесс, скачкообразное развитие одних стран в отношении других, появление молодых, но небывало развитых в техническом отношении капиталистических стран, их конкурентную борьбу со старыми капиталистическими державами, оттеснение одних стран другими, более сильными, более могучими, с тех или иных рынков, периодические переделы рынков и занятых территорий в результате империалистических войн и захватов, прорыв слабого звена в цепи мирового империализма и т. д. Ленинскому объяснению причин империалистических войн Роза Люксембург противопоставляет свое,—только как результату обострения агрессивных выступлений за приобретение некапиталистических областей.

И чрезвычайно характерно, что Люксембург, воюя с неправильных позиций против буржуазных апологетов — Струве, Булгакова и особенно Туган-Барановского, не отделила от них Ленина. Роза Люксембург не поняла борьбы Ленина на два фронта и против народников — отечественных сисмондистов, В. В., Н. — она, Эфруси, признававших капитализм регрессом, не видевших внутреннего рынка в России, — и против буржуазных апологетов типа Струве, Булгакова и Тугана, доказывавших безграничную жизнеспособность капитализма.

«Теория Маркса,—писал Ленин еще в 1899 г.,—не только не восстановляет буржуазно-апологетической теории (как это причудилось Струве), а напротив, дает сильнейшее оружие против апологетики. Из этой теории следует, что даже при идеально гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного

[1] Люксембург, Накопление капитала, стр. 466.

капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными пределами потребления»[1].

Затушевав это противоречие, указав на внешний рынок как на выход из затруднений в реализации прибавочного продукта, Р. Люксембург сблизилась с Сисмонди и отечественными нашими сисмондистами, с которыми воевал Ленин и марксисты 90-х годов. Следует отметить, что В. В., против которого ополчился Ленин в 90-х годах, выпускает в 1913 г. работу по теоретической экономии (в 1913 г. уже почти никем не замеченную—так было подорвано уже в 90-х годах влияние народников), в которой несомненно опирается в своих неизменившихся посылках на Розу Люксембург, работа которой вышла за год по того[2].

Роза писала свою работу для того, чтобы поставить проблему социалистической революции. Но именно потому, что она неверно решала вопрос о сути империализма, она не могла правильно разрешить и вопроса о социалистической революции.

Что такое империализм в представлении Розы Люксембург?

«Империализм является политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которые никто еще не наложил своей руки»[3].

«Современный империализм является не первым шагом к экспансии капитала, как в схеме Бауэра, а лишь заключительной частью исторического процесса его экспансии: он представляет собой период всеобщей обостренной мировой конкуренции капиталистических государств за последние остатки некапиталистической среды на земле»[4].

Это определение идет в основном от Каутского. У Каутского — империализм не «фаза», не высший этап капитализма; точно так же, как и Роза, он не говорит об империализме как особой ступени в развитии капитализма[5]. Для Каутского империализм—политика передовых промышлен-

[1] Ленин, т. II, стр. 415—416.

[2] Есть известная методологическая общность в постановке проблемы накопления у Люксембург с троцкистской постановкой Е. Преображенского о накоплении в социалистическом хозяйстве за счет крестьянства-колонии.

[3] Р. Люксембург, «Накопление капитала», стр. 462, изд. 3-е.

[4] Там же, стр. 663.

[5] Каутский писал: «Империализм есть продукт высоко развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении всякой промышленной капиталистической нации подчинять и присоединять себе все больше и больше аграрных областей без отношения к тому, какой нацией населены они (Цитировано по Ленину, т. XIX, стр. 303).

ных стран, стремящихся подчинить себе страны аграрные. Приведенные выше цитаты из «Накопления капитала» со всей наглядностью говорят о совпадении взглядов Розы Люксембург и Каутского. Против этого определения империализма воевал Ленин, говоря, что оно «служит основой целой системы взглядов, разрывающих по всей линии и с марксистской теорией и с марксистской практикой...»[1].

В противовес этому Ленин определяет империализм как капитализм той стадии развития, «когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами».

Теория империализма Розы закрыла ей путь к правильному пониманию оппортунизма, переросшего в социал-шовинизм, ибо она не видела, как империализм, пользуясь монопольно-высокой прибылью и т. п., имеет возможность подкупать верхний слой пролетариата.

Представление об историческом крахе капитализма неразрывно связано у Р. Люксембург с ее полуменьшевистским пониманием роли стихийности, с отрицанием большевистского учения о партии нового типа в эпоху империализма.

Ошибочная теория империализма Розы стоит в коренном противоречии с законом неравномерности капиталистического развития при империализме.

Во время войны ошибки Розы Люксембург в вопросе о крушении империализма в социалистической революции вылились также в форме тезиса о невозможности национальных войн в эпоху империализма. Не может быть национальных войн, якобы, потому, что мир поделен уже между немногими империалистическими государствами и всякая национальная война превратится в войну империалистскую. Ленин критикует Розу Люксембург и пишет, что было бы «отступлением от марксистского требования быть конкретным, перенесение оценки данной войны на все возможные при империализме войны, забвение национальных движений против империализма»[2]. Не только национальные войны могут превратиться в империалистские, но может быть и наоборот.

«Не только вероятны, но неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний. В колониях и полуколониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1000 миллионов человек, т. е. больше половины населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и назревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний неизбежно будут национальные войны с их стороны против империализма»[1].

Политически этот тезис о невозможности национальных войн крайне опасен, ибо из него может быть выведен пацифистский лозунг «разоружения» в противовес единственно марксистскому и революционному отношению к войне: превращение империалистской войны в войну гражданскую, в войну, в которой пролетариат, трудящиеся повернут оружие против эксплоататорских классов.

Из тезиса о невозможности национальных войн можно вывести заключение, что никаких войн, кроме реакционных, быть не может. Но, во-первых, могут быть войны гражданские, во-вторых, могут быть войны национально-освободительные.

«Национальные войны,—пишет Ленин,—против империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и прогрессивны, революционны...»

Ленин указывает обстоятельства, при которых эти национально-революционные войны могут иметь успех: либо союз нескольких огромных стран, например, Китая и Индии, либо благоприятное сочетание условий, например, обессиление войной империалистских держав, поэтому не могущих подавить восстания колоний, или «одновременное восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем деречне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата)»[2].

Эти гениальные строки Ленина, в частности подчеркнутые нами, показывают, как не понимала Роза Люксембург план «окружения империализма», проявляя «нелепое и реакционное равнодушие к национальным движениям».

«Такое равнодушие становится шовинизмом,—пишет Ленин,—когда члены европейских «великих» наций, т. е. наций, угнетающих массу мелких и колониальных народов, заявляют с якобы ученым видом: «национальных войн более быть не может!»[3].

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 145.
[2] Там же, стр. 181.

[1] Ленин, т. XIX, стр. 182.
[2] Там же, стр. 184 (подчеркнуто нами. — *И. Н.*).
[3] Там же.

Что же предлагает Роза «противопоставить» империалистской войне? Она предлагает сумму требований, составляющих ее национальную программу. Она предлагает вернуться к лозунгу 1848 г. — единая великая германская республика!

Лозунг великогерманской республики вместо лозунга социалистической революции, предложение начать осуществление революционной программы с конца, приемлемого для мелкой буржуазии, представлялось Ленину такой ошибкой Розы Люксембург, которая говорит, что она не освободилась от многих каутскианских представлений и что она воскрешает нечто вроде меньшевистской теории «стадий», господство стихийности.

Противопоставление войне национальной программы, по мнению Ленина, дает возможность реформистам и центристам всех мастей ухватиться за слова Розы, чтобы «замести следы, набросать песку рабочим...»

«Империалистской войне он (Юниус — Роза Люксембург. — *И. Н.*) предлагает «противопоставить» национальную программу. Передовому классу он предлагает повернуться лицом к прошлому, а не к будущему!»[1].

Предупреждение Ленина, что за ошибки Розы ухватятся центристы, сразу получает свое подтверждение, если сопоставить ее «национальную программу», лозунг «великогерманской республики» с лозунгом Срединной Германии Каутского и с лозунгом Соединенных штатов Европы Троцкого.

Каутский из своей теории ультраимпериализма выводит лозунг Соединенных штатов Средней Европы, т. е. такой союз государств, который находился бы под гегемонией какой-либо крупнейшей империалистической державы.

«Современная фаза империализма не должна быть,—пишет Каутский,—последней формой капитализма...

Так меркантилизм привел к свободной торговле, а эта последняя — к империализму. Не исключена возможность, что за ним последует новая эра капитализма при таких условиях, которые сделают возможными проникновение и продолжительное плодотворное функционирование такого союза государств, как среднеевропейский, на основе добровольного вступления в его члены».

И Каутский дальше «пророчески» продолжает свою мысль о будущем услужении Лиге наций: «Еще в капиталистическом периоде может наступить время, когда мы будем защищать эту идею»[2].

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 187.

[2] Каутский, Соединенные штаты Средней Европы, 1916 г.

Идея Соединенных штатов Европы поддерживалась и Бухариным, протянувшись цепочкой к защите им в наше время теории «организованного капитализма». И тогда, когда Бухарин в качестве «левого» выступил за лозунг Соединенных штатов и в наших условиях, когда Бухарин в качестве вождя правых выступал с пропагандой «организованного капитализма», — в основе лежит одна и таже каутскианская теория ультраимпериализма, к которой скатывался Бухарин.

Лозунг Соединенных штатов Европы является одной из центральных идей и Троцкого.

Троцкий из этого лозунга сделал знамя для своей каутскианской позиции во время войны и под этим знаменем повел борьбу против большевизма во время войны, продолжая ее и после Октябрьской революции, развернув буржуазную теорию невозможности построения социализма в одной стране.

В нашей литературе, к сожалению, не уделено внимания вопросу о борьбе Троцкого против ленинской теории национального вопроса. Троцкий либо прямо игнорирует, как великодержавник, национальный вопрос там, где обязательно он должен быть поставлен, либо поддерживает бундовцев и меньшевиков в их ревизии программы партии. Так например Августовской конференцией 1912 г., организованной Троцким, был принят пункт о том, что бундовская национально-культурная автономия не противоречит программе партии, принятой в 1903 г. на II съезде, который отверг это предложение бундовцев.

Ленин пишет:

«А каутскианцы лицемерно признают самоопределение— у нас в России по этому пути идут Троцкий и Мартов. На словах оба за самоопределение, как и Каутский. А на деле?

У Троцкого—возьмите его статьи «Нация и хозяйство» в «Нашем слове»—виден обычный его эклектицизм, с одной стороны, хозяйство сливает нации, с другой стороны, национальный гнет разъединяет. Вывод? Вывод тот, что царящее лицемерие остается неразоблаченным, агитация безжизненной, не затрагивающей главного, коренного, существенного, близкого к практике: отношения к нации, угнетаемой «моей» нацией»[1].

Для Троцкого вопрос о национальном самоопределении целиком и полностью зависел от экономического и политического объединения Европы.

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 271—272.

В «Программе мира», которую Троцкий имел и имеет наглость считать «совпадающей» с ленинскими «Письмами издалека», он пишет:

«Предпосылкой самоопределения больших и малых наций Европы является государственное объединение самой Европы. Только под кровлей демократически объединенной Европы, освобожденной от государственно таможенных перегородок, возможно национально-культурное существование и развитие, освобожденное от национально-экономических антагонизмов, на основе действительного самоопределения».

Отсюда — лозунг демократических Соединенных штатов Европы. Соединенные штаты капиталистической Европы, уничтожение монархий, таможенных перегородок, тайной дипломатии и постоянных армий—составили ту «национальную» программу Троцкого, которая была противопоставлена большевизму.

Так выглядит сей «интернационализм»! Самоопределение наций придет только тогда, когда будут осуществлены демократические Соединенные штаты, т. е. империалистическое государство под «демократическим» флагом. Брианов-ская Пан-Европа или Лига наций, в которой заседают «демократы» Вандервельде, Поль Бонкур, Артур Гендерсон, уничтожают таможенные перегородки и устраивают самоопределение «малым нациям» Европы! О положении во внеевропейских зависимых странах, угнетаемых империалистами вообще, даже ни слова. Недаром Троцкий китайскую революцию оценивает не как антиимпериалистическую, а как направленную лишь к уничтожению таможенных перегородок.

Почему объединение Европы, а не всего мира, спрашивает сам себя Троцкий и отвечает: «Европейской революции не приходится дожидаться революции в Азии и Африке. А между тем, победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии — и наоборот»[1].

Итак, подобно Розе Люксембург, Троцкий выдвигает как перспективу—«национальную» программу в виде Соединенных штатов Европы, основанную на теории «перманентной» революции.

Ленин уже тогда, во время войны, указывал, что «противопоставление» империалистской войне национальной программы в форме демократических Соединенных штатов есть скат к поддержке империализма, есть позиция каутскианства.

[1] Л. Троцкий, Война и революция, т. II, стр. 478.

Ленин пишет, что английский либерал Гобсон «не видит того, что это «противодействие» (в форме европейской федерации великих держав.—*И. Н.)* может оказать только революционный пролетариат и только в виде социальной революции. На то он и социал-либерал! Но он превосходно подошел еще в 1902 г. к вопросу и о значении «Соединенных штатов Европы» (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают лицемерные каутскианцы разных стран, именно: что оппортунисты (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией как раз в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки»...[1].

Что эта перспектива борьбы за демократические штаты Европы была Троцким противопоставлена программе социалистической революции, перспективе борьбы за социализм, было очевидно еще во время войны.

Ленин писал: «Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные штаты мира (а не Европы — как в другом абзаце добавляет Ленин. — *И. Н.)* был бы однако едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом, во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным»[2].

Против статьи Ленина «О Соединенных штатах Европы», которая впервые формулирует возможность построения социализма в нашей стране, тогда же в 1915 г. выступил Троцкий.

В «Программе мира» Троцкий писал, что «единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение против (подчеркнуто нами.—*И. Н.)* лозунга Соединенных штатов было формулировано в швейцарском «Социал-демократе» (т. е. центральным органом большевиков.—*И. Н.*) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-демократ» делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обуславливать созданием Соединенных штатов Европы». (Подчеркнуто нами. — *И. Н.)*

По Троцкому победа социализма в одной стране невозможна. Она возможна лишь как победа в нескольких основных странах Европы, «а если бы этого не произошло, то безнадежно думать (подчеркнуто нами.—*И. Н.)*—так

[1] Ленин, т. XIX, стр. 305.
[2] Ленин, т. XVIII, стр. 232.

свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения,—что революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы...»

Буржуазную теорию невозможности построения социализма в нашей стране контрреволюционный троцкизм обосновывал во время войны, противопоставляя национальную программу—демократические Соединенные штаты — программе социалистической революции, создающей единый фронт с национально-революционным движением колоний, полуколоний, зависимых и угнетенных империализмом наций.

В своей борьбе против ленинизма, борьбе явной, ничем не прикрытой, Троцкий защищал каутскианскую программу. Так было и с лозунгом Соединенных штатов Европы.

Опыт международных отношений в послеоктябрьский период с исключительной наглядностью подтвердил, как каутскианские лозунги времени войны стали практикой империализма, в том числе и в вопросе о Соединенных штатах Европы, особенно в руках французского империализма (Пан-Европа, Малая Антанта и т. п.).

Основываясь на мелкобуржуазной теории «перманентной» революции, Троцкий в борьбе против ленинизма использовал ошибки Розы Люксембург в национально-колониальном вопросе и вооружил буржуазию духовным оружием в виде тезиса о невозможности построения социализма.

Вот почему т. Сталин пишет, говоря об ошибках Розы Люксембург в довоенный период, что «эту полуменьшевистскую кашу подхватил потом Троцкий и использовал ее как орудие борьбы против ленинизма».

Эти положения станут особенно очевидными, если мы обратимся к одной статье Ленина. Эта статья с исключительной четкостью указывает на то, в чем заключалось использование Троцким полуменьшевистских ошибок Розы Люксембург. Мы приведем значительные выписки, ибо эти замечательные строки, написанные в 1916 г. в сравнительно малоизвестной статье, имеют огромнейшее принципиальное и исключительно актуальное значение.

«Отрицание (Розой Люксембург и др. — *И. Н.)* всякой возможности национальных войн при империализме теоретически неправильно, исторически явно ошибочно, а практически оно равняется европейскому шовинизму: мы, принадлежащие к нациям, угнетающим сотни миллионов людей в Европе, Африке, Азии и т. д., мы должны заявить угнетенным народам, что их война против «наших» наций «невозможна»!

Во-вторых, гражданские войны — тоже войны. Кто признает борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы. Все великие революции подтверждают это».

И действительно. Великая Октябрьская революция с исключительной силой подтвердила это положение, так же как китайская революция, марокканская война Франции и ряд других событий нашего времени через десяток лет после написания Лениным этих строк блестяще подтвердили оба эти случая.

«Отрицать гражданские войны, — продолжает Ленин, — или забывать о них — значило бы впасть в крайний оппортунизм и отречься от социалистической революции.

В-третьих, победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны. Наоборот. Он их предполагает. Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех (подчеркнуто Лениным. — *И. Н.)* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой. Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии»[1].

Гениальное предвидение Ленина охватывает в нескольких строках ряд коренных вопросов борьбы партии за ленинские принципы с люксембургианством и троцкизмом, задачу построения социализма в одной стране, новые этапы мировой истории в послевоенный период и т. д.

Роза Люксембург, как и большинство теоретиков эпохи II Интернационала, в своих воззрениях на ход общественного развития не сумела оторваться от отношений, порожденных капиталистическим способом производства. Фетишистская оболочка, взращенная почвой капитализма, закрывала глаза на явления, связанные с другими общественными

[1] Ленин, т. XIX, стр. 325. (Подчеркнуто нами.— *И. Н*).

формациями, с теми многообразными явлениями, которые меняли лицо абстрагируемых явлений современного общества, в действительности никогда «чистыми» не являющихся. В особенности это конечно относилось к крестьянству таких капиталистических стран, как Россия, к колониям и полуколониям. На заре капитализма для представителей восходящей буржуазии было характерно то, что они идеологию частной собственности, покоившейся на труде, переносили на частную собственность, покоящуюся на экспроприации непосредственного производителя. «Общее юридическое представление, — пишет Маркс, — от Локка до Рикардо — представление мелкобуржуазной собственности, между тем как изображаемые ими производственные отношения принадлежат к капиталистическому способу производства»[1].

На закате капитализма мы видим противоположное явление. Буржуазия стремится абсолютизировать капиталистические производственные отношения, перенося их на все общественные формации, остатки которых в той или иной форме, с той или иной степенью распространенности вкраплены в современные производственные отношения.

Не случайно прислужники контрреволюционной буржуазии — представители социал-фашизма — изображают могучий подъем национально-освободительного движения Востока против империализма как конкурентную борьбу молодого капитализма Востока со старым, европейским.

В эпоху империализма только Ленин и большевики сумели, стоя на почве революционной теории, на почве революционной диалектики, познать все многообразие общественных явлений для революционного их преобразования.

В особенности ярко это сказалось в ленинском учении о переходном периоде, об условиях переделки крестьянского хозяйства, о пяти укладах, о некапиталистическом развитии так называемых отсталых народов и т. д.

А левые во II Интернационале (Р. Люксембург, А. Паннекук), как и наши отечественные люксембургианцы (Бухарин, Пятаков), механистически рассматривали крестьянство как мелкую буржуазию в общем капиталистическом смысле и поэтому не могли понять экономику переходного периода, роли диктатуры пролетариата. Они не понимали, что «государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и мелкобуржуазных партий»[1].

[1] Из неопубликованных рукописей К. Маркса, «Правда» № 98 за 1932 г.

И Паннекук и Бухарин совершили одну и ту же полуанархическую ошибку, указанную еще в свое время Лениным. Об этой ошибке в вопросе о диктатуре пролетариата говорил т. Сталин на апрельском пленуме ЦК 1929 г.

В своих заметках, приведенных т. Сталиным, Ленин писал по адресу Бухарина еще в 1916 г.:

«От анархистов нас отличает, во-первых, использование государства теперь (т. е. буржуазного государства. — *И. Н.*) и, во-вторых, во время революции пролетариата («диктатура пролетариата») — пункты важнейшие для практики, тотчас. (Их-то и забыл Бухарин)»[2].

Когда пришло это «во-вторых», т. е. после Октябрьской революции, Ленин борется с Бухариным и «левыми» коммунистами по этому же вопросу. «Левые» коммунисты отрицали возможность построения социализма, борясь против передышки, против экономического плана Ленина весны 1918 г., рассчитанного на построение фундамента социалистической экономики, рассчитанного на социалистическую переделку крестьянства[3]. «Левые» коммунисты выступали против той линии, какую проводил Ленин, проводила партия после Брестского мира в экономических вопросах, против учета, контроля, дисциплины, против линии на союз социализма с государственным капитализмом для укрепления мелкого производства и перевода его на высшую техническую основу.

Ленин, возражая Бухарину и «левым» коммунистам, говорил:

«Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов. Они не любят организации, дисциплины, они — враги ее. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придется вести самую решительную, беспощадную борьбу и борьбу в ином масштабе, и борьбу тем более трудную, что она кажется ошибочной принципиально, между тем только тут социализм начинается»[4]. (Подчеркнуто нами. — *И. Н.*).

И тут выступает исключительная роль диктатуры проле-

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 658.
[2] Цитировано по Сталину, «Вопросы ленинизма».
[3] И не случайно „левые" с такой яростью тогда же обрушились на ленинскую линию в национальном вопросе.
[4] Ленин, т. XXII, стр. 489.

тариата, пролетарского государства как руководителя трудящихся, как организатора социалистического производства.

Этой роли диктатуры не заметили люксембургианцы, эту роль отрицали наши люксембургианцы — «левые» коммунисты (Бухарин, Пятаков), когда вопрос стал практически. В основной работе, в которой Ленин полемизирует с Бухариным, с «левыми» коммунистами по вопросу о строительстве социализма на другой день после взятия власти, — в брошюре «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» Ленин писал:

«В № 1 «Коммуниста»[1] напечатана очень лестная для меня рецензия т. Бухарина на мою брошюру «Государство и революция...» Бухарин смотрит на задачи пролетарской диктатуры, повернувшись лицом к прошлому, а не к будущему. Бухарин заметил и подчеркнул, что старый государственный аппарат надо «разбить», «взорвать», что буржуазию надо «додушить» и т. п. Взбесившийся мелкий буржуа тоже может хотеть этого. И это, в главных чертах, уже сделала революция наша с октября 1917 г. по февраль 1918 г.

Но чего может не хотеть даже самый революционный мелкий буржуа, чего хочет сознательный пролетарий, чего еще не сделала наша революция, об этом также говорится в моей брошюре. И об этой задаче, задаче сегодняшнего дня, Бухарин промолчал».

Дальше Ленин приводит цитаты из своей брошюры «Государство и революция», говорящие о том, что стало задачей диктатуры пролетариата уже после свержения власти буржуазии и слома старой государственной машины. Ленин говорит о том, как диктатура пролетариата будет преодолевать пережитки капитализма в экономике и сознании, переделывать миллионы людей, для превращения их в сознательных строителей социалистического общества:

«...Только тогда демократия (пролетарская. — *И. Н.*) начнет отмирать...» когда «люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством...»

«...До тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления...»[1]. (Подчеркнуто нами. — *И. Н.*).

Этой задачи пролетарской диктатуры, в особенности по отношению к мелкому производителю, не понимали еще до завоевания власти наши отечественные люксембургианцы — Бухарин и Пятаков. Ту же ошибку делали левые социал-демократы во II Интернационале, как например А. Паннекук, К. Радек, когда они писали по вопросам государства, диктатуры пролетариата во время войны.

[1] Орган «левых» коммунистов. — *И. Н.*

X. ЛЮКСЕМБУРГИАНСТВО И БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ СЕКЦИЙ КОМИНТЕРНА

«Если будешь замазывать ошибки Р. Люксембург, этот мост будет мостом к социал-демократии, а не к коммунизму. А если... по-большевистски будешь вскрывать ошибки Р. Люксембург — это будет для рабочих мостом от социал-демократических ошибок к большевикам».

(Из речи т. Кагановича на десятилетии ИКП).

Ошибки люксембургианства, целиком обнаружившиеся до войны, вскрываются с особой выпуклостью на отношении Розы Люксембург к Октябрьской революции. Роза Люксембург пишет в тюрьме в 1918 г. книгу, где подвергает критике действия большевиков. В этой критике, как в фокусе, сконцентрированы все ошибки Розы Люксембург. Эту книгу издал ренегат Леви, когда он ушел от коммунистов. Он издал ее, хотя знал, что Роза Люксембург не желала ее печатать, ибо по выходе из тюрьмы, она пересмотрела большую часть своих оценок большевистской деятельности. Когда Леви напечатал эту книгу, немецкие меньшевики в один голос завопили, что «живи она сейчас, она, мол, была бы нашей». Никогда конечно Роза Люксембург не была бы с социал-фашистами, но крайне поучительно, что на ее ошибках они пытались сыграть, на ее имени пытались спекулировать перед рабочими массами против коммунизма.

Роза Люксембург критиковала в этой тюремной рукописи нашу аграрную и национальную политику, противопоставление демократии диктатуре, политику террора, разгон Учредительного собрания, лишения имущих классов избирательных прав, отмену свободы печати и многое другое.

Правда, критикуя, она, в отличие от врагов советской власти, писала, что бессмертной заслугой большевиков явля-

[1] Ленин, т. XXII, стр. 527 — 528, см. также стр. 488.

ется то, что «они путем завоевания политической власти и практической постановки проблемы осуществления социализма подали пример международному пролетариату, толкнув весь мир на решительную борьбу труда с капиталом». Но, сказав это, Роза сразу выставляет и тот тезис, идущий от полуменьшевистской теории «перманентной» революции, что в России «эту проблему можно было только поставить, а не разрешить».

Роза Люксембург критикует аграрную политику, немедленный захват земель крестьянством. А мы знаем, что именно наша аграрная политика была одним из главнейших условий победы над Колчаком, Деникиным, Юденичем и т. д., она укрепила союз пролетариата с крестьянством на почве защиты отобранной у помещиков земли, она подготовила прочную почву для всей нашей дальнейшей политики по отношению к крестьянству, для социалистической переделки его.

По мнению Розы Люксембург, крестьяне будут «теперь после захвата в свои руки (земель. — *И. Н.*) врагом всякого социалистического обобществления сельского хозяйства, будут защищать зубами и ногтями свое только что приобретенное имущество против всех социалистических искушений. Таким образом теперь вопрос о будущей социализации сельского хозяйства, стало быть вообще производства в России, стал вопросом непримиримого противоречия между городским пролетариатом и крестьянскими массами»[1] (подчеркнуто нами. — *И. Н.*).

Сейчас, когда в нашей стране в ряде главных зерновых районов в основном завершена коллективизация и кулачество ликвидируется как класс, эти слова даже не требуют особых возражений. Любой немецкий рабочий сумеет, если к нему враги СССР придут с этими словами Розы, дать отпор клеветникам с помощью огромного потока фактов, иллюстрирующих социалистическую переделку крестьянских масс и борьбу пролетариата СССР за уничтожение противоположности города и деревни. И то же самое с критикой Розы в национальном вопросе и в ряде других.

Однако не книга, выпущенная ренегатом, характеризует отношение Розы к Октябрьской революции. Отношение Розы к Октябрю характеризуют ее статьи в «Роте Фане» сразу по выходе из тюрьмы. Эти несколько недель от выхода из тюрьмы и до ее гибели говорят об очень многом. Познакомившись на воле с тем, что делалось в Советской Рос-

[1] Цитировано по книге К. Цеткин, «Роза Люксембург и русская революция», стр. 23, Гиз, 1924 г.

сии, погрузившись с головой в революционный поток в Германии, почувствовав его живительное действие, Роза в течение нескольких недель с поразительной быстротой, с какой способна только настоящая революционерка, сбрасывает с себя ветхого Адама каутскианства. Она со всей страстностью бичует германскую Учредилку, прямо противопоставляя ей Советы; она с исключительной резкостью обрушивается на независимых; она говорит о терроре языком настоящего революционера.

Ленин дает в одной статье, написанной в 1922 г., ясную и подробную оценку и описание деятельности и ошибок Розы Люксембург, воплотившей в себе все лучшее, что было у левых во II Интернационале.

«Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 г. в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 г., рядом с Плехановым, Вандервельде, Каутским и др., объединение большевиков и меньшевиков; ошибалась в своих тюремных писаниях в 1918 г. (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 г. и начале 1919 г. исправила большую часть своих ошибок). Но, несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом, и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но и биография и полное собрание ее сочинений будет полезнейшим уроком для воспитания многих поколений всего мира»[1].

Ленин имел все основания писать, что Роза (несмотря на исключительно короткий срок) исправила «большую часть своих ошибок».

Клара Цеткин выпустила книгу «Роза Люксембург и русская революция», где, излагая содержание книги Розы, излагает и содержание ее последних статей.

Клара Цеткин пишет:

«Вся власть Советам! Долой Национальное собрание! Не буржуазная, а пролетарская демократия! Диктатура пролетариата! Социальная революция! Таковы лозунги, которые «Роте Фане» вносила в трудящиеся массы. Они отражали убеждения Розы Люксембург.

...Таким образом «Роте Фане» является последним и окончательным политическим «кредо» и завещанием Розы Люксембург».

Таковы ошибки Розы Люксембург, таковы ошибки люксембургианства. Разве поэтому не является троцкистской контрабандой утверждение Слуцкого о том, что большевики

[1] Ленин, т. XXVII, стр. 204.

не поддерживали полностью левых? Что хотел протащить Слуцкий? Он хотел замаскированно протащить мысль о том, что настоящими большевиками до войны были левые во II Интернационале, люксембургианцы, а большевики стали настоящими революционерами лишь перевооружившись с помощью Троцкого. В чем смысл этой контрабанды? В том, чтобы показать, если не превосходство левых группировок во II Интернационале над большевиками, то во всяком случае их равноправие в деле создания III Интернационала и руководства им.

Совершенно очевидно, что только большевики к моменту войны были той партией, которая смогла взять на себя всемирно-историческую задачу создания третьего, Коммунистического Интернационала. Только большевики сумели стать на почву марксизма эпохи империализма и социалистической революции, выработать еще до войны основы тактики и стратегии пролетарской революции.

Уже одно перечисление вопросов, по которым расходился большевизм с левыми во II Интернационале еще до войны[1] показывает, что теория Розы Люксембург не могла стать основой для III Интернационала и что большевизм обязан был бороться против полуменьшевистских, каутскианских ошибок Розы. Иначе большевизм изменил бы интересам коммунизма, интересам революции, интересам рабочего класса.

Последняя статья Розы Люксембург «Порядок царит в Берлине», как правильно отмечает Клара Цеткин, знаменует собой попытку подвергнуть строжайшей самокритике те ошибки, которые были сделаны в январском восстании. Из них крупнейшая — это в вопросе о создании коммунистической партии.

Период войны и Октябрьской революции возложил на Розу Люксембург особую ответственность, ибо в этот период особенно важно было сформулировать те принципы, которые легли бы в основу коммунистической партии Германии и провели бы ее по определенному пути. Необходимо было создать коммунистическую партию, принять активное участие в строительстве III Интернационала и решительно пересмотреть все идейное наследство II Интернационала.

[1] Следует обратить внимание на перечисление вопросов расхождения большевиков с Розой, которое дано в письме т. Сталина в пункте «в», касающегося довоенного периода. Оно имеет сугубо принципиальное значение, ибо говорит о том, что расхождение большевизма и люксембургианства до войны означало уже тогда борьбу за теорию пролетарской революции. В нашей же учебной литературе иногда склонны относить основные разногласия большевиков с Люксембург ко времени войны.

Ленин, критикуя брошюру Розы Люксембург, вышедшую под псевдонимом Юниуса, подчеркивает, что «было бы конечно глубоко печально, если бы «левые» стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе не вульгаризованного марксизма»[1].

«Юниус, — пишет Ленин, — не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги» (подчеркнуто нами. — *И. Н.*).

Ошибки Юниуса (Розы Люксембург) периода мировой войны заключались — если взять только вопрос об отношении к оппортунизму и о расколе с ним — в том, что она не сумела увидеть связи между позицией социал-шовинизма и его пособника — центра — с позицией оппортунизма и каутскианства до войны.

«В брошюре Юниуса, — читаем мы у Ленина,—чувствуется одиночка, у которой нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе. Но такой недостаток — было бы глубоко неправильно забывать это — не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского[2] лицемерия, педантства, «дружелюбия» к оппортунистам»[3].

Старые организационные воззрения на роль партии, на роль массового движения — «дружелюбная» борьба с каутскианством, неумение доводить дело до раскола — все это (да и ряд других близких к этому причин) привело к тому, что еще в 1917—1918 гг. Союз Спартака входит в состав отколовшейся от шейдемановцев каутскианской «независимой социал-демократической партии». И только с января 1919 г. мы видим самостоятельную, отдельную партию, компартию Германии.

В ответ на отклики революции в России Роза Люксембург снова выдвигает свою теорию стихийности. Так в письмах «Спартака» от августа 1917 г. мы читаем: «Революции, к сожалению, не делаются по команде. Но это и не есть задача

[1] Ленин, т. XIX, стр. 183.

[2] Вопрос о борьбе с каутскианством играл особую роль. Ленин писал при первых выстрелах войны: «Похоже на то, что средней линией всего Брюссельского блока (т. е. антибольшевистского объединения. — *И. Н.*) господ ликвидаторов с Алексинским и Плехановым, будет приспособление к Каутскому, который теперь вреднее всех», т. XVIII, стр. 54.

[3] Ленин, т. XIX, стр. 189 — 190.

социалистической партии. Ее обязанностью является лишь всегда смело «высказать, что есть», т. е. дать массам ясное и отчетливое представление об их задачах в данный исторический момент, дать политическую программу действия и лозунги, которые из этой ситуации вытекают. Заботу же о том, свяжется ли и когда массовый революционный подъем с этими лозунгами, социализм должен спокойно предоставить самой истории»[1].

Подход к партии только с агитационно-пропагандистской точки зрения, отрыжки старых представлений о стихийности, о вооруженном восстании, об организованности масс — все это особенно резко вскрылось во время спартаковского восстания в январе 1919 г., целиком сказалось на разгроме этого восстания и на судьбе самой Розы.

Только за несколько дней до январского движения была наконец оформлена коммунистическая партия Германии. И Роза и Тышко очень долго надеялись, что, оставаясь в рядах независимой, они имеют доступ к широким массам и внутри независимой партии завоюют всю партию.

Ленин пишет по этому поводу:

«Действительной революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдеманы, Легины, Давиды и К°) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К°) бандой лакеев капитала»[2].

За неделю до выступлений Союз Спартака принимает программу, написанную Розой, в которой говорится, что «Союз спартаковцев ни в коем случае не возьмет власть иначе, как по воле ясной, недвусмысленной громадного большинства пролетарской массы всей Германии, ни в коем случае кроме как с сознательного согласия его с намерениями, целями и методами борьбы Союза Спартака».

А когда через неделю пролетарии вышли на улицу для выражения «недвусмысленной воли» с пулеметами, винтовками, орудиями, готовые драться, то они не имели такой партии, которая бы систематически готовила бы их к такому выступлению, которая бы подготовила этот решительный удар. Не было той организованной силы, которая практически подготовила бы восстание, провела его, которая отвергла бы все предложения независимых о переговорах с палачом Носке о «выходе из создавшегося положения», как предложения штрейкбрехерские, провокаторские.

[1] Spartacus Briefe № 6.
[2] Ленин, т. XXVI, стр. 485—486. Письмо к немецким коммунистам.

Взамен этого «Роте Фане» писала:

«Если бы берлинские рабочие сегодня разогнали Национальное собрание, если бы бросили Шейдемана — Эберта в тюрьму, в то время как рабочие Рурской области, Верхней Силезии, сельскохозяйственные рабочие Восточной Пруссии и Эльбской области оставались бы спокойными, то на другой же день капиталисты могли бы победить в Берлине голодом».

Кто знает — может быть, если разогнали бы германскую Учредилку, посадили бы Шейдемана и Эберта в тюрьму, берлинские рабочие и поголодали, но революция бы победила и Роза и Либкнехт могли бы остаться в живых, руководя рабочими, побеждающими контрреволюцию, капиталистов, шейдемановцев и голод!

Было бы вульгаризацией представить дело так, что в январском поражении виновато одно люксембургианство, но что оно сыграло здесь огромнейшую роль в отрицательном смысле — не подлежит ни малейшему сомнению.

Роза Люксембург, как и Карл Либкнехт, встала в первые ряды борющихся. Но встать в первые ряды и подставить свою грудь под удары еще не значит руководить движением, быть авангардом этого движения.

Ошибки свои Роза попыталась перенести и на Коминтерн. Известно, что Роза не вошла в левую Циммервальда. Известен рассказ делегата спартаковцев на I конгрессе Коминтерна т. Альберта (т. Эберлейна) о том, что он имел директивный мандат от Розы Люксембург и Л. Тышко, руководившего работой спартаковского центра, не соглашаться на объявление I конгресса Коминтерна учредительным конгрессом III Интернационала. При открытии по настоянию Альберта конгресс был объявлен конференцией, но затем всеми, за исключением воздержавшегося Альберта, конституировался как конгресс. И в аргументации Альберта слышны те же ноты отношения к партии, как только пропагандистской организации. Он утверждает, что «среди собравшихся царит единодушие» и тем не менее заявляет, что «если приступать к основанию III Интернационала, то прежде всего мы должны сказать миру, чего мы хотим и объяснить сперва, на каком пути желаем мы и можем достигнуть соглашения»[1].

Чрезвычайно симптоматичным является то, что эти ошибки Розы рассматриваются ныне ренегатами как положительное явление.

[1] «Первый конгресс Коммунистического интернационала», П., 1921 г.

Вот что пишет брандлерианец Тальгеймер:

«Тот, кто оглядывается назад, исходя из современного положения Коминтерна, тот видит также правильные и ценные моменты, которые заключались в предостережении Розы Люксембург от поспешного основания Коминтерна. Они заключались в предвидении... что в подобном Интернационале громадный перевес русской партии подавит все остальные партии, задержит и повредит его развитию, что на Интернационал будет наложен специфический русский отпечаток»[1].

Когда обсуждалась статья т. Сталина на коммунистической фракции общества историков-марксистов при Комакадемии, выступил т. Радек. В чем же заключалось его выступление? Тов. Радек в свое время был левым радикалом, одним из ближайших учеников и соратников Розы Люксембург, а в последнее время — одним из руководителей троцкистской оппозиции. Признав, что левые не были большевиками, остановившись на ряде ошибок левых в вопросе о вооруженном восстании, в организационном и национальном вопросах, он вместе с тем выдвинул антипартийную теорию, что люксембургианство, что левые течения — это «ручейки», вливающиеся в Коминтерн. Радек не вскрыл по-настоящему связи троцкизма и брандлерианства и в частности оппортунистической линии брандлерианского руководства германской компартии, приведшего к поражению революцию 1923 г. с люксембургианскими традициями; он явно замазал центристские тенденции у левых, заявив, что люксембургианство — «мост» для перехода к большевизму западноевропейских рабочих. «Мост», по которому Радек считал, что рабочие придут в ряды Коминтерна — «этот мост» уводит от коммунизма, ибо знаменем люксембургианства пользуются ныне враги и ренегаты коммунизма.

Опыт борьбы Коминтерна говорил о серьезности ошибок многих компартий, проистекавших из их люксембургианского прошлого. Особенно сильны эти ошибки были в германской компартии, которая уже на учредительном своем съезде приняла люксембургианскую программу. Люксембургианские ошибки были сделаны и во время баварской советской республики, когда помещичьи земли не были конфискованы, земля, арендованная мелкими крестьянами, им не была передана в пользование, когда господствовало преклонение перед «демократией», выборность в Красной армии и т. д. Крупнейшие ошибки были совершены в 1923 г., особенно в саксонском правительстве, куда вошли брандлерианцы. В этих событиях сказались до крайности ставка на самотек, демократические иллюзии, неумение и отказ от вооружения рабочих, неумение раскрыть предательскую роль левых социал-демократов типа Цейгнера, ставка на парламентское сотрудничество с социал-демократами, отказ от решительного наступления на силы врага и т. д. Громадный вред принесли люксембургианские ошибки венгерской компартии во времена венгерской советской республики и т. д. и т. п.

[1] «Gegen den Strom» № 10 за 1929 г.

Польской компартии, как и германской, долго приходилось, да и теперь еще приходится, преодолевать люксембургианскую отрыжку в своих рядах.

Для характеристики того, что люксембургианство служит для врагов большевизма средством борьбы с ленинизмом, с компартией можно привести пример с неким Лора, написавшим во Франции книгу о теории империализма Розы Люксембург, где он, превознося ее как единственную марксистску, противопоставляет ее «вульгаризатору Гильфердинга—Ленину и его ученикам—русским большевикам». Попутно сей господин занимается большевикоедством.

На IV конгрессе Коммунистического Интернационала Тальгеймер выступил с откровенной защитой теории империализма Розы Люксембург против ленинской теории. В литературе взгляды Розы Люксембург по вопросу об империализме защищали Ю. Борхард, Штернберг, Лукач и др. И когда на V расширенном пленуме ИККИ встал во весь рост вопрос о большевизации компартий, то в тезисы о большевизации был включен специально раздел «Большевизация и некоторые теоретические ошибки в лагере коммунистов (в частности ошибки люксембургианства)».

В этих тезисах мы читаем, что «подлинная большевизация для ряда партий Коминтерна невозможна теперь, без преодоления этими партиями ошибок люксембургианства, которые в силу исторических условий играют значительную роль в движении данных стран».

Далее идет указание важнейших ошибок: о «стихийности» и «сознательности», об «организации» и «массе», о том, что «недооценка технического момента в подготовке восстания мешала и отчасти мешает кое-где и теперь правильно поставить вопрос об «организации революции», ошибки в крестьянском вопросе.

«На практике такие социал-демократические ошибки в крестьянском вопросе делали и венгерские коммунисты, будучи у власти, и польская компартия, и болгарская компар-

тия в 1923 г., и итальянские максималисты, и псевдо-левые идеологи «Коммунистической рабочей партии» в Германии и ряд секций Коминтерна даже сейчас».

Тезисы указывают и на ошибки люксембургианства в вопросах национальном и профсоюзном (профсоюзы как чисто партийные союзы — точка зрения польской партии). Тезисы вместе с тем подчеркивают, что Роза Люксембург является одной из основательниц Коминтерна.

Куда уводит люксембургианство, показывает опыт борьбы Коминтерна. Не случайно большинство бывших люксембургианцев сейчас в той или иной форме подает открыто руку социал-фашистам. Не случайно люксембургианский «историк» Пауль Фрелих вошел в группу «левых» социал-фашистов Зейдевица. Поэтому политически крайне вредны теории мостиков и ручейков, вливающихся в Коминтерн, прекрасно разобранные в речи т. Кагановича. Ясно, что характерная особенность всякой большевистской партии заключается в том, что организационно она монолитна, едина, вылита из одного куска. В ней не может быть соединений, лоскутности и т. д. Единая, цельная, монолитная организация, а не сумма ручейков! Теория «ручейков» есть проповедь центризма, каутскианства в наших рядах. В коммунистической партии «центризм,—пишет т. Сталин,—беспредметен и несовместим с ленинской партийностью, так как коммунистическая партия есть монолитная партия, а не партия блока разнородных классовых элементов». Рассуждения Радека о «мостике», каким является люксембургианство, приводящем рабочих к большевизму, родственны ряду других троцкистских выступлений, например Альтера.

Что писал Альтер?

«В декабре 1918 г. люксембургианство превратилось в большевизм, слилось с ним (подчеркнуто Альтером. — *И. Н.*) на основе признания неурезанных принципов большевистской программы, тактики и организации».

Альтер прямо ставит знак равенства между «западным радикализмом» и «западным коммунизмом» и считает, что между ними, т. е. западным радикализмом и западным коммунизмом и большевизмом, нет грани.

«Русский коммунизм» и «западный коммунизм» создают, по словам Альтера, «идеологическое единство, воплощающееся в создании и росте Коммунистического Интернационала».

Что означают эти слова? Это значит, что Коммунистический Интернационал представляет собой соединение, с одной стороны, русских большевиков и, с другой стороны, всех

левых элементов в социал-демократических партиях Запада. Выходит, что Коммунистический Интернационал имеет два корня: большевистский корень—русские большевики—и западноевропейский. Это значит, что все то, что имело место в России, приложимо только к русским условиям, что большевизм есть «чисто русское» явление. Не случайно это же самое проповедуют все ренегаты, троцкисты, а с ними вся мировая буржуазия и ее главная опора — социал-фашисты.

Тезис о двух корнях коммунизма имел место в нашей литературе и по отношению к ВКП(б). Теория двухкоренности заключалась в том, что например белорусская коммунистическая партия выводилась из слияния русских большевиков, с одной стороны, и, с другой стороны, тех национально-демократических или национал-социалистических организаций, которые боролись в той или иной форме с царизмом. На Украине теорию двухкоренности проповедывал Яворский, наиболее злостный представитель двухкоренности. Теорию двухкоренности проповедывал Теодорович, видевший в большевизме слияние социализма русских рабочих с социализмом народовольцев. Двухкоренность проповедует Я. Шумяцкий в брошюре «Закаленные в борьбе».

Он пишет:

«Как известно, социал-демократия Польши и Литвы до революции также была чисто большевистской организацией. Но и этого мало (так и написано! — *И. Н.*). Максималисты, как и левица ППС, а равно и некоторая часть Бунда, также должны быть отнесены без всяких «натяжек» и «смазываний» к большевикам-подпольщикам» [1].

Теория «двухкоренности» играет наруку классовым врагам. На примере люксембургианства — в этом можно легко убедиться. Роза Люксембург, несмотря на свои ошибки, принадлежит нам, но люксембургианство—это знамя, которым пользуются враги большевизма, враги Коминтерна, ренегаты коммунизма. И точно так обстоит со всеми левыми группами II Интернационала. Мы не должны отдать имя Розы врагам, но ее меньшевистские ошибки, ее центристские ошибки необходимо вскрывать и разоблачать. И это будет лучшим памятником Розе.

---

[1] Очень кстати т. Кнорин в заключительном слове на фракции общества историков-марксистов заметил, что если мы бьем по люксембургианству, если мы указываем на неб льшевизм польской социал-дем кратии, то это не дает права кое-кому обелять ППС левицу или Бунд и считать их правыми в их прошлой борьбе. О какой бы то ни было близости к большевизму Бунда и левицы ППС даже говорить не приходится.

Мы знаем ряд левых групп в довоенных с.-д. партиях. Кроме левых и германской с.-д., П. С.-Д., в Голландии—трибунисты, в Швеции — «молодые» во главе с Хеглундом, в Болгарии—тесняки, в Америке — де-Лион и т. д. Ряд уклонов в секциях Коминтерна питался идейной пищей этих левых групп. Теория же двухкоренности позволяет амнистировать ошибки этих групп, дать им равноправное с большевизмом существование и тем самым бороться с большевизацией соответствующих компартий. Когда Слуцкий говорит о левых, что они были единственными последовательными борцами с центром, Радек — о «мостике», Альтер — об идеологическом единстве радикализма и большевизма, то все это — троцкистские попытки отрицать международное значение опыта нашей революции, бороться с той ролью в руководстве Коминтерном, какую играет наша партия, которая действительно была до конца революционной. Единственная организация, которая действительно вела непримиримую ожесточенную борьбу с оппортунизмом, стоя на базе научного коммунизма, доводя эту борьбу до конца,—это была наша партия. Об этом говорят десятки лет этой борьбы, II съезд, революция 1905 г., мировая война, Февральская революция, Октябрьская революция, гражданская война, весь период строительства социализма в нашей стране. Все эти этапы показали, что единственная партия, которая от начала до конца ведет борьбу с оппортунистами всех мастей, которая указывает пути, определяющие движение международного пролетариата, — это наша партия.

Тот, кто посягает на это, бьет по основным позициям Коммунистического Интернационала, бьет по Коммунистическому Интернационалу. Этими троцкистскими «теорийками» о двухкоренности стараются воспользоваться все, кто заинтересован в том, чтобы сеять рознь между ВКП(б) — руководящей партией Коминтерна, партией строительства социализма и другими секциями. Теперь, когда компартии Запада и Америки стоят перед решающими боями, их выдержанность, их большевистская стойкость, умение применить опыт российских революций и ВКП(б) к условиям своей страны играют огромнейшую роль. В грядущих боях с капитализмом наша партия и впредь будет выполнять роль международного авангарда, роль исторически определенную ее борьбы в течение ряда десятилетий и закрепленную руководством первой страной пролетарской диктатуры. Под руководством ВКП(б) Коммунистический Интернационал будет бороться за победу мировой социалистичсекой революции под знаменем ленинизма—против врагов рабочего класса, против оппортунизма всех видов, против всех искажений теории большевизма, в том числе и против люксембургианства.

Письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» ставит на небывалую высоту теоретическое изучение большевизма, со всей отчетливостью показывает международное значение большевизма, его борьбу с оппортунизмом, его отношение к наследию II Интернационала, к левым элементам во главе с Розой Люксембург. Статья т. Сталина заостряет внимание на борьбе с троцкизмом как передовым отрядом контрреволюционной буржуазии и призывает к решительному искоренению «гнилого либерализма» в отдельных звеньях нашей партии. В «гнилом либерализме» повинна не только «Пролетарская революция», но и ряд других органов, в том числе и журнал «Историк-марксист», в ряде случаев проявлявший «гнилой либерализм». Вместо того чтобы ударить по троцкизму Слуцких со всей большевистской решительностью, вместо того чтобы по-настоящему разоблачить их контрреволюционную контрабанду, с ними полемизировали, вежливенько указывали, что они «ошибаются», «заблуждаются».

Тов. Сталин с исключительной четкостью поставил вопрос о том, что каждый большевик должен уметь драться за аксиомы большевизма, за то, что составляет гранитное основание нашей партии. Эти основы большевизма, его аксиомы мы никому не позволим расшатывать, и за них мы должны уметь драться, уметь их в любой форме защищать и отстаивать.

Вся наша партия должна учесть уроки, вытекающие из статьи т. Сталина. Письмо т. Сталина относится ко всему теоретическому фронту. Мы должны произвести генеральный пересмотр всей нашей литературы, беспощадно вытравить все следы троцкистской контрабанды.

Статья т. Сталина продолжает лучшие традиции большевизма, продолжает традиции Ленина в вопросах истории и теории большевизма.

В 1913 г. Ленин напечатал статью в «Правде», в которой, говоря о впередовстве, связывал исторически это течение с отзовизмом. А. Богданов написал «опровержение», в котором отрицал связь впередовства с отзовизмом. Редакция «Правды» напечатала это «фактическое разъяснение» А. Богданова «для беспристрастия», хотя и разделяла по этому вопросу взгляды Ленина.

Ленин обрушивался на «гнилой либерализм» «Правды» в следующих словах:

«Поступок редакции по отношению к искажению истории партии т. Богдановым возмутителен настолько, что, право, не знаешь, можно ли после этого оставаться сотрудником»[1].

«Самым осторожным образом я констатировал факт, что направление, осужденное единогласно всей партией, «связано с впередовством...».

«Спрашивается, можно ли обойти этот факт? Нельзя, ибо партия сразу осудила и ликвидаторство и отзовизм. Кто пожелал бы обойти этот факт, говоря об истории партии по отношению к ликвидаторству, тот был бы мошенником».

Ленин заявляет, что по такому вопросу он должен сохранить за собою «полную свободу войны по поводу искажения истории партии»[2].

Этот далеко не единичный факт показывает, каким образом Ленин боролся за аксиомы большевизма против гнилого либерализма, против искажения истории партии. Этот факт показывает и то, что в письме т. Сталина мы имеем продолжение этой традиции, этого стиля ленинской работы в новой обстановке.

Троцкистские контрабандисты—это не только Слуцкий и Волосевич. Такие же точно выступления были и у других «историков». Надо покончить с гнилым либерализмом, с попытками рассматривать троцкизм, этот передовой отряд контрреволюционной буржуазии, как «фракцию в коммунизме». Мы должны помочь и большевистским историкам исправить их ошибки. Надо воспитать миллионы коммунистов, комсомольцев, пролетариев, колхозников в духе правильного понимания большевизма, внедрить в массы аксиомы большевизма. Эта задача гигантского значения и объема. Вот почему мы видим постановление ЦК об «Истории гражданской войны», об «Истории фабрик и заводов». Тов. Постышев этот вопрос поставил на культпроповском совещании. Тов. Каганович в ряде своих выступлений подчеркивал значение истории для марксистско-ленинского воспитания. Наконец т. Сталин пишет актуальнейшую политическую

[1] В другом письме по этому поводу Ленин пишет: «Я бы очень не хотел печатно выступать против редакции «Правды»,—мы слишком долго работали вместе, но поддержка отзовизма для меня грех в сто раз хуже поддержки ликвидаторства и не только хуже, а бесчестнее (Ленин т. XVI, стр. 745).

[2] Ленин, т. XVI, стр. 441—442.

статью по историческому вопросу. Мы должны изучать историю большевизма на сочинениях Ленина, на сочинениях Сталина, на протоколах съездов и конференций. История является составной частью марксистско-ленинского воспитания. История большевизма есть надежнейшая опора по пути нашей дальнейшей борьбы.

Овладение марксистско-ленинской теорией связано с борьбой за генеральную линию партии, с разоблачением контрреволюционного троцкизма, с борьбой против главной опасности—правого и против «левого» оппортунизма, против гнилого либерализма. Правильное понимание истории большевизма дает ясную перспективу грядущим боям большевизма за мировую социалистическую революцию.

Наша партия представляет собой передовой отряд всего международного движения. Опыт всех лет показывает, что наша партия представляет такую революционную организацию, которая до Октября была единственной до конца революционной партией и в настоящее время единственной, строящей социализм.

Наша партия призвана всем историческим ходом последних десятилетий к роли авангарда коммунистического международного движения.

«Тактика большевиков была правильной, была единственно интернационалистской тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском «неверии» в нее, не на узко-националистическом желании отстоять «свое» отечество (отечество своей буржуазии), а на все остальное «наплевать»,—она была основана на правильном (до войны[1], до ренегатства социал-шовинистов и социал-пацифистов, общепризнанном) учете европейской революционной ситуации. Эта тактика (большевиков.—*И. Н.*) была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране (подчеркнуто нами.—*И. Н.*) для развития поддержки, пробуждения революции во всех странах. Эта тактика оправдалась с громадным успехом, ибо большевизм (вовсе не в силу заслуг русских большевиков, а в силу глубочайшего сочувствия масс повсюду тактике, революционной на деле) стал мировым большевизмом...»[2].

И сейчас, в обстановке мирового кризиса, развертывающихся боев рабочего класса против капитализма во всех странах, вопрос о международном значении нашей револю-

[1] Подчеркнуто нами.—*И. Н.*

[2] Ленин, т. XXIII, стр. 385.

ции, вопрос о роли нашей партии в руководстве Коминтерном, международным рабочим движением, вопрос об отношении каждой секции Коминтерна к опыту ВКП(б)—все эти вопросы имеют огромное политическое значение.

Наша партия вела рабочий класс России от этапа к этапу, к революции 1905 г., к революции 1917 г., от Февраля к Октябрю, показывая дорогу всему международному рабочему движению; наша партия победоносно строит социализм, вызывая восхищение и солидарность пролетариев всего мира, наша партия в авангарде мирового движения ведет и будет вести от Октября в нашей стране к Октябрю во всем мире.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

I. Письмо т. Сталина и борьба с троцкистскими контрабандистами 5

II. Россия — узел мировых противоречий и центр революционной борьбы 10

III. Из истории борьбы Ленина с бернштейнианством 25

IV. Борьба за партию нового типа 37

V. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1905 г. и троцкистско-люксембургианская «перманентная» революция. 46

VI. Некоторые проблемы перерастания в революции 1905 г. и троцкистская контрабанда 61

VII. Международное значение революции 1905 г. и II Интернационал 79

VIII. Борьба большевизма на два фронта как образец тактики для всех 93

IX. Люксембургианство и большевистский план единого фронта пролетарской революции и национально-освободительного движения 116

X. Люксембургианство и большевизация секций Коминтерна . . . 135

Редактор Д. Орлицкий. Техредактор Н. Лебедева.
Сдано в производство 21/IX 1932 г. Подписано к печати 19/XII 1932 г.
Партиздат № 2061. Формат 82 x 105/32 9½ п. л. 40 320 зн. в п. л.
Уполном. Главлита В—42920. Тираж 10000 экз.

Типография изд-ва «Дер Эмес», Москва, Покровка, 9. Заказ 853.

Издательство ЦК ВКП(б) ПАРТИЗДАТ

НОВЫЕ КНИГИ:

БАДАЕВ А., Большевики в Государственной думе.

405 стр., ц. 3 р 60 коп.

Большевистская фракция IV Государственной думы и революционное движение в Петербурге. Воспоминания.

ГУЛЯЕВ Н., Стратегическая линия большевизма в революции 1905—1907 гг.

47 стр., ц. 25 коп.

Борьба Ленина (большевиков) за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Фальсификация истории большевизма и Октябрьской революции контрреволюционным троцкизмом и троцкистскими контрабандистами.

КОРНЕЕВ М., Вторая пятилетка и уничтожение классов.

62 стр., ц. 35 коп.

Для партактива.

БЕРМАН Я., Диктатура пролетариата во второй пятилетке.

55 стр., ц. 25 коп.

Итоги первой пятилетки. Классовая борьба во второй пятилетке. Укрепление диктатуры пролетариата во второй пятилетке.

Для партактива.

ТРАЙНИН И., Национальный вопрос за рубежом и в СССР.

72 стр., ц. 40 коп.

„Разрешение" империалистами национального вопроса. Положение национальностей в России при царизме. Временное правительство и национальный вопрос. Большевики в борьбе за право наций на самоопределение. Октябрь и раскрепощение национальностей. Борьба против националистских вылазок классового врага. СССР — отечество борющегося мирового пролетариата.

Для низового партактива.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в МАГАЗИНЫ и ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИЗДАТА и КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗ

ГОСПОЛИТБИБЛ ЛЕНИНГРАД

a.145.20

147

1 руб.

ГОС. ПУБЛ. БИБЛ. (ЧИТ. ЗАЛ) В ЛЕНИНГРАДЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)
ПАРТИЗДАТ

НОВЫЕ КНИГИ:

За партийность в исторической науке.

80 стр., ц. 50 к.

Статьи, рецензии и заявления в связи с письмом т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».

В. АДОРАТСКИЙ, Диалектический материализм. Хрестоматия по Ленину для совпартшкол и комвузов.

583 стр. ц. 3 р. 75 к.

Составил и снабдил примечаниями В. Адоратский. Издание 5-е, исправленное и дополненное.

Марксизм. Материализм. Борьба против идеализма. Диалектика. Материалистическое и идеалистическое понимание истории. Капитализм в его развитии и переход к коммунизму. Классы и различные формы их борьбы. К оценке русской революции

В. ВАНДЕК и В. ТИМОСКО, Очерк философии Б. Спинозы.

79 стр., ц. 70 к.

Мировоззрение и метод Спинозы. Критика ошибочных оценок философии Спинозы.

Гегель и диалектический материализм.

275 стр., ц. 2 р. 50 к.

Сборник статей к столетию со дня смерти Гегеля.

Анализ философских и политических взглядов Гегеля. Современное неогегельянство на Западе. Фашизм, социал-фашизм и идеалистическая диалектика Гегеля. Критика механицизма и меньшевиствующего идеализма в отношении к философии Гегеля и его диалектике.

Для партактива и учащихся вузов.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: В МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ ПАРТИЗДАТА И КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗ'а.